

Агентство по делам архивов Пермского края
ГКБУ «Государственный архив Пермского края»

Игнатьев В. А.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Часть I

Пермь
Продюсерский центр
«Траектория»
2017

Пермь, 2017
УДК 271.2-47
ББК 86.372.24-6
И 26

Проектная группа: Инициатор проекта: **И. В. Киреев**, кандидат исторических наук, директор ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Куратор проекта: **А. В. Глушков**, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела. Руководитель проекта: **В. Г. Бояршинов**, зам. начальника отдела использования архивных документов и научно-справочного аппарата. Участник проекта: **Е. В. Матвеев**, начальник лаборатории информационных технологий и обеспечения сохранности архивных документов.

Рецензенты: **М. Г. Нечаев**, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета; **А. В. Шилов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Часть I. /Под ред. В. Г. Бояршинова. Государственное краевое бюджетное учреждение «Государственный архив Пермского края». — Пермь: Траектория, 2017. — 320 стр., илл.

ISBN 978-5-9909617-8-4

ГКБУ «Государственный архив Пермского края» публикует воспоминания преподавателя и бытописателя Василия Алексеевича Игнатъева (1887–1971) о городе Перми и Пермской духовной семинарии начала XX века: об учебном процессе и преподавателях, досуге, быте и фольклоре семинаристов, о любви семинаристов к своей *alma mater* и семинарской гордости, об увлечении автора пением и хоровыми кружками. Научно-популярное издание адресовано историкам, архивистам, преподавателям вузов, учителям школ, студентам и учащимся, а также краоведам и всем, интересующимся историей Пермского края.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ

УДК 271.2-47
ББК 86.372.24-6

ISBN 978-5-9909617-8-4

© Государственный архив Пермского края,
текст, фотографии, 2017
© ООО «Траектория», издание, 2017

Агентство по делам архивов Пермского края
ГКБУ «Государственный архив Пермского края»

===== *Игнатьев В. А.* =====

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

===== **Часть I** =====

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ	8
ВОСПОМИНАНИЯ В. А. ИГНАТЬЕВА	
О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА	49
СТАРАЯ ПЕРМЬ	49
Главные ворота города	50
Сибирка	54
Красноуфимская улица	55
Кунгурская улица	56
Культурные учреждения города	56
Знатные люди Перми и выходцы из неё	57
Парки, скверы города	57
КАМА	68
ОЧЕРКИ В. А. ИГНАТЬЕВА ПО ИСТОРИИ	
ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ	75
<i>Alma Mater</i>	76
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ	83
Протоиерей Константин Михайлович Добронравов (ректор)	83
Александр Павлович Миролубов (инспектор)	92
Валериан Александрович Фаминский	105
Владимир Александрович Кандауров	115
Алексей Иванович Добролюбов	119
Алексей Иванович Дергачёв	123
Александр Николаевич Юрьев	126

Александр Федосеевич Успенский	132
Павел Николаевич Серебренников	134
Василий Яковлевич Струминский	142
Николай Иванович Знамировский	150
О. Тихон Петрович Андриевский	162
Иван Ермилович Губкинский	183
О. Стефан Луканин	186
Протодиакон «Маттафия»	187
ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ	189
Экономы	189
Эскулап (семинарский фельдшер)	191
Кирилл Михайлович (повар)	194
Иван Иванович (столяр)	199
Михаил (ламповщик)	201
«Сторожа»	203
Яша (швейцар)	209
<i>Scriba</i> (секретарь)	214
Трагическая гибель С. Е. Кусакина	215
НАС БЫЛО ТРИДЦАТЬ	218
1. Мавровский Николай	218
2. Харин Евфимий	220
3. Иваницкий Николай	221
4. Пономарёв Виталий	222
5. Богословский Сергей	223
6. Козельский Григорий	224

7. Бережнёв Пётр	225
8. Черепанов Леонид	226
9. Михайлов Филагрий	226
10. Хмельнов Николай	227
11. Словцов Семён	227
12. Юмин Константин	227
13. Юмин Александр	227
14. Павлинов Михаил	228
15. Чернавин Георгий	228
16. Яковкин Александр	228
17. Кочнев Михаил	229
18. Первушин Николай	229
19. Коровин Марин	230
20. Удинцев Александр	231
21. Удинцев Иван	231
22. Попов Николай	231
23. Старцев Анект	232
24. Хохлов Александр	232
25. Никитин Александр	233
26. Максимов Андрей	233
27. Шкляев Александр	234
28. Третьяков Константин	234
29. Затопляев Михаил	235
30. Игнатъев Василий	235
 ПОЛТОРА ГОДА ЖИЗНИ И РАБОТЫ В ПЕРМИ	 241
 НАША СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 ГГ.)	 245

БЮГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ «ПРОФЕССОР, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ИВАН СТЕПАНОВИЧ БОГОСЛОВСКИЙ» И «СЕМЕЙСТВО БОГОСЛОВСКИХ»	253
Профессор, доктор медицины	
Иван Степанович Богословский	253
Семейство Богословских	256
Биографический словарь	268
Словарь латинских выражений	304
Список сокращений	306
Именной указатель	309

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Относительная либерализация политической и общественной жизни страны в середине 1950-х — начале 1960-х годов привела, в частности, к большей свободе творческой деятельности. Люди старшего поколения с большим жизненным опытом стремились запечатлеть события прошлого, участниками, свидетелями и наблюдателями которых они были ещё с дореволюционных времён, чтобы таким образом оставить потомкам свои свидетельства. Учёные-краеведы выходили с инициативами составления, сохранения и пропаганды сокровищ материальной и духовной культуры, собирали ценнейшие документы по истории, воспоминания деятелей культуры, науки, искусства, формировали коллекции документов, которые затем стали пополнять архивы.

В Пермской области этим, в частности, занимались братья Павел Степанович и Иван Степанович Богословские, а в Свердловской области — Владимир Павлович Бирюков, коллекции которых дополнили личные фонды Государственных архивов Пермской и Свердловской областей. Благодаря им были собраны и сохранены большие коллекции, содержащие документы их научной и творческой деятельности, ценные сведения по истории культуры, литературы, образования, краеведения, медицины, материалы разных лиц, которые были заинтересованы в сохранении своего документального наследия и с которыми у них была переписка. Так, в настоящее время в Государственном краевом бюджетном учреждении

«Государственный архив Пермского края» на хранении имеется семейный фонд р-973 «Богословские: Павел Степанович — профессор, доктор филологических наук, краевед; Иван Степанович — профессор, доктор медицинских наук, краевед», а в Государственном казённом учреждении Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» — фонд р-2757 «Коллекция документов деятелей культуры, науки и техники и других лиц, собранная уральским писателем-краеведом В. П. Бирюковым», в которых хранятся «пермская» и «свердловская» коллекции воспоминаний преподавателя и бытописателя В. А. Игнатьева (1887–1971), происходившего из духовного сословия, бывшего пермского семинариста.

Василий Алексеевич Игнатьев родился 9 (21 н. ст.) февраля 1887 года в селе Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии (ныне в составе Красноармейского района Челябинской области), в семье бедного сельского диакона-псаломщика (был одним из младших сыновей). Обучался в 1897–1902 гг. в Камышловском духовном училище, в 1902–1909 гг. — в Пермской духовной семинарии, в 1909–1913 гг. — в Казанской духовной академии. Работал в 1913–1914 гг. в г. Бугуруслане Самарской губернии преподавателем русского языка и литературы в реальном училище, в 1914–1916 гг. — в г. Перми помощником инспектора в Пермской духовной семинарии, преподавал латинский язык там же и в 1915–1916 гг. в частной мужской гимназии Циммерман; по совместительству преподавал логику и психологию в Пермской мужской гимназии. В 1916–1923 гг. проживал в г. Слуцке Минской губернии, где работал в 1916–1918 гг. преподавателем латинского языка в Слуцком духовном училище, в 1918–1920 гг. — русского языка и литературы в Слуцком коммерческом училище, в 1919–1920 гг. — латинского языка в

Слуцкой женской гимназии, в 1920–1922 гг. — преподавал в Слуцкой школе 2-й ступени, в 1921–1923 гг. — работал делопроизводителем и старшим счетоводом в Слуцком отделении Центробелсоюза, был членом Слуцкого Горсовета и активным профсоюзным работником. С 1923 года проживал в Екатеринбурге (с 1924 г. Свердловск), где в 1923 году работал инспектором Екатеринбургского губоно. В 1923–1924 гг. работал на Верх-Исетском заводе (ВИЗ) («Красная кровля») преподавателем русского языка в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1924 году прошёл Областные курсы по переподготовке преподавателей в Свердловске. В 1924–1931 гг. работал заведующим учебной частью в школе ФЗУ и в 1931–1932 гг. заведующим фабрично-заводскими техническими курсами на ВИЗе и там же в 1932 году преподавателем сменного высшего технического учебного заведения (ВТУЗа) ВИЗа, одновременно был преподавателем географии на отделении рабфака У.С.И. и в металлургическом техникуме при ВИЗе. В 1932–1935 гг. работал преподавателем русского языка, секретарём и библиотекарем в Вечернем коммунистическом университете при ВИЗе, в 1935–1936 гг. — преподавателем русского языка на производственно-технических курсах ВИЗа и в 1936–1939 гг. на курсах мастеров социалистического труда ВИЗа. В 1939–1943 гг. работал преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. В 1943 году был чернорабочим цеха №1, контролёром по вывозке дров, завхозом и заведующим складом в пионерлагере, сторожем на огороде служащих заводоуправления и десятником склада топлива ВИЗа. В 1943–1949 гг. работал старшим преподавателем латинского языка Свердловского юридического института и Свердловского филиала Всесоюзного юридического заочного института, кроме того, в 1949–1952 гг. по совместительству работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском педагогическом институте иностранных языков и Свердловском сельскохозяйственном институте, одновременно в 1949–1951 гг. обучался в двухгодичном вечернем университете марксизма-ленинизма при Свердловском горкоме ВКП(б), затем в 1952–1956 гг.

вновь работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. Одновременно состоял членом экзаменационных комиссий по русскому языку и литературе на приёмных экзаменах в указанных институтах. Принимал участие в работе журнала «Профтехническое образование на Урале». С 1956 года находился на пенсии. Скончался в Свердловске 26 февраля 1971 года.

Происходя из низшего и беднейшего слоя выходцев из духовного сословия, пройдя три ступени духовной школы дореволюционного периода и работая в многочисленных учебных заведениях разного типа как до революции, так и после неё, В. А. Игнатьев прожил большую и тяжёлую, наполненную огромным опытом жизнь. В 1950–1960-х гг., после выхода на пенсию, он не раз посещал свои родные края, где прошло его детство (Русская Теча), ездил в места, где учился в молодости (Камышлов, Пермь), встречался и переписывался со своими соучениками и сослуживцами. Личный опыт, множество воспоминаний, собственные впечатления и чувства, желание определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь побудили его к написанию мемуаров.

Родителями его были: Игнатьев Алексей Иванович (1848–1916) и Игнатьева (Тетюева) Александра Ивановна (1850–1926). Отец был причетнический сын, по увольнении из высшего отделения Пермского уездного духовного училища 13 марта 1867 года был определён послушником в Пермский Архиерейский дом. 30 октября 1868 года определён к градо-Пермской Рождество-Богородицкой церкви на пономарское место. 19 февраля 1869 года посвящён в стихарь. 19 декабря 1869 года переведён к градо-Пермской Воскресенской церкви (1). Затем А. И. Игнатьев был посвящён в сан диакона и служил в г. Перми при Николаевской церкви пересыльного замка вместе со священником Иоанном Алексеевичем Никитиным. 25 мая 1879 года был переведён к Спасской церкви села Теченского Шадринского уезда, поменявшись местами со своим тестем — диаконом Иоанном Васильевичем Тетюевым (2), где и служил, состоя на псаломщической вакансии, почти до самой своей смерти. В «Екате-

ринбургских епархиальных ведомостях» за 1916 год имеется некролог диакона Алексея Иоанновича Игнатьева, составленный его сыном Алексеем: «Всегда аккуратный, скромный, приветливый, покойный о. диакон пользовался глубоким уважением и любовью как среди сослуживцев, так и прихожан. Покойный воспитал большую семью — пять сыновей и две дочери. Четыре сына о. диакона окончили Пермскую семинарию со званием студентов, а потом учились и учатся ещё в Казанской духовной академии. Двое из сыновей академию уже окончили, один из них ныне удостоен степени магистра богословия, а двое ещё учатся — один на четвёртом курсе, а второй — на первом. Пятый сын состоит священником в Тобольской епархии. Дочери о. диакона, получив образование в Екатеринбургском епархиальном училище, служат народными учительницами в Шадринском уезде. Стремление о. диакона дать хорошее образование и воспитание всем своим детям достойно глубокого внимания. Спи спокойно, незабвенный наш отец и друг! Ты честно совершил свой жизненный путь: в воспитании своих детей ты был подвижником. Благослови нас и помолись у Престола Всевышнего. Твои дети являются твоими неоплатными должниками. Вечная тебе память. Сын Алексей» (3).

Позднее сам В. А. Игнатьев писал: «Из семи детей сельского дьячка три сына с высшим образованием работали учителями и две дочери со средним образованием работали сельскими учительницами, одна из них пятьдесят лет. Российское государство и в старой своей форме и в новой в балансе своих культурных деятелей получило такую силу, за которую оно не может быть в обиде на сельского дьячка А. И. Игнатьева» (4).

Первоначально значительное влияние на мемуарное творчество В. А. Игнатьева оказали учёные-краеведы братья Павел и Иван Степановичи Богословские, тоже бывшие семинаристы, которые в свою коллекцию документов стали собирать воспоминания о Пермской духовной семинарии и её выпускниках, как-то обустроившихся уже в советское время.

Переписка с Богословскими в мае 1960 года пробудила у В. А. Игнатьева массу воспоминаний о Перми, Каме и семинарии, которые оставили в нём сердечные чувства, связанные с лучшими днями юности. И. С. Богословский в письмах побуждал и направлял В. А. Игнатьева, высылая ему фотокарточки видов г. Перми. К июлю 1960 года Василий Алексеевич уже записал целую серию мемуаров, в которых постарался всесторонне представить семинарию (*alma mater*), составил портреты-зарисовки наиболее ярких личностей из преподавателей, отдельных семинаристов и служилых людей, составил очерки о семинарском хоре и семинаристах-певцах, о любви к семинарии и семинарской гордости (5).

По поводу своих мемуаров он первоначально мыслил так: «Собрать бы группу из наших «бывших» на некое чтение и тряхнуть воспоминаниями, хорошо бы на нейтральной почве, но с возможностью большего представительства, конечно, желающих. ... А ведь от семинарии всё-таки остались хорошие воспоминания. Юность, юность! Золотая пора! А ведь она проведена была в основном в семинарии» (6).

17–18 июля 1960 года В. А. Игнатьев побывал в Перми в гостях у Ивана Степановича Богословского. Иван Степанович оказал Василию Алексеевичу радушный приём. Они вместе посетили многие памятные для них места города: обошли квартал, где находилась семинария, прошли главные улицы, здания и парки города, сделали фотоснимки, посетили кладбище. После поездки в Пермь и благополучного возвращения в Свердловск Василий Алексеевич жил только воспоминаниями о пребывании в Перми и встрече с И. С. Богословским.

И. С. Богословский предложил В. А. Игнатьеву напечатать свои воспоминания, на что Василий Алексеевич выразился скромно: «У меня не было и нет мысли о печатании моей писанины. Я считаю, что если кто-нибудь ещё почитает эти мемуары и благодаря этому вспомнит о нашем прошлом, то этого достаточно. Теперь времена этому не попутные. Получилось так, что на меня нахлынули воспо-

минания, сознаюсь, не без влияния Ваших писем, они побуждали меня писать... и вот получились мои мемуары» (7).

«Конечно, о бурсе пишут много плохого, и в этом есть доля правды. Взять хотя бы так называемую «тёмную». ... Есть и другие пороки, но ведь было и хорошее. Для нас, бывших бурсаков, писать о бурсе только плохое значило бы уподобиться «свинье под дубом». Тоже самое — писать отдельно об отцах (*patres nostri*), *отцы наши*. Они были не глупее нас! Мемуары, конечно, вещь субъективная, но я старался держаться по возможности объективно» (8).

Под влиянием поездки в Пермь В. А. Игнатьев продолжал писать и высылать на адрес И. С. Богословского автобиографические очерки, начало которых озаглавил иносказательно: «Детские годы Пети Иконникова» (9). По его признанию, псевдоним «Петя Иконников» был выбран им случайно. Но, надо полагать, псевдоним этот появился в связи с тем, что воспоминания о детстве как о периоде складывания личности были для автора первостепенны. Им руководила потребность пофилософствовать, осмыслить собственную судьбу, разобраться в многообразии событий, определить в них своё место. В этом ему помог «Петя Иконников».

Одновременно с этим, в 1960 году, он составил «Семейную хронику Игнатьевых» (10), написал очерки о соучениках в Камышловском духовном училище, биографический очерк «Трое» (11), воспоминания и биографические очерки о бывших семинаристах, работавших в г. Свердловске в 1920–1960 гг. (12), биографические очерки «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» (13), воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове (14), «Очерки по истории Казанской духовной академии» (15). Свои очерки он писал с вдохновением и отправлял рукописи в обычных тетрадях по почте И. С. Богословскому в Пермь, который побуждал его продолжать писать и переправлял их своему брату П. С. Богословскому в Москву.

Попав под воздействием братьев Богословских «в плен мемуаризма», Василий Алексеевич продолжал писать всё новые и новые

очерки, и зачастую стал возвращаться к старым уже записанным воспоминаниям, повторял и расширял их, появлялись новые очерки. У него возникла мысль пересмотреть свои записи и собрать всё воедино. И. С. Богословскому Игнатьев предлагал свои воспоминания озаглавить так: «Житие (имярек) с эпитафией: «Жизнь прожить — не поле перейти» и надписью «Посвящается Ивану Степановичу Богословскому». «Какое употребление сему? Думаю, что по прочтении сего, потом это подлежит сжиганию...», — написал он в письме Ивану Степановичу (16).

Обращаясь к Павлу Степановичу, он писал: «Всё, что я писал о семинарии, было потребностью моей души: мне хотелось сохранить о ней добрую память. Написать об академии подтолкнул меня Иван Степанович. Написать биографию Иконникова побудило меня желание перебрать в памяти жизнь *ante mortem*. Последние мои записки (об Иконникове) носят, как я думаю, личный характер, почему я и писал о том, чтобы предать их кремации, но Иван Степанович находит в них какой-то больший смысл, поэтому я отдаю их на Ваше усмотрение» (17).

В. А. Игнатьев пережил всех своих братьев и сестёр и многих знакомых, с которыми было связано его детство. Он несколько раз посещал свои родные места — село Русская Теча и деревни по берегу реки Течи, которые подлежали выселению в связи с отъездом жителей и радиационным загрязнением после аварии на ПО «Маяк» в Челябинской области. В начале 1961 года он взялся за воспоминания о своей малой родине, которая в памяти предстала ему под видом «села Горюхина» или «пошехонской старины» (18). После того как он переслал несколько очерков Ивану Степановичу Богословскому, тот одобрил их. Результатом стали «Очерки по истории села Русская Теча Челябинской области» (19) и, кроме того, отдельные очерки по истории Зауралья (20). Объём их превзошёл даже автобиографию, семейную хронику и очерки по истории духовно-учебных заведений вместе взятых. В. А. Игнатьев описал все стороны жизни села и его окрестностей, с большим вниманием и любовью описал

местных жителей разных социальных слоёв. Для местных краеведов его воспоминания — драгоценный клад. «Теча теперь разрушена «до основания», и у меня зародилась коварная мысль: дай, думаю, напишу о своей старушке и отправлю в «кладезь» Павлу Степановичу, может быть, кто-нибудь потом, лет через 50, заглянет в мемуары и пожелает узнать, что получилось из Течи» (21). И. С. Богословский предлагал отправить некоторые из очерков в печать. Сам В. А. Игнатъев считал, что силы его переоценивают, и отказывался от публикации, воспоминания представлялись ему далёкими от современности.

20 апреля 1961 года в письме к И. С. Богословскому В. А. Игнатъев писал: «Дорогой Иван Степанович! Я посылаю Вам последнюю тетрадку из мемуаров о Тече. Я написал на ней: *Dixi et animum levavi* (Я сказал, или высказался, и облегчил душу). Я не знаю, кому принадлежит это выражение; чуть ли не Мартину Лютеру. Я хочу сказать, что то, о чём я писал в своих мемуарах, было велением, побуждением *animi mei*. Все эти воспоминания властвовали над моей душой и требовали от меня, чтобы я о них написал и вот: *Dixi et animum levavi*. Вы знаете, с чего началось моё писание мемуаров: Вы затронули во мне страницы прошлого из истории *alma matris nostrae*, а потом цепной реакцией пошли и другие *Memorialia*. Вы подогревали моё писание, я писал и писал их с мыслью, что, может быть, кто-нибудь их почитает и вспомнит о том, о чём в них написано. Теперь я знаю, что по крайней мере два человека — Вы и Павел Степанович — их читали, и, пожалуй, «с меня и довольно сего сознания». Я уже писал Павлу Степановичу, что если он найдёт их заслуживающими внимания, то включит их в тот фонд, который он собирает. В них всё-таки отражено прошлое. Я боюсь, что с моей стороны было бы нескромным и претенциозным говорить о посвящении их кому-либо: вот, дескать, нашёлся какой-то писатель, но всё-таки хочу сказать, что мне хотелось бы, если Вы не будете возражать, передать их Вам на Ваше полное усмотрение, а именно: кодифицировать их, может быть, произвести некую корректуру и т.д. Я думаю, что всё это

нужно сделать в контакте и по совету Павла Степановича. Я прилагаю настоящее письмо к моему последнему мемуару о Тече как своего рода официальный документ, то, что по-латински называется *testamentum*. Я очень благодарен Вам за участие Ваше в моих мемуарах, а именно за то, что Вы иногда давали им направление, хотя бы[ло] очевидно, что мысли наши совпадали. Я также очень благодарен Вам и Павлу Степановичу за сердечное отношение ко мне...» (22).

Василий Алексеевич считал братьев Богословских своими поверенными и отдавал своё «творчество» на их усмотрение. Он очень беспокоился за судьбу своих воспоминаний и переживал по поводу их несовременности. «Теча, как видно, принесена в жертву победному шествию прогресса и культуры, и о ней ничего не останется в памяти потомства, если только... Теперь, когда старое уходит или уже ушло, так хочется что-либо оставить на память, и обидно, почему раньше не приходила в голову мысль, например, собрать материалы по истории теченской церкви и самой Течи» (23). Он считал необходимым сохранить для потомков свои мемуары.

Ощущение «несовременности» воспоминаний у В. А. Игнатьева имело место на фоне «победного шествия прогресса и культуры». Особенно это проявилось в разгар информационной кампании в стране после первого полёта человека в космос (Ю. А. Гагарина) и продолжения хрущёвской атеистической кампании. По этому поводу он писал следующее: «Я думаю, что **выход человека в космос, в частности, должен указать дорогу не в сторону атеизма, а наоборот: он знаменует отрыв человеческого ума от земли** (24) в философском значении этого слова в сферы **неземные**. Это только начало движения: человек всё-таки останется человеком, а не захочет быть только зоологическим представителем природы. У нас часто путают два понятия: **вера и религия**. Это две совершенно различные вещи. Между ними такое различие, какое существует между ядром и оболочкой. Вера — это такой же составной элемент человеческой души, как разум, воля, чувство, а религия оболочка её. У нас теперь иногда говорят: я не верю в бога, а верю в коммунизм.

В этих словах — глубокое заблуждение: в этом случае люди говорят не о вере как таковой, как о функции души или особым способом организованной материи, а о религии — по форме проявления веры. **Атеистом, как и нигилистом, в полном смысле слова может быть только идиот, кретин или вообще человек, потерявший разум.** «Рече безумен в сердце своём: несть бог» (25) — вот это глубокая истина» (26). «Вопреки существующему мнению о том, что проникновение в космос является козырем атеистов, я думаю, что в тот момент, когда Гагарин пересёк границу между землёй со всеми окружающими её оболочками и вылетел в космос, атеизму нанесён **смертельный** (*sic!*) удар. Кант указывал на аномалии человеческого мышления (мы не можем представить мир ни конечным, ни бесконечным). Если это так, то не возникнет ли у людей в **дальнейшем**, при изучении космоса, потребность в вере как постулате при выработке их мирозерцания? Я думаю, что да! Кроме того, по закону диалектического развития, если атеизм признать за тезис, то антитезисом ему будет какая-то форма **теизма**» (27).

В 1962 году, по просьбе П. С. Богословского, В. А. Игнатьевым была написана серия философских заметок «Человек — земля — космос» (28) и заметки о кибернетике (29), в которых он попытался изложить свои философские взгляды. В заметке «Человек и нормы его человечности» на основе Евангельской истории об искушениях Иисуса Христа он выразил убеждение, что Его учение, оказав глубокое влияние на историю человечества, указало людям на те нормы поведения, которые свидетельствуют о человечности Человека и что при временных отступлениях от этих норм человеческое в людях всё-таки восторжествует. В заметке «Человек и кибернетика», рассматривая полемику между «физиками» и «лириками» по вопросу о новой науке кибернетике, В. А. Игнатьев пришёл к выводу, что учёные, которые решили уложить мышление человека в рамки моделирования, всё равно столкнутся с тем, что человечество разобьёт их узкие рамки моделирования мозга и утвердит признание за человеком высшего чуда в мироздании. В заметке «Метафизика

и реальность», рассматривая в связи с открытием космической эры появившиеся прогнозы о скором установлении связей с обитателями других планет, напоминает об определении веры по Филаретовому «Катехизису» и доказывает, что «с выходом человека в космос, тезис «бытие определяет сознание» приобретает другое значение — не ограничительное, а расширительное, а именно, что не бытие как некая материальная среда, ограничивающая человека, а сознание его идёт впереди, и этим именно обеспечивает прогресс человечества». В заметке «О геоцентризме» раскрывает параллели в библейском учении и в современной науке о человеке — как вершине Божьего творения и одновременно как вершине эволюционного развития, и о Земле — как центральной планете мироздания и одновременно центре изучения космоса, и убеждается в том, что при большем изучении космоса в сознание людей всё глубже будет входить мысль о Земле и человеке, живущем на ней, — как о чудах мироздания. «Является ли человек носителем образа Божия или обладателем высшего разума с его могуществом — это будут только два определения, две формулировки одной и той же идеи, с идентичным пониманием её содержания».

В. А. Игнатъев вёл переписку с камышловским музыкальным деятелем Михаилом Михайловичем Щегловым, своим бывшим учителем пения в Камышловском духовном училище. Они постоянно делились друг с другом сведениями и фотографиями о преподавателях и учениках Камышловского духовного училища. Так, в 1962 году В. А. Игнатъев получил от него фотографию учащихся своего выпуска (1902 года) и решил отдать долг «первому звену своего образования в духовной школе» (30). Результатом стали воспоминания и об этом духовно-учебном заведении (31), таким образом, В. А. Игнатъев составил трилогию о духовной школе до революции.

В октябре 1962 года В. А. Игнатъев был на конференции по творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка в Свердловске, где встретил Владимира Павловича Бирюкова, учёного-краеведа, члена Союза писателей СССР. Спустя 24 года после их последней встречи В. П. Бирюков

занимался собиранием уральского фольклора, рукописей и книг, материалов уральских деятелей искусства и науки. Он выступал с идеей организации Уральского архива литературы и искусства в г. Свердловске. Эта его инициатива получила широкую известность и привлекала массу деятелей: краеведов, деятелей литературы, искусства, науки и техники всего Уральского региона, многие из которых стали передавать ему на хранение свои рукописи, переписку, фотографии, биографические документы. В письме В. А. Игнатьеву В. П. Бирюков писал: «Вот вбил себе в голову, что надо создать Уральский архив литературы и искусства, так по тому-то делу и ездил в Москву, где, м[ежду] пр[очим], виделся с Павлом Степановичем Богословским» (32).

В 1963 году В. А. Игнатьев вновь возвращается к своим воспоминаниям о семинарской юности и пишет очерк «Как создавалась «очарованная душа» (33) о своём увлечении пением и хоровыми кружками в период с детских лет и до пребывания в Белоруссии, а также очерки «Старая Пермь» и «Кама» (34). В очерках «Старая Пермь» и «Кама» он постарался показать Пермь и Каму глазами семинариста. По отзыву И. С. Богословского, В. А. Игнатьев поспешил закончить свой очерк, многое пропустил или не дописал, что объяснял его преклонным возрастом. В письме к И. С. Богословскому он писал: «Считаю, что наша семинария и даже духовное училище заслуживают того, чтобы о них сохранилась память. Конечно, это теперь несовременно, но думаю, что когда-нибудь всё «утихомирится», и потомкам нашим интересно будет узнать и об этом» (35). Кроме того, он на основе своих воспоминаний составлял рассказы и педагогические поэмы (36).

Предлагая систематизировать свои воспоминания для возможной передачи куда-либо в архив, В. А. Игнатьев выделил из них две темы: 1) «Духовная школа накануне Октябрьской революции» (трилогия); 2) «Очерки о Зауралье». «По-моему, — писал он, — если их примут в «сущем виде», то так и сдать, как автограф. Если кто заинтересуется, то он найдёт возможность привести в желанный ему вид» (37).

В августе 1963 года В. А. Игнатъев и И. С. Богословский вместе совершили поездку в Камышлов и село Тимохино, где встретились с М. М. Щегловым, посетили само здание училища и были на родине матери И. С. Богословского (38). В октябре 1963 года В. А. Игнатъев посетил П. С. Богословского в Москве (39). Ими было принято решение о наборе на печатной машинке некоторых очерков для возможной передачи куда-либо в журнал. Однако была набрана только часть очерков В. А. Игнатъева, которые не попали в печать, большинство же его очерков остались в обычных рукописных тетрадах.

Одновременно с общением с братьями Богословскими В. А. Игнатъев ознакомил В. П. Бирюкова со своим мемуарным творчеством и стал составлять уже отдельную «свердловскую коллекцию» своих воспоминаний. Идея В. П. Бирюкова о создании Уральского архива литературы и искусства, который был организован в 1964 году и документы которого уже находились в одном из хранилищ Государственного архива Свердловской области, а также личное желание писать, размышляя о прожитой жизни, и, кроме того, стремление отразить в очерках информацию, полученную от друзей, которых он знакомил со своими мемуарами, — всё это вместе побуждало В. А. Игнатъева к ещё большему увлечению очерками и рассказами. В письме к И. С. Богословскому он сообщал: «В. П. Бирюков всё возится с переездом сюда и обещал зайти ко мне перед маем. Я написал ему несколько очерков из истории семинарии, восстановив кое-что из прежде написанного, что находится в Москве: **некие дублеты**. Он намерен это принять в архив» (40).

В. П. Бирюков в одном из писем В. А. Игнатъеву, отвечая ему, писал: «Ты очень обрадовал присылкой новых 14 очерков. К твоей руке я привык и читаю легко. Всё, тобой написанное, читаю с двойным удовольствием: вспоминаю дни нашей юности и радуюсь получению в литературный архив таких ценных материалов. Многие **потом** скажут тебе спасибо, а **теперь** — моё.

Старая духовная школа — это не теперешняя духовная же школа. Сколько из старой вышло замечательных полезнейших людей,

не говоря уже о рядовых людях, которые стали врачами, учителями и вообще полезными работниками государства! Вот почему очень важно получить воспоминания бывших воспитанников этой школы.

П. С. Богословский, как он писал мне, намерен свои материалы сдать в архив Пушкинского дома. Чуть ли даже не написал завещание на этот случай.

Выходит, что ты присылкой новых очерков проделал двойную работу, восстановив то, что отправил Павлу Степановичу. Только, пожалуйста, не подумай, что я подталкиваю тебя изменить слову, данному тобой Павлу Степановичу» (41).

Видимо, одним из последних очерков для «пермской коллекции» воспоминаний был биографический очерк В. А. Игнатьева о своём брате Алексее Алексеевиче Игнатеве, репрессированном в 1937 году (42).

По переезде В. П. Бирюкова в Свердловск в 1964 году В. А. Игнатьев, находясь с ним в одном городе, имел больше возможностей для совместного общения и обмена информацией, он также посещал его в областной клинической больнице во время болезни, куда приносил и свои новые рукописи. И. С. Богословскому В. А. Игнатьев сообщал: «Дорогой Иван Степанович! ... Сейчас у меня «Справочная книга» в память столетия Пермской дух. семинарии, издание свящ. Иакова Шестакова, которую дал мне Влад[имир] Павл[ович] Бирюков. Делаю выписку всех окончивших, ушедших на гражданскую службу. Дошел до 1883 года (вып. 39) и записал уже 331 чел. Боже мой! Кого только тут нет! Профессора, врачи, чиновники *et cetera*, *et cetera*! ... Думаю свои выписки оформить в виде статьи для вящей славы *alma mater*. Отсюда — всякие попытки принизить значение семинарии нашей глупы и смешны» (43).

Из письма В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву: «Благодаря твоим очеркам я имею довольно хорошее представление о духовно-академическом ученье, в частности, о том, что оно заставляло студентов много заниматься самостоятельно и одновременно много писать, как, вероятно, нигде больше в старой высшей школе. Невольно

приходится сравнивать получаемую теперь «рукописную» квалификацию в вузах и прежде в духовных академиях, — не в пользу первых. Подозреваю, однако, что и над духовными академиями ты стоишь выше в этом, «рукописном», отношении головой. Даже убеждён в этом» (44).

28 марта 1966 года в Москве скончался Павел Степанович Богословский. Исполняя его волю, 14 июня 1966 года его младший брат Иван Степанович и сын Нестор Павлович Богословские передали собранные им документы в Государственный архив Пермской области (45). В письме В. А. Игнатьеву И. С. Богословский сообщал: «Часть архива Пав[ла] Степ[ановича], которая была в Перми (13 ящиков), нами передана Пермск[ому] обл. архиву. В июле предполагается перевести в Пермь архив П.С., находящийся в Москве. За ним поедет сотрудник Пермского архива. Пермский обл. архив имеет новое специальное здание, специализированный штат служащих, современное хранилище, и я склонен и свой небольшой архив передать ему. ... Я не знаю Свердловского архива, в частности Бирюковского, и являюсь сторонником Пермского. Если у Вас мемуары в копиях — то, думаю, что копии следует разделить по архивам. Свои материалы (некоторые) имею в копиях, оригинал оставляю у себя (домашний архив)» (46).

Таким образом, «пермская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатьева поступила в семейный фонд Богословских и сегодня хранится в Государственном архиве Пермского края (Ф. р-973). Музыкальные ноты В. А. Игнатьева И. С. Богословский передал в нотный отдел Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького. Материалов В. А. Игнатьева в фонде П. С. Богословского (Ф. 690), переданном им на хранение в рукописный отдел Пушкинского дома, нет.

В 1968 году В. П. Бирюков составил обзор рукописей В. А. Игнатьева (47), переданных им для хранения в Уральский архив литературы и искусства.

В. А. Игнатьев скончался в Свердловске 26 февраля 1971 года. Он был женат с 18 апреля (1 мая н. ст.) 1914 года на Анне Фридриховне Игнатьевой (урождённой Иоанне-Луизе Фридриховне Зигер), которая

родилась в марте 1886 года в имении Юргенгоф около г. Юрьева (Тарту) в семье немецкого фермера евангелическо-лютеранского вероисповедания Карла-Фридриха Георгиевича Зигера. Образование получила в частной Юрьевской женской гимназии Сальмон. В Курском реальном училище сдала экзамен на звание домашней учительницы немецкого языка. Работала преподавательницей немецкого языка: в 1912–1914 гг. — в г. Бугуруслане Самарской губернии (во II женской гимназии и одновременно в 1913–1914 гг. в высшем начальном и реальном училищах); в 1914–1916 гг. — в г. Перми (в Пермской мужской гимназии имени императора Александра I); в 1916–1923 гг. — в г. Слуцке Минской губернии (в женской гимназии, коммерческом училище и школе второй ступени); после 1923 года — в Свердловске (в Короленковской школе второй ступени и одновременно в школе печатников, затем в металлургическом техникуме). Скончалась 23 ноября 1975 года в Свердловске. Детей супруги Игнатьевы не имели.

Почти через пять месяцев после смерти В. А. Игнатьева, 18 июня 1971 года, в Свердловске скончался В. П. Бирюков. Согласно его воле собрание Уральского архива литературы и искусства поступило на хранение в Государственный архив Свердловской области, образовав в нём отдельный фонд. Таким образом, «свердловская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатьева хранится в настоящее время в Государственном архиве Свердловской области (Ф. р-2757).

Иван Степанович Богословский скончался в Перми в 1979 году.

В отличие от «пермской коллекции» «свердловские мемуары» Игнатьева не датированы. Заканчивая каждый очерк, отправляемый И. С. Богословскому, В. А. Игнатьев ставил полную дату и указывал свердловское время, а И. С. Богословский указывал иногда и дату получения по почте. Очерки, переданные Игнатьевым В. П. Бирюкову, датировки практически не имеют. Примерная датировка указана только в архивной описи (48).

В 1964–1968 гг. В. А. Игнатьев по памяти и в процессе общения с близкими знакомыми (бывшими семинаристами и земляками)

восстановил и в значительной степени повторил «пермскую коллекцию», в то же время дополнив её новыми воспоминаниями. Так, воспоминания о Пермской духовной семинарии в «свердловской коллекции» начинаются с очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» и «Кама» (49), содержат очерки: «Черты семинарского быта», о семинаристах-певцах, музыкантах и декламаторах, «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской революции» (последний является переработанным очерком «Наша семинария в период первой империалистической войны» из «пермской коллекции»), продолжают в «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» (50), которые содержат, кроме того, и воспоминания о преподавателях и лицах из обслуживающего персонала. В то же время очерк с описанием семинарии «*Alma mater*» и некоторые другие очерки из «пермской коллекции» в «свердловской» отсутствуют.

Остальные очерки В. А. Игнатьева в «свердловской коллекции»: «Из семейной хроники Игнатьевых» (51), очерки по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии (52), очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище и заметки о педагогическом составе Камышловского духовного училища (53), «Казанская духовная академия» (описание и преподавательский состав) (54), очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе (55), автобиографические воспоминания (56). Имеется очерк «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте (наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения — всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»)» (57) и другие очерки, рассказы и педагогические поэмы. В. А. Игнатьев писал не только о бывших семинаристах, интересен также его очерк «Епархиалки», в котором автор постарался вывести образы дочерей духовенства Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии, окончивших Екатеринбургское епархиальное училище и служивших на поприще народного образования в Зауралье

в тяжёлых условиях до и после 1917 года (58). В своих автобиографических воспоминаниях в «свердловской коллекции» автор уже не использовал псевдоним «Петя Иконников» и вёл повествование от первого лица, а очерки «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)» (59) с эпиграфом «Жизнь прожить — не поле перейти» посвятил В. П. Бирюкову. Последний был убеждённым атеистом, в отличие от православных профессоров братьев Богословских. В связи с этим обращают на себя внимание «Очерки на библейские темы» (60), датированные В. А. Игнатьевым 1967 годом, которые носят уже атеистический характер, в отличие от философских заметок 1963 года в «пермской коллекции». Также обращает на себя внимание отсутствие в «свердловской коллекции» писем П. С. и И. С. Богословских к В. А. Игнатьеву за 1960–1964 гг.

В 2016 году ГКБУ «Государственный архив Пермского края» (ГАПК) и Пермская митрополия Русской православной церкви заключили Соглашение о сотрудничестве для совместного и согласованного осуществления деятельности в целях сохранения исторической памяти о событиях и людях Пермского края, воспитания патриотизма, духовности и нравственности у молодёжи, формирования чувства гордости жителей Прикамья за свою малую родину. В конце 2016 года в ГКБУ «ГАПК» была подготовлена публикация сборника документов «Образование в Пермской губернии XIX — нач. XX вв. Из истории духовно-учебных заведений» (61), один из разделов которого был посвящён Пермской духовной семинарии. Тогда же возник замысел подготовки отдельного и более полного издания воспоминаний В. А. Игнатьева о Пермской духовной семинарии с целью: с одной стороны, разработки его содержания и изу-

чения личности автора для научных исследований, с другой стороны, ознакомления широкого круга читателей с этим мемуарным источником.

Пермская духовная семинария — старейшее учебное заведение в Перми и имеет большую историю. Она являлась центром христианского просвещения во всём Пермском крае. Семинария была открыта 11 (23) ноября 1800 года. Все духовно-учебные заведения (училища, семинарии и академии) имели широкие задачи — готовить как квалифицированные кадры духовенства, в том числе монашеские кадры, так и кадры светских деятелей — преподавателей светских предметов. Центральное место в учебной программе занимал цикл богословских наук. Кроме богословских предметов в учебном плане были и другие — светские предметы. Духовно-учебные заведения имели в своём основании консервативный «дух»: они ставили целью не столько само умственное развитие, сколько дисциплину ума, указывали духовно-нравственное направление развитию способностей молодых людей. Выпускниками их были как многие известные религиозные деятели, так и деятели науки, самоотверженные учителя и врачи, люди с глубоким сознанием долга, воспитатели и учителя многих знаменитых учёных. Деятельность выпускников духовно-учебных заведений отличалась разнообразием и многогранностью своей деятельности.

11 (24 н. ст.) ноября 1900 года отмечалось 100-летие Пермской духовной семинарии. Она была одной из лучших духовных школ в России. За период 1800–1917 гг. её окончили более 3000 человек. Самыми известными выпускниками из духовных лиц были: архиепиеи Иннокентий (Коровин), Иона (Капустин), Палладий (Пьянков), Стефан (Знамировский), Аркадий (Ершов); протоиереи Г. А. Пьянков, А. М. Луканин, Е. А. Попов, И. А. Никитин и др. В Пермской духовной семинарии обучались или окончили её около 50 священномучеников Русской православной церкви XX века. Из светских лиц самыми известными были: В. М. Флоринский, П. И. Макушин, П. Н. Серебренников, А. С. Попов, А. В. Карташёв, П. П. Бажов,

В. С. Верхоланцев и др. Образование, полученное в семинариях, особенно в части философии, психологии, дидактики, древних языков давало выходцам из духовного сословия возможность продолжить обучение в светских высших учебных заведениях — университетах и институтах, а также преподавать и врачевать, в том числе и после революции, занимая значительное место в рядах интеллигенции 1920–1930-х гг.

15 марта 1918 года последовало закрытие Пермской духовной семинарии (её здание было конфисковано для нужд ВЧК) (62). Деятельность Пермской духовной семинарии возобновлялась на несколько месяцев в 1919 году. Более 70 лет в Перми не было духовно-учебных заведений. В новейшее время деятельность Пермской духовной семинарии возобновлена 25 декабря 2009 года (63). Она является современным учебным заведением с высшим духовным образованием для подготовки достойных священнослужителей Русской православной церкви.

К воспоминаниям о Пермской духовной семинарии в XIX веке не раз обращались и писали её историю, используя официальные документы: архимандрит Иероним (Лаговский), Н. Н. Новиков, Н. П. Седых, священник И. В. Шестаков.

История Пермской духовной семинарии начала XX века, её преподавателей и студентов остаётся малоизвестной. За 100 лет со времени её закрытия к её истории обращались крайне редко (64). Воспоминания же В. А. Игнатьева всё это время вообще оставались невостребованными.

В. А. Игнатьев обучался в Пермской духовной семинарии в 1902–1909 гг., в течение семи лет (оставался на повторительный второй курс по причине болезни), и был помощником инспектора Н. И. Знамировского и преподавателем латинского языка в 1914–1916 гг. Он описал внутреннее и внешнее устройство семинарии, включил портреты-миниатюры преподавателей и студентов, так, как запомнил их сам и отчасти узнал от своих знакомых. Его воспоминания позволяют узнать много интересного об учебном про-

цессе, досуге, быте, фольклоре семинаристов. Кроме того, воспоминания В. А. Игнатьева могут помочь понять и оценить духовную атмосферу крайне сложной дореволюционной эпохи. С одной стороны, это был период развития российской науки и образования, с другой стороны, эти годы были временем духовного кризиса общества, особенно молодой его части — учащегося студенчества.

По мнению доктора исторических наук, протоиерея Алексея Николаевича Марченко, православная церковь в России в синодальный период «существовала под плотной государственной опекой, лишавшей её возможности самостоятельного развития, выражения собственного мнения и церковно-общественной инициативы». К началу XX века «кризис монархической государственности и «казённого» православия созрел окончательно». В то же время это было временем своеобразного «религиозного пробуждения», когда для многих представителей образованного слоя российского общества вопросы религии и Церкви стали «базисными». На почве духовной неудовлетворённости в среде российской интеллигенции стало развиваться богоискательство, появилось стремление к общению с православной церковью. Богоискатели понимали и искренне желали церкви восстановления её общественного авторитета путём освобождения от удушливых объятий государства и изжившей себя старой синодальной системы церковного устройства. Однако этим мечтам не было суждено осуществиться (65).

Имеются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), как духовного лица, который тоже описывает годы, проведённые в духовной школе как студентом, так и преподавателем, и ректором (1877–1902). И если митрополит Евлогий в молодости представляется «взыскующим града Господня» (т.е. стремящимся к священнослужению), то Игнатьев в этом случае — «отбывателем» (т.е. пользующимся своим происхождением для получения образования за «казённый счёт», а затем служащим по требованию духовного начальства). Он сам признавал, что «люди, не собиравшиеся посвятить себя в священнослужители, отсиживались в этих классах

[богословских — *ред.*] в силу того, что податься было некуда, а если и представлялась возможность куда-либо поступить, то для этого требовалась подготовка, на которую не всякий мог решиться. Повинуясь этому общему течению и Петя [т.е. автор — *ред.*] отсиживался с затаённой мыслью поступить потом в какое-либо высшее учебное заведение» (66).

Митрополит Евлогий называл старца преподобного Амвросия Оптинского своим спасителем от духовного разложения в те годы. У В. А. Игнатьева такого духовного наставника не было. Видя фальшь и двуличность современной эпохи, когда слова были одни, а реальность другой, и она не менялась к лучшему, большая часть учащегося студенчества оказалась подвергнута возрастным искушениям, которые становились настолько сильными, что вызывали оппозиционные и нецерковные настроения. Некоторое влияние в этом отношении на умы семинаристов исходило даже от преподавателей. Обострение внутренних противоречий пронизывало всё общество, всё больше людей осознали, что жить «по-старому», отрицая необходимость преобразований, уже невозможно. Даже в духовных семинариях и академиях такие настроения выливались порой в волнения и беспорядки, особенно во время революции 1905–1907 гг. Всё кипело, бурлило, заставляло митинговать и дискутировать. Ещё ранее, будучи инспектором Владимирской духовной семинарии, митрополит Евлогий вспоминал: «Была коренная фальшь в участии моих воспитанников. Молодёжь, в большинстве своём стремившаяся на простор светской школы, втискивалась в учебное заведение, весь строй которого был церковный. Придёшь, бывало, на молитву — в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, что поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию...» (67)

Хотя В. А. Игнатьев и не был одним из активных участников революционных беспорядков, но он не смог не пропустить эту ат-

мосферу через себя. В то же время учился он хорошо, каждый раз заканчивая класс по первому разряду. О своих мыслях на будущее выразился так: «В начале июня 1909 года я закончил учение в Пермской духовной семинарии и оказался на распутье: что делать с собой дальше? Вопрос о том — «надевать или не надевать рясу» — уже давно был мной решён отрицательно: нет, ни при каких обстоятельствах. Так что же делать? Думать о консерватории, о чём иногда раньше появлялась коварная мысль, нельзя: для меня было ясно, что это значит заведомо тешить себя тем, что называют *pia desideria* (благопожелания). Университет или, как многие делали, ветеринарный институт? Но где средства? Думал и так: поступлю в учителя, подзаработаю денег и поеду учиться дальше: так делали иногда кончившие семинарию. Летом на каникулы приехал из Казани брат Алексей, студент третьего курса Казанской духовной академии, священник, и подал мысль о поступлении в академию. Обычно в академию абитуриенты семинарии поступали по командировкам, но бывали случаи, что поступали и по личной инициативе. Так как я окончил семинарию по первому разряду (студентом), то мне предоставлялась возможность поступить по конкурсному экзамену. Принявши в соображение мотивы *pro* и *contra*, я решил попытаться поступить в академию в виде некоторого компромисса со своими желаниями и устремлениями, так как заниматься богословскими науками, откровенно говоря, мне не хотелось, но, думал я, окончу академию — пойду в учителя: так делают многие» (68).

Таким образом, В. А. Игнатъев был одним из выходцев из духовного сословия, которые не разделяли взгляды своих отцов, не пользовавшихся к началу XX века в большинстве своём уважением в обществе и недовольные своим материальным положением, были озабочены поиском возможностей для светской службы. В то же время он сохранял первое время связь с сословием, системой духовно-учебных заведений, которые дали ему образование и первые годы карьеры, не забывал о своих семейных корнях. Отучившись в духовной семинарии и духовной академии, В. А. Игнатъев был обязан,

как пользовавшийся содержанием за счёт духовно-учебного капитала, отслужить в духовном ведомстве 6,5 лет или же уплатить 1088,20 руб. долга (69). Таких денег у него, естественно, не было.

Революционные события 1917 года явились катастрофой для духовного образования в России. Ещё во время учёбы в духовной академии к кому-то В. А. Игнатъев относился резко отрицательно, как, например, к митрополиту Антонию (Храповицкому), который, кстати, очень критически мыслил о тогдашнем устройстве духовно-учебных заведений. «Он был из тех архиереев, которые давали самую мрачную характеристику всей системы духовного образования Русской православной церкви: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело Духовной школы до крайнего безобразия». Передавая слова неназванного им архиерея, он писал: «Должно всю её разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми». ... Архиепископ Волынский Антоний предлагал сократить в академических программах преподавание богословских систем и расширить изучение Священного Писания и Святых отцов: «Система православного богословия есть ещё нечто искомое, — писал он, — и потому должно тщательно изучать его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет» (70). Он подчёркивал общественную миссию Церкви и развивал целую систему пастырского душепопечения, которое было бы приближено к интересам жизни и к интеллектуальному уровню общества. «Его прямота, граничащая с резкостью, на многих, особенно на инакомыслящих, производила крайне отрицательное впечатление» (71).

В автобиографических очерках В. А. Игнатъева имеется эпизод с описанием сложного душевного кризиса, пережитого им в начале обучения в академии: «В самом начале занятий на первом курсе П. А. пережил психологический шок, тяжёлую душевную борьбу, некий «вызов небу». Умер студент второго курса, ближайший друг

А. К. Рыбакова — Алмазов. Цветущий, жизнерадостный юноша — и вдруг смерть! Это так потрясло П. А., что он только и думал о смерти. Его неотступно преследовала одна и та же мысль: это может быть и с ним. Дальше он стал искать и виновника этого «там». Он стал внушать себе мысль, что нужно всегда думать о смерти и быть готовым отказаться от неё (72). Он был готов сказать «тому»: если «ты» так делаешь, то возьми её (жизнь) сейчас: я готов. Потом это настроение прошло. Но что это было: пароксизм сумасшествия?» (73). К кому-то В. А. Игнатьев относился незаслуженно пренебрежительно, например, к преподавателю по аскетике иеромонаху Афанасию (Малинину) и другим монашествующим, многие из которых впоследствии приняли мученический венец, о чём он и не знал.

А спустя полвека он так сформулировал своё общее отношение к кризису духовного сословия дореволюционной России на примере отношения к местному теченскому духовенству: «Теперь, когда прошло уже много лет, прошлое предстаёт в другой несколько окраске, чем воспринималось тогда. Многие, что раньше казалось малозначащим, не заслуживающим внимания, теперь именно предстало как непозволительная оплошность, грубая ошибка, которая повлекла за собой тяжёлые последствия. Первородным грехом [духовенства] явилось отсутствие скромности, а вследствие этого неправильное отношение к окружающей среде. Невнимание, а иногда и грубое игнорирование достоинства окружающих людей повело к потере уважения к представителям духовенства. ... Многие было позволено на глазах у «малых сих», чего нельзя было позволить. А «они» наблюдали и «мотали на ус». Потеря же достоинства вытекала из того, что ослаблено было внимание к внутренней, интимной стороне жизни духовенства: считалось, что обрядность, внешнее благочестие — это всё, что нужно для духовного лица. Только эта сторона жизни и быта видна была и высшим органам церковной власти. Крайняя условность обеспечения в виде натуральной оплаты, так называемых сборов, ставила духовенство в двусмысленное положение по отношению к «пастве», с одной стороны, и будило

стяжательский инстинкт, с другой стороны. Среди духовенства в большом ходу были распространены характеристики приходов и деление их на богатые и бедные. Мотивами «богатства» или «бедности» приходов иногда открыто обосновывались просьбы о переводе на другое место. Увлечение материальной стороной своего быта было вторым первородным грехом духовенства. Здесь речь идёт не [о] пренебрежении к материальной стороне быта, а об излишествах, притом часто бьющим в глаза настолько, что за ними из духовного облика «пастыря» ничего не оставалось. Скромнее, сдержаннее следовало бы вести себя на глазах у всех и детям духовенства. К сожалению, это не всегда соблюдалось, а «те» наблюдали и наблюдали. Правда, в заслугу последним надо поставить то, что они кое-что делали по поднятию культуры на селе...

Духовенство тоже нельзя рассматривать как некую однородную порочную массу. Среди него были лица, пользовавшиеся уважением своей «паствы», но тем печальнее было то, что были отступления от нормы, в пределах которой должен был бы сохраняться престиж сословия» (74).

Отрицательное отношение к монашеству, атеистическая пропаганда, кампания советской власти по вскрытию и уничтожению мощей святых, «обновленческая лихорадка» (по мнению автора) в жизни церкви, трагедия и «хождение по мукам» его братьев-священников (75) поколебали его отношение к самой православной церкви.

Его воспоминания являются единственным и очень специфическим мемуарным свидетельством о Пермской духовной семинарии начала XX века. В связи с этим необходим осторожный подход к изучению его мемуаров. Особенностью их является то, что автор писал по прошествии полстолетия с того времени, когда вышел из семинарии, следовательно, он мог утратить более точные сведения из-за возрастных провалов в памяти и, возможно, поэтому писал не однажды, а продолжал писать в течение нескольких лет, зачастую возвращаясь к своим старым воспоминаниям и делая их отдельные

расширенные редакции. Выступая в роли историка, В. А. Игнатьев сделал попытку раскрыть историю Пермской духовной семинарии за 1900–1917 гг. Его воспоминания изобилуют портретными характеристиками и тонким психологическим анализом событий и личностей, это позволило автору создать широчайшую панораму описываемого времени. Автор использует не только свои воспоминания, но и данные других лиц, с которыми общался в период «мемуарного творчества» (И. С. Богословский, М. М. Щеглов, В. П. Бирюков, А. Н. Шишёв и др.).

Однако, несмотря на всю широту воспоминаний, это только приоткрытие завесы прошлого, причём довольно субъективное. Автор запомнил семинарию преимущественно по своему выпуску 1909 года и отчасти по службе в 1914–1916 гг. Из его поля зрения выпали многие выпускники других курсов (как «богословы», так и «бунтовщики»), преподавательская деятельность и учебный процесс накануне закрытия семинарии в 1918 году. Обращая пристальное внимание на деятельность протоиерея К. М. Добронравова, А. П. Миролюбова, Н. И. Знамировского, священника Т. П. Андриевского в эти годы, автор в то же время почти никак не обозначает своё личное участие в деятельности семинарии в качестве помощника инспектора и преподавателя. Отсутствуют в его воспоминаниях архиепископ Андроник (Никольский), ректоры семинарии архимандрит Феофан (Ильменский) и архимандрит Матфей (Померанцев).

Семинария принимала выпускников четырёх духовных училищ: Пермского, Соликамского, Екатеринбургского и Камышловского, и все они вместе растворялись в общей массе семинаристов, но В. А. Игнатьев преимущественно выделяет среди них, во-первых, «своих» — камышловцев, которые, по его представлению, впитали в себя особенности уклада и быта духовной школы, а во-вторых, тех, с которыми позднее жил и работал в Свердловске, и на примере их жизни постарался доказать тезис о «живучести семинарского племени». Очевидно, что события 1917 года для автора были трагедией. Дореволюционная эпоха и Пермская духовная семинария вместе с ней

представлялись В. А. Игнатьеву безвозвратно ушедшими явлениями молодости, а советское государство и коммунизм — грубой, но закономерно установившейся формой общественного устройства. Не желая признавать атеизм, автор в то же время и не принимал авторитет Русской православной церкви, находившейся в тисках тоталитарной системы, и не смог не оказаться подверженным процессу ломки социальных устоев после революции, Гражданской войны и периода репрессий. В этом смысле его воспоминания являются свидетельством духовной трагедии тех «богоискателей», у которых оказалась потерянной живая связь с канонической Русской православной церковью.

Воспоминания В. А. Игнатьева представляют большую культурологическую ценность. Они содержат интересные моменты из культурной жизни начала XX века и являются важным источником по истории повседневности того времени. В своих воспоминаниях В. А. Игнатьев отразил бытовые особенности повседневной жизни семьи, рассказал о деятельности учебных заведений и многих деятелей, которые его окружали в сложные периоды истории страны: до и после революции 1905–1907 гг., накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг., революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. (в Белоруссии В. А. Игнатьев жил в прифронтовой зоне, где встретил 1917 год, пережил немецкую и польскую оккупации). В период первых десятилетий советской власти 1920–1930-х гг. он рассказал о своей педагогической работе в советской школе с заводской молодёжью, в период Великой Отечественной войны рассказал о своей работе в тылу в голодное время, в период развития страны в 1940–1950-х гг. рассказал о своей работе и об особенностях преподавания латинского языка в специализированных вузах.

В воспоминаниях имеются очень интересные сравнения «духовников» с «городчиками», а семинарской «братвы» с гимназистами и «реалистами», истории общения и дружбы с «синими», «зелёными» и «коричневыми платями»; сведения о концертах и выступлениях семинарской молодёжи на вечерах в городе и на селе; культурных

связях между русским, украинским и белорусским народами. В. А. Игнатъев даёт интересные портретные зарисовки многим известным людям своей эпохи. Многие эпизоды из жизни автор сравнивает с картинами известных художников, а штрихи к портретам описываемых знакомых с образами литературных героев.

В. А. Игнатъев был человеком музыкально одарённым, любил церковное пение и много места уделял в воспоминаниях увлечению пением, семинарскому хору, лучшим певцам-семинаристам, связям семинарии с культурными деятелями города Перми. Возможно, он оказался единственным, кто настолько подробно осветил историю церковного певческого искусства в Перми в начале XX века. И хотя это искусство так и не стало для него церковной службой с углублённым вниманием к церковным канонам, как увлечение оно помогло ему сохранить добрую память и приятные воспоминания о годах своей юности, проведённой в духовной школе, а также пронести эту память через поколения. Его мемуары — это исповедь человека, жившего и творившего в определённую эпоху, и стремящегося поделиться личным опытом. К большинству своих наставников и преподавателей он старался отнестись с добротой и уважением, постоянно памятуя тезис, выработанный в итоге семинаристами: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим».

Воспоминания Игнатъева переплетаются в разных очерках как в «пермской», так и в «свердловской коллекциях», как в отдельности, так и между ними, дополняя друг друга, они являются важным связующим звеном в истории целого поколения людей (бывших семинаристов — преподавателей и учёных), имеющих отношение к истории Перми и Свердловска начала и первой половины XX века. Полностью очерки В. А. Игнатъева ещё только предстоит изучить, и наибольший интерес к ним могут иметь историки и краеведы Перми, Екатеринбурга, Камышлова, Казани, Бугуруслана, Слуцка (Белоруссия) и Челябинской области.

В завершении обзора воспоминаний В. А. Игнатъева приведём отзыв его друга Н. И. Хмельнова в письме от 20 января 1969 года:

«Теперь мне понятно, чем ты занимался, находясь на пенсии, на отдыхе. Очень тяжело быть без дела. Мы, бывшие семинаристы, вымуштрованы хорошо, и нам никак не по душе безделье. Ты нашёл своё хобби и, наверное, не жалеешь потерянное, истраченное на это время» (76).

В 2017 году ГКУ «Государственный архив Пермского края» и ГКУСО «Государственный архив Свердловской области» заключили соглашение о сотрудничестве с целью осуществления деятельности по сохранению исторической памяти о событиях и людях Пермского края и Свердловской области, воспитания патриотизма, духовности и нравственности у граждан, посредством популяризации историко-документального наследия, формирования чувства гордости за свою малую родину, в рамках которого, в частности, был произведён обмен информационными материалами — воспоминаниями В. А. Игнатьева. «Свердловская коллекция» его воспоминаний в электронном виде пополнила семейный фонд Богословских, образовав в нём отдельную опись (Ф. р-973. Оп. 2).

При обработке текстов воспоминаний была проведена огромная кропотливая текстологическая работа, выявлены различные группы текстовых изменений как в «пермской коллекции», так и в «свердловской», повторные и параллельные места в очерках.

Публикация состоит из двух частей. Первую часть открывают очерки «Старая Пермь» и «Кама» — воспоминания о Перми глазами семинариста. Основным текстом публикации являются собственно «Очерки по истории Пермской духовной семинарии» из «пермской коллекции» воспоминаний автора: описание семинарии, очерки о педагогическом составе, обслуживающем персонале и выпускниках 1909 года. Далее следуют очерки о жизни и работе автора в

Перми и описание семинарии в годы Первой мировой войны. Биографические очерки «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» и «Семейство Богословских» завершают первую часть публикации.

Во второй части публикации представлены отдельные очерки о семинарской жизни и семинаристах, которые автором включены в состав «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» и разных других очерков: по истории села Русская Теча, Камышловского духовного училища, Казанской духовной академии, семейной хроники Игнатьевых, но имеют отношение и к истории Пермской духовной семинарии. Очерки «Страстная неделя» и «Как создавалась «очарованная душа»» глубже раскрывают духовный облик автора воспоминаний.

Основной текст в обеих частях сопровождается дополнениями из автобиографических очерков, касающихся учения автора в Пермской духовной семинарии. Очерки из «свердловской коллекции», полностью отсутствующие в «пермской», публикуются в основном тексте целиком, частично отсутствующие в «пермской коллекции» и расширенные части текста в «свердловской коллекции» дополняют текст публикации в примечаниях.

При подготовке публикации воспоминаний В. А. Игнатьева составлялись биографические справки на участников событий, упоминаемых в текстах, использовались списки служащих и разрядные списки учеников Пермской духовной семинарии, составленные после годичных испытаний и опубликованные в «Пермских епархиальных ведомостях» за 1880–1917-е годы, и «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», составленные А. Н. Шишёвым в 1950–1970-х годах, которые хранятся в семейном фонде Богословских.

Часть примечаний указывает на фактические неточности текста автора, что является специфическим для такого рода источника.

Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова и части слов воспроизведены в квадратных скобках. Примечания обо-

значаются цифрой в скобках и размещены после каждого очерка.

Фотоиллюстративные материалы представлены в виде вкладки. Порядок представленных фотографий соответствует содержанию мемуаров. В первой части представлены фотографии старой Перми и набережной Камы в почтовых открытках (здания и учреждения, о которых автор вспоминает и перечисляет в мемуарах); чертежи планов внутренних помещений семинарии, составленные самим автором; фотографии преподавателей, которым посвящены отдельные очерки; фотографии известных людей Перми, о которых вспоминает автор; фотографии семейства Богословских — инициаторов мемуаров и В. П. Бирюкова — коллекционера рукописей.

Во второй части представлены: групповая фотография выпуска 1902 года учеников духовного училища, среди которых молодой автор мемуаров и те, которым он посвятил целые очерки; семинаристы во время сезонных гуляний; семинаристы и гимназистки (групповые фото); портреты семинаристов, упоминаемых в мемуарах; сам автор — молодой студент духовной академии и его диплом; фотография автора с заводской молодёжью 1920-х гг.; фотографии одноклассников автора в пожилом возрасте; брат автора, репрессированный; фотографии Перми 1960 года, сделанные самим автором во время прогулки по городу вместе с И. С. Богословским (возвращение в родные края); фотографии бывших семинаристов, которым посвящены очерки; знакомые и друзья автора, с которыми он поддерживал связь; автор в пожилом возрасте во время чтения своих воспоминаний; автор и его жена; изображения рукописей автора, использованных при составлении публикации.

Мемуары В. А. Игнатьева содержат множество латинских изречений, пословиц, поговорок. Самым распространённым латинским изречением, используемым В. А. Игнатьевым, является: «*Sic transit gloria mundi*», которое переводится: «Так проходит мирская слава». Смысл его простой: всё земное — призрачно, изменчиво и тленно.

Публикация воспоминаний В. А. Игнатьева имеет следующую структуру: в первой части — вступительная статья, тексты

очерков, вкладка с фотоиллюстрациями; во второй части — тексты очерков, вкладка с фотоиллюстрациями. В приложении к обеим частям имеется биографический словарь, словарь латинских выражений и именной указатель.

Воспоминания В. А. Игнатьева ранее не издавались, кроме очерка «Старая Пермь», частично опубликованного кандидатом исторических наук А. В. Шиловым в «Смышляевском сборнике» (Пермь, 2014); извлечения из очерков В. И. Игнатьева по истории Пермской духовной семинарии были опубликованы в сборнике документов «Образование в Пермской губернии XIX — начала XX вв. Из истории духовно-учебных заведений» (Пермь, 2016); воспоминания В. А. Игнатьева о брате Игнатьеве Алексее Алексеевиче использовались Ю. М. Сухаревым в статье «К биографии священника Алексея Игнатьева (1879–1937)», опубликованной в материалах VI межрегиональной научно-практической конференции «Православие на Урале: связь времён» (Екатеринбург, Уральское церковно-историческое общество; Екатеринбургская духовная семинария, 3 февраля 2017).

ГКБУ «Государственный архив Пермского края» выражает благодарность за помощь в подготовке публикации книги преподавателю регентского отделения Пермской православной духовной семинарии, кандидату искусствоведения Ольге Вильевне Ануфриевой, автору книги «50 бесед о русском церковном пении и духовной музыке» (Пермь, 2009).

В. Г. Бояршинов,
зам. начальника отдела
использования архивных документов
и научно-справочного аппарата

Примечания:

1. Клировая ведомость Воскресенской церкви г. Перми за 1871 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. 108. Оп. 1. Д. 14. Л. 41–41 об.
2. ПЕВ. 1879. № 23 (6 июня) (офиц.). С. 251–252. В том же году диакон Иоанн Васильевич Тетюев умер 10 (22 н. ст.) декабря в возрасте 49 лет. ГКБУ «ГАПК». Ф. 37. Оп. 6. Д. 323. Л. 617 об.-618.
3. БЕВ. 1916. № 45 (6 ноября) (неофиц.). С. 394–395.
4. Из очерка «Теченское житие» (в составе «Автобиографических воспоминаний») в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 30–31.
5. Очерки В. А. Игнатьева по истории Пермской духовной семинарии. (Июнь-июль 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725.
6. Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 9 июля 1960 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 6–7.
7. Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 2 сентября 1960 г. Там же. Л. 8.
8. Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 8 сентября 1960 г. Там же. Л. 17 об.-18.
9. Автобиографические очерки В. А. Игнатьева «Петя Иконников». (Сентябрь 1960 г. — январь 1961 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723.
10. «Семейная хроника Игнатьевых, составленная В. А. Игнатьевым». (Август-декабрь 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708.
11. Биографический очерк В. А. Игнатьева «Трое» (о преподавателях латинского языка в Свердловском медицинском институте (П. А. Липин, В. А. Наумов, В. А. Игнатьев). (Октябрь 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 720.
12. Биографические очерки В. А. Игнатьева о В. С. Белоусове, А. В. Затопляеве, С. А. Игнатьеве, Н. А. Игнатьеве, Б. Е. Юшкове, Л. В. Лепешинском, В. П. Луканине, И. Н. Ставровском. (Октябрь 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726.
13. Биографические очерки В. А. Игнатьева «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский».

- (Октябрь 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223.
14. Воспоминания В. А. Игнатъева о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727.
 15. Очерки В. А. Игнатъева по истории Казанской духовной академии: о профессорах и преподавателях, студенчестве, предметах, преподаваемых в академии и др. (Декабрь 1960 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721.
 16. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 14 января 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 47–47 об.
 17. Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 5 февраля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 31–31 об.
 18. Вымышленное село в произведениях А. С. Пушкина и местность в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».
 19. Очерки В. А. Игнатъева по истории села Русская Теча Челябинской области. (Январь–апрель 1961 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711.
 20. Очерки В. А. Игнатъева по истории Зауралья (1961 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722.
 21. Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 1 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 33–34.
 22. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 20 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 72–73.
 23. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 25 апреля 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 36 об.
 24. Здесь и далее жирным шрифтом выделены подчеркивания текста самим автором.
 25. Начало 13 псалма Давида (Библия, Псалтырь).
 26. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 7 мая 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 74–75.
 27. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 19 ноября 1961 г. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 45–46.
 28. Философские заметки В. А. Игнатъева «Человек — земля — космос»

- («Человек и нормы его человечности», «Человек и кибернетика», «Метафизика и реальность», «О геоцентризме».)
(Октябрь-ноябрь 1962 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712.
29. Заметки В. А. Игнатъева «Лёд тронулся» о кибернетике.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 713.
30. Письмо В. А. Игнатъева М. М. Щеглову от 3 июня 1962 г.
ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 2–2 об.
31. Очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище.
Очерки о педагогическом составе Камышловского духовного училища (1962 г.). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377, 385.
Очерки В. А. Игнатъева по истории Камышловского духовного училища (1963 г.). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709.
Очерки В. А. Игнатъева о соучениках А. Борчанинове, Г. Козельском и А. Анисимове, находящиеся в составе «пермской коллекции» воспоминаний автора, более раннего происхождения (август-ноябрь 1960 г.).
32. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 25 декабря 1962 г.
ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 1 об.
33. Воспоминания В. А. Игнатъева «Как создавалась «очарованная душа», «Об увлечении пением и хоровыми кружками». (Февраль 1963 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714.
34. Очерки В. А. Игнатъева «Старая Пермь» и «Кама». (Февраль-март 1963 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716.
35. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 28 февраля 1963 г.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 7–7 об.
36. В частности, рассказ «Гибель Фингала (из жизни одной собаки)». (Март 1963 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 715. Педагогическая поэма «Наше детство и теченские штаты». (Август 1963 г.)
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 729.
37. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 10 мая 1963 г.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 101–101 об.
38. Воспоминания В. А. Игнатъева о поездке в Камышлов и Тимохино в августе 1963 г. (24 ноября 1963 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 717.

39. Письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 104–106 об.
40. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 21 апреля 1964 г.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 20.
41. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 19 апреля 1964 г.
ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 5.
42. Биографический очерк В. А. Игнатъева о брате Алексее Алексеевиче Игнатъеве. (Сентябрь 1964 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718.
43. Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 13 сентября 1964 г.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 72–72 об. В ГКБУ «ГАПК» имеется «Список выпускников Пермской духовной семинарии со сведениями об их дальнейшей деятельности», составленный В. А. Игнатъевым по списку священника И. Шестакова, который содержит «сведения о лицах разных гражданских служб, студентах и духовенстве, выделившихся чем-либо из ряда других». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 731. «Комментарии (аннотации)» к указанному списку И. Шестакова (фрагмент). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 133–141.
44. Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 31 декабря 1964 г.
ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 6.
45. Акт передачи документальных материалов от 14 июня 1966 г.
ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Дело фонда. Л.1–2.
46. Письмо И. С. Богословского В. А. Игнатъеву от 28 июня 1966 г.
ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 415. Л. 11–11 об.
47. Бирюков В. П. «Бытописатель В. А. Игнатъев и его рукописи». (16 февраля 1968 г.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1273; ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 421.
48. Исключение составляют «Очерки по истории Камышловского духовного училища», которые в «пермской коллекции» более позднего происхождения, чем в «свердловской».
49. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374.
50. Там же. Д. 376. В архивной описи ошибочно указан 1954 г.

51. Там же. Д. 386.
52. Там же. Д. 378–384, 387–392, 394–395, 403.
53. Там же. Д. 377, 385. В отличие от всех остальных эти очерки более раннего происхождения, чем в «пермской коллекции» воспоминаний автора.
54. Там же. Д. 401, 402.
55. Там же. Д. 375.
56. Там же. Д. 386, 393, 396–399.
57. Там же. Д. 412.
58. Там же. Д. 395. Л.2–14 об.
59. В. А. Игнатъев. «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)». ГКУСО. «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Очерк охватывает период жизни и работы автора с детства и до отъезда из Перми в 1916 г.
60. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405.
61. См. «Образование в Пермской губернии XIX — начала XX вв. Из истории духовно-учебных заведений». Сборник документов. Пермь, 2016.
62. ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР.
63. Прежняя Пермская духовная семинария располагалась по адресу: Кунгурская ул. (Комсомольский проспект), 1. В 1930–2000-х гг. в здании бывшей семинарии размещалось Пермское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск и артиллерии (ВКИУ). Здание было капитально реконструировано (надстроены два этажа, перестроены: правое крыло со стороны ул. Монастырской (Орджоникидзе) и левое крыло со стороны ул. Набережная (Окулова), внешне изменён облик в формах конструктивизма с переходом к сталинскому классицизму. В настоящее время здание превращено в офисный центр «Бажов». Современная Пермская православная духовная семинария распо-

- лагается по адресу: шоссе Космонавтов, 185.
64. Горовой Ф. С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х гг. XIX в. Молотов, 1952 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 26954; Шилов А. В. Н. П. Седых как исследователь истории Пермской духовной семинарии // Страницы прошлого. Пермь, 1999. Выпуск 2; Калинина Т. А. Педагоги и ученики Пермской духовной семинарии // Путь в историю, пути истории. Пермь, 2002. С. 101–110 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 41606; Перескоков Л. В. Памятник истории «Пермская духовная семинария»: жизнь после смерти // Пермский дом в истории и культуре края. Выпуск 3, Пермь, 2010; Нечаев М. Г. Культурное «гнездо» российской провинции: библиотека Пермской духовной семинарии // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Выпуск 5. Пермь, 2013. С. 28–50.
65. Марченко А. Н., прот. «Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Русская православная церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем». Пермь, 2016. С. 8–10.
66. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48–67 об.
67. Евлогий (Георгиевский). «Путь моей жизни». (Глава 8. «Инспектор семинарии».) М., 1994.
68. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Казанской духовной академии»). ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 68–82 об.
69. Диплом В. А. Игнатьева, кандидата богословия Казанской духовной академии (1913 г.). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 2 об.
70. Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви (Синодальный период). Глава 4.
71. Мануил (Лемешевский), митроп. Русские православные иерархи. 992–1892: Биографический словарь. М., 2002–2004.
72. Имеется в виду отказаться от жизни.

73. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 68–82 об.
74. Из «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» («Последние теченские клирики и конец «поповки»).
- ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 574 об.–576.
75. Игнатъев Александр Алексеевич (1875–1920) — священник, расстрелян без суда в 1920 г.
- Игнатъев Алексей Алексеевич (1879–1937) — протоиерей, в 1922 г. перешёл в «обновленчество», затем отказался от священного сана, репрессирован в 1937 г.
- Игнатъев Иван Алексеевич (1885–1955) — обучался в Камышловском духовном училище в 1894–1897 гг. (только в приготовительном и первом классах), стал священником в Тобольской епархии, в начале 1920-х гг. перешёл в «обновленчество» и вторично женился, затем отказался от священного сана, занимался сельским хозяйством, работал в леспромхозе, затем конюхом, плотником.
76. Письмо Н. И. Хмельнова В. А. Игнатъеву от 20 января 1969 г.
- ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 418. Л. 2 об.

ВОСПОМИНАНИЯ В. А. ИГНАТЬЕВА О ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Посвящается
Ивану Степановичу
Богословскому*

СТАРАЯ ПЕРМЬ (I)

Ещё в раннем детстве я иногда рано утром подслушивал разговор родителей за их утренним чаем, когда мы, дети, ещё только начинали поднимать свои головы с подушек, а потом соскакивали со своих постелей, разбросанных по всему полу нашей «горницы». В разговоре родителей, приглушённом, чтобы не разбудить детей, можно было уловить отдельные слова: Пермь, Мотовилиха, Козий загон, Пересыльный замок, Управа, Вогулкины, Демидовы, Любимовы и пр. Постепенно, возрастая, я наконец понял, что речь шла о Перми, о каком-то городе, с которым было связано прошлое нашей семьи. Позднее я узнал, что старшие брат и сестра родились в Перми и что начало своей супружеской жизни наши родители прожили в Перми. Узнал я также, что и родина нашей матушки на севере Пермского края, около Чердыни, в селе Покча, и что вблизи Перми и в самом городе есть родственники по линии матушки: родная сестра её Антонина Ивановна Тетюева, проживающая в самой Перми,

родной брат Василий Иванович Тетюев, священник, живший в Полазне, а потом в Нердве, и два дяди: Иван Алексеевич и Андрей Алексеевич Никитины, оба протоиереи, Андрей, живший тогда в Перми, и Иван, живший в Мотовилихе.

Тётушка Антонина Ивановна временами наезжала к нам в Течу после кумысолечения в Караболке, полурусской-полутатарской деревушке, расположенной в сорока верстах от Течи. По её внешнему виду и манере держаться я и составил себе представление о городских жителях. Брат Алексей часто рассказывал о своих поездках к деду Василию в Нердву или Полазну, а также и о Перми и Каме, о своей семинарской жизни. На основании всех этих сведений о нашей родине в Перми и около неё я в 1902 году ехал для поступления в Пермскую духовную семинарию с чувством, похожим на то, что я ехал к хорошо знакомым мне родственникам, а Пермь представлялась мне не чужим, а до некоторой степени родным городом. С таким именно чувством и началось моё знакомство с городом.

После замкнутой жизни в стенах Камышловского духовного училища жизнь в условиях семинарии мне показалась прямо раем, а представленные в распоряжение семинаристов свободные часы с 2 до 5 часов казались бесценным кладом, и жадно набросился на изучение города. Всё мне тогда казалось в увеличенном масштабе.

Главные ворота города

Единственной дверью, через которую город был связан в зимнее время, в период ледостава (2), был вокзал станции, именуемой теперь Пермь-1. Раньше он был оживлённее, потому что он был на главной железнодорожной линии.

Я любил ходить на этот вокзал так, ни за чем, посидеть на круглом мягком диване в 1-м классе, встретить на перроне проходящий поезд, потолкаться среди проезжающей публики, ощутить, одним словом, движение, жизнь и отправиться к себе, в семинарию.

На этот вокзал мы, семинаристы, ходили провожать отъезжающих после окончания театрального сезона своих любимых артистов. На этом вокзале во время японской войны видел отправляемых на фронт уланов. Здесь же я видел проводы мобилизованных и слёзы, слёзы и слёзы. Здесь же я видел, как однажды встречали одного железнодорожника, которому отрезало ноги. С этого вокзала мы, радостные, уезжали на каникулы, гурьбой, в отдельном заарендованном вагоне. Отсюда же с пониженным настроением мы на извозчиках после каникул направлялись в «недра» семинарии. При входе в вокзал я впервые встретил своего будущего профессора Казанской духовной академии Алексея Александровича Царевского. Всего не перескажешь — и грустного, и весёлого, что связано воспоминаниями с этим вокзалом.

Следуя дальше в город, мы встречаем крутой подъём в гору, разрезанный небольшой площадкой на две равные части. Это была Голгофа для лошадей. Мы видели, как, натужась и цепляясь копытками за булыжник мостовой, они тянули телеги, гружённые разными предметами и продуктами, поступившими по железной дороге и водным путём. Изобретательная мысль человека подсказала сделать под телегами железные пруты, которые удерживали телеги на склоне горы — не давали им катиться вниз, а лошадям давали возможность передохнуть. Эта гора памятна мне двумя событиями, характерными для старой Перми. Первое событие связано было с установкой надгробного памятника заводчику, уже захудалому в то время, Демидову (3), похороненному на кладбище Кафедрального собора. По этой горе подвозили к кладбищу громадную глыбу гранита, привезённую на железнодорожной платформе (4). Зрелище было редкостное: глыба была положена на громадные дровни, и длинная вереница лошадей, парами пристёгнутых к длинному канату, должна была волочить эти дровни в гору. Главное затруднение было в том, что нужно было организовать лошадей в согласованное ритмичное напряжение сил. Что было: крики, свист, взмахи кнутов и то, во что верит русский человек, как в магическую силу:

безобразное ругательство, позорящее русского человека на весь божий свет. Старания не пропали даром. Победа была одержана, победили деньги.

Второе событие произошло во время Первой мировой войны: у чиновника губернаторской канцелярии Кобяка, разбогатевшего на продаже изобретённой им электролитной воды, широко рекламированной врачами для лечения всех болезней, погиб на войне от столбняка сын, гимназист-доброволец, и вот для встречи гроба с покойным и перенесения его в церковь было приглашено много городского духовенства во главе с епископом. Жители города наблюдали редкую картину стечения служителей культа, шествовавших от вокзала к Богородицкой церкви (5). Победили те же и они же!

В полугоре на пути следования по описываемой дороге от вокзала в город слева красовался и до сих пор красуется особняк б. пароходчика Мешкова. В прежние времена он был самым монументальным зданием города, гордостью его (6), (7).

Весь берег Камы, начиная [с] части его, лежащей против вокзала, и далее на запад до «архиерейских» (8) домов (9), был занят пристанями в таком порядке (с востока на запад) (10): братьев Каменских, Любимовых, [между ними и] (11) Тупицыных (12). Летом всё это пространство представляло из себя муравейник: на приколах стояли пароходы, из них выгружались или в них вносились различные грузы; по мосткам и дебаркадерам пристаней взад и вперёд сновали «в путь шествующие» или прибывающие в город люди, или, наконец, просто праздно шатающиеся обыватели города. В воздухе стоял гул от пароходных гудков, от предупредительных криков носильщиков «берегись», и слышались разноречивые голоса посетителей около складов, прилегающих к пристаням, двигались взад и вперёд телеги с грузами в город или за грузами к складам. Около складов и на мостках группами и в одиночку стояли грузчики-богатыри с широкими открытыми грудями, в широченных синих штанах и лаптях, в рубахах из грубо тканного льна и в шляпах. Всё пространство между пристанями было заполнено баржами, разбитыми

плотами и просто отдельными брёвнами. Вода на всём этом пространстве была грязной: в ней плавали отбросы от пищи, осенью — корки от арбузов или выброшенные сгнившие арбузы. Воздух был пропитан запахами от разлагающихся продуктов и от древесины. Осенью на рейде стояли целые баржи с астраханскими арбузами. Арбузы с них прямо в телеги с коробами скатывали по желобам, для чего телеги заводились прямо в воду по живот лошадам. Прямо на баржи поднимались люди группами и в одиночку, тут же «расправлялись» с арбузами, а если попадались плохие, целые арбузы кидали в воду и в стоялой воде около барж у берега плавали все эти отбросы.

На берегу между пристанями лежали днищами кверху лодки, которые предприимчивыми хозяевами их отдавались «на прокат» за 15–20 коп. на день.

Вдоль верхнего края всего пространства пристаней бр[атьев] Каменных и Любимовых, против вокзала расположена была целая гирлянда мелких лавчонок с разными съестными припасами: булками хлеба, пирогами, холодцами, квасом, фруктовой водой, арбузами и т.д. Всё здесь шумело, горланили зазыватели покупателей на дешёвый хороший товар. Здесь фланировали грузчики и подмигивали разбитным торговкам. Тут же шлялись жители «дна», просили дать опохмелиться, ходили монашки с кружками «на построение храма». С дороги все эти лавчонки заносило пылью, тучами летали мухи. Везде царил дух наживы...

Поздней осенью всё это пространство, относящееся к пристаням и их сезонной деятельности, замирало до следующей весны.

С районом пристаней у пермяков было связано много воспоминаний. Здесь именно в течение полугода была сосредоточена жизнь города: следовали пароходы, люди приходили прогуляться, выпить пива, пожуировать. Отсюда на лодках переправлялись за Ка-му. Сюда приходили за фруктами. Здесь в **тридцатых** (13) годах я видел приехавших в Пермь с концертом Нежданову и Голованова. Здесь именно всегда можно было встретить кого-либо из знаменитостей, приезжавших в Пермь. Здесь именно больше, чем в каком-

либо другом месте города, можно было встретиться с какими-либо персонажами из сочинений А. М. Горького из «дна».

Такова та часть старой Перми, которая являлась «воротами» в город и из него в течение всего года (вокзал) и в течение полугода в сезон пароходного движения.

Сибирка

В любом городе, большом или малом, даже в селе и деревне есть улицы главные, так сказать, «осевые», то есть такие, которые служили как бы осью города, к которым, как спицы к оси колеса, сходятся другие улицы. При этом эти улицы не обязательно должны быть красивее и богаче других, но они должны быть признаны и утверждены быть такими в сознании людей, так сказать, психологически, по традиции. Таков, например, в Петербурге — Невский проспект, в Москве — улица Горького. В «Книге голубиной» (14) на этот счёт поставлена целая серия вопросов: «кто у нас всем рекам матери», «кто городам матери» и т.д. А если бы спросить в старое время пермяка: какая в Перми главная улица, то он ответил бы «Сибирка». Так назывался Сибирский проспект (15). На этой улице расположено было много зданий большого государственного и общественного значения: Губернская управа (16), три гимназии — две женских (17) и одна мужская (18), общественная библиотека (19), вблизи этой улицы находился и теперь находится оперный театр (20). На ней же находились губернаторский дом (21), дворянское собрание (22), полицейское управление и различные магазины. Но главное не это, а то, какую роль эта улица играла в жизни города. Зимой эта улица в вечернее время была местом для прогулок и ветра, именно в том её отрезке, который находился между губернаторским домом и мужской гимназией (23). Здесь происходили встречи, знакомства, здесь сближались сердца. Здесь во время оперного сезона в окнах магазинов были выставлены снимки с «кумиров» и «душек». Здесь,

в здании губернского собрания, устраивались танцы. Но здесь же разыгрывались в революционное время бои: слышались выстрелы, устраивались митинги. По этой улице волочили людей в полицейское управление (24). С этой улицы повели губернатора Наумова к пересыльной тюрьме с требованием выпустить заключённых. По этой улице губернаторы решались проезжать только стремительно и в окружении конных полицейских. На этой улице была гостиница, в которой проживал и нашёл свою смерть Михаил Романов (25). Теперь эта улица мало изменилась. Она сохранилась как музейный экспонат, но это только внешне, а внутренне она совсем другая.

Красноуфимская улица

В старых русских городах всегда были отдельные улицы — «обжорки». В Перми такой была Красноуфимская улица (26). На ней находилась пожарная часть (27). Она высилась над другими постройками и как бы вела дозор за ними. Около неё был пельменный ряд: мелкие лавчонки, в которых моментально пельмени варились и в окружении пара, исходящего от них, на тарелке в заказанном количестве подавались заказчику. Ниже, под горкой, располагался рыбный ряд (28). Здесь в маленьких лавчонках опять-таки продавалась рыба свежая, солёная, копчёная. Стояли баки с живой рыбой, главным образом со стерлядью; бочки с солёной рыбой. Всё это под открытым небом, в пыли, в грязи (29). Дальше (направление взято от той части улицы, которая шла со стороны Камы) по левой стороне шли лавочки с бакалеей: в коробах лежали пряники, на стенках и дверях горами висели крендели, в мешках был выставлен хмель, сушёные ягоды, фрукты лежали на лотках. Народ сновал между лавками взад и вперёд. Тут же монашки собирали на храм божий (30).

На этой же улице, вернее — около неё, против окружного суда (31) по направлению к старообрядческой церкви (32) была толкучка (33). Здесь торговля происходила и в лавочках и открыто: товары

были разложены или прямо на земле, или на какой-либо подстилке. Чего только не было здесь: часы, замки, обувь и т.д. Тут же шулеры-картёжники предлагали «пытать счастье». Сновали люди со «дна», женщины с проваленными носами. Одна из «таких» ходила с китайцем Ваней и заставляла его петь, а потом собирала в его фуражку копейки. Тут же нудно «скулила» шарманка: «Разлука, ты, разлука» и «Зажигай-ка, мать, лампадку...»

О, Русь, Русь!!! (34)

Кунгурская улица (35)

Липовая аллея на ней тогда ещё была в довольно цветущем состоянии. Она была гордостью пермяков. Приятно было в жаркий день присесть в тень липы и отдохнуть. Здесь, в аллее, можно было встретить счастливых мамаш с детьми и наблюдать семейные идиллии. Особое назначение эта улица имела на Масленице: на ней происходило катание. Тройки, пары, отдельные рысаки с накинутыми на них сетками (такая была мода) везли довольных, вероятно, в достаточном количестве и «с возлиянием» вкусивши блинов. Какое разнообразие лиц, одежд! И тут же «попечители» в дни революции: донцы-молодцы или ингуши в косматых шапках и под бурками. Звон колокола, и «эти», сначала мягко, чуть прикасаясь кнутами, «приглашали» разъезжаться, а потом и «убедительнее» по спине (36).

<...> (37)

Культурные учреждения города

В городе были: три мужских гимназии (38), три женских гимназии (39), реальное училище (40), железнодорожное училище, женская учительская семинария (41), епархиальное женское училище (42).

Сто семнадцать лет существовала Пермская духовная семинария. Старейшее учебное заведение, она явилась самым историческим учреждением города: три мемориальных доски находятся на здании б. семинарии: Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. С. Попова и П. П. Бажова. Около здания б. семинарии в настоящее время организован скверик им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и в нём поставлен его бюст (43).

Наконец, вершиной этих учебных заведений явился Пермский государственный университет.

Знатные люди Перми и выходцы из нее

Кроме указанных выше: а) музыкальные деятели — [А. Д.] Городцов, [А. М.] Пазовский, [Н. В.] Пиликин; б) профессора медицины: [Б. П.] Кушелевский, И. С. Богословский; в) профессор филологии и истории языка и литературы — П. С. Богословский; г) краеведы: В. П. Бирюков. Из окончивших дух. семинарию вышло много врачей и учителей. В числе музыкальных деятелей Перми нужно указать М. Л. Василенко-Левитон и Петерсон — муз[ыкальная] школа.

Старая Пермь была городом высокой культуры.

В Перми работали писатели: [П. И.] Мельников-Печерский и [Ф. М.] Решетников. Историки-краеведы: [В. Н.] Шишонко, [И. Г.] Ост[р]оумов. На славе была библиотека [Д. Д.] Смышляева.

Парки, скверы города

Самым любимым у пермяков был [парк] в южной части города (44). Когда-то он был на окраине. Здесь были небольшой деревянный летний театр, музыкальная эстрада, ротонда и ресторан. Через весь парк проходила тенистая аллея, а около неё кустарники и ковёр цветов. Зимой между ротондой, эстрадой и зданием буфета устраивался каток. Парк этот сохранился и до настоящего времени.

Скверик около театра всегда привлекал к себе близостью к театру и женской гимназии (45). Под тень его лип приходили «оне», ученицы этой гимназии, шумной толпой и оживляли его. В знойный день, когда солнце на Сибирке нещадно печёт, всегда приятно было свернуть в этот скверик и посидеть 15–20 минут. Здесь же всегда сновали мальчишки со «сладкой» водой — лимонной или малиновой — и усиленно предлагали страдающим от жажды.

Около пересыльной тюрьмы (46) существует до сих пор скверик, посаженный декабристами (47). Аллея его расположена так, что глаз посетителя его всегда упирался в мрачные ворота этого учреждения. Все было рассчитано на то, чтобы никто из обитателей его не скрылся от бдящего ока.

Не по заслугам запущен был Козий загон (48). С него открывается чудесный вид за Каму, в сторону Мотовилихи, и следовало бы его превратить в море цветов, а был в запустении: два-три деревца плохо его украшали. В настоящее время он в лучшем состоянии.

Любил я прогуляться на Слудскую площадь (49), спуститься по крутой лестнице и пройти в те места около военных казарм, где жила моя тётушка Антонина Ивановна (50) и где мне пришлось обитать в 1907–1908 уч. году — полгода работать воспитателем [детей] у врача Ракшинского (51), а полгода жить «коммуной» с двумя товарищами-семинаристами (52).

В апреле 1916 года я в последний раз видел Пермь в её *status quo ante*. В 1940 году в ней ещё мало было перемен, но когда я приехал в неё в 1960 году, то старой Перми уже наполовину не было и чувствовалось, что и вторая её половина уже на волоске висит. Прошное вытеснялось, и это было знаменем настоящего момента (53).

Примечания:

1. Очерк «Старая Пермь» (глазами семинариста) в «свердловской коллекции» воспоминаний автором расширен в основном за счёт включения информации из очерка «Любимые места прогулок семинаристов», который в данной публикации помещён в части II.
2. «с внешним миром в масштабе всего государства и дальше».
(Примечание автора.)
3. Автор имеет в виду не имевшего на самом деле отношения к горно-заводским Демидовым пермского купца Демидова Петра Демидовича (ок. 1833–1902), который в течение 25 лет состоял церковным старостой семинарской церкви. См. «Чествование ктитора церкви Пермской духовной семинарии Петра Демидовича Демидова». // ПЕВ. 1899. №22 (16 ноября). Отд. неофиц. С. 518–527; «Пётр Демидович Демидов. Некролог». // ПЕВ. 1902. №43 (16 ноября) (неофиц.) С. 547–549.
4. Воспоминания о перевозке надгробного памятника (гранитный камень) автор в «свердловской коллекции» воспоминаний относит к 1908 г. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 13 об.–14 об.
5. Речь идёт о торжественной церемонии встречи гроба Кобылякина Константина Георгиевича (1897–1916), умершего от тяжёлого ранения на войне, сопровождения гроба для отпевания в Рождество-Богородицкую церковь (угол ул. Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда») и погребения на кладбище Спасо-Преображенского кафедрального собора.
6. Из очерка «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Здание в александровском стиле с садиком, устроенным на искусственном возвышении». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 11 об. Особняк Мешкова, с 2007 г. — здание Пермского краевого музея.
7. Там же: «На горе в двухэтажном каменном доме была почта. В этом доме некогда жил в ссылке М. М. Сперанский, о котором А. С. Пушкин написал: «Сперанский — любитель царский, но облик

- у него семинарский». Там же. Л. 11 об. Здание Пермской почтово-телеграфной конторы (в начале XIX века — дом купца Попова) находилось на углу улиц Монастырской и Обвинской (25-го Октября).
8. Комплекс зданий в административном центре Пермской епархии, в который входили Архиерейский дом (угол ул. Монастырской и Кунгурской (Комсомольский пр.)) и служебные дома на ул. Набережной (Окулова).
 9. «в период навигации». (Примечание автора.)
 10. «Автор пропустил — пристань пароходства Курбатова (самое восточное по месту). Не указал, что пароходства Каменских, Любимова имели по две пристани. Не указал пристань Ржевина (Верхнекамского п-да), Мешкова, Истомина и Беклемышева». (Замечание И. С. Богословского.)
 11. Вставка И. С. Богословского.
 12. В очерке «Кама» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В старой Перми пароходство на Каме было в руках частных кампаний: Самолёт, братьев Каменских, Любимовых и Тупицыных. Пристани их начинались от ст. Пермь I и простирались до Козьего загона. Пассажирские и товаро-пассажирские пароходы ходили по маршруту Пермь — Казань — Нижний Новгород. Это была главная линия. Первоначально пароходы были двухколёсные, а потом стали появляться и винтовые. На них места для проезда были расположены: на нижнем этаже — III класса, а на верхнем — втором — II и I класса. Каюты были общие, двухместные и одноместные. На пароходах имелись гостиные комнаты в носовой и кормовой частях второго этажа. Наиболее комфортабельными были пароходы Любимовых». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 56 об.–57.
 13. Так в тексте. В очерке «Об «очарованной» душе и «неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: в 1930 г.
 14. «Голубиная книга» — сборник восточнославянских народных духовных стихов конца XV — начала XVI вв., в вопросах и ответах которого даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, сведения географические, естественно-научные и другие.

15. Сибирская улица.
 16. Пермская губернская управа на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время — здание Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.
 17. 1) Александровская женская гимназия на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время — гимназия № 11 им. С. П. Дягилева. 2) Частная женская гимназия Барбатенко на углу ул. Сибирской и Пермской (Кирова). В настоящее время — школа № 21.
 18. Пермская мужская классическая гимназия на углу ул. Петропавловской и Сибирской. В настоящее время — корпус Пермского государственного медицинского университета.
 19. Пермская публичная библиотека на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время — здание Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина.
 20. В настоящее время — Пермский академический театр оперы и балета.
 21. Дом губернатора на углу улиц Екатерининской и Сибирской.
 22. Дом Благородного собрания на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Сибирской.
 23. В очерке «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На Сибирскую улицу одной стороной выходило массивное двухэтажное каменное здание мужской гимназии, памятное автору сего по работе преподавателем в нём в августе 1915 г. по февраль 1916 г. Когда в гимназии заканчивались уроки, то около неё всё принимало серый цвет: и улицы, прилегающие к гимназии, и площадка, где были старинные торговые ряды. Здесь было старинное приземистое мрачное здание, в котором был ломбард, а из магазинов был весь в золотистом блеске магазин Харитонов с разной церковной утварью. За этим зданием, между ним и зданием банка, зимой устраивался каток, на котором по вечерам играла музыка. Он же служил для молодёжи местом свиданий».
- ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 28 об.–28 об.

24. Там же: «Полицейское управление как бы притаилось у самого сердца города, всегда готовое схватить преступника и увлечь его в свои недра. Отсюда в преддверии ещё революции 1905 г. выезжал на тройке полицеймейстер Кокорин и смело врезался прямо в толпу. Так было однажды, когда около театра был митинг. Как тогда ни та, ни другая сторона ещё не распознали в себе взаимных политических врагов, и все события принимали какую-то наивную форму. Позднее, во время революции, отсюда выезжал ещё на двуколке (в шарабанах) на гнедом рысаке полицеймейстер Церешкевич, грузный мужчина с пышными усами, а его окружали при выезде низшие чины. Сколько и печальных и курьёзных случаев было связано с этим местом! Бывало, вдруг запоёт кто-либо у театрального скверика «Вставай, проклятьем заклеймённый», сейчас же бежит околочный со словами: «Кто здесь пел о свободе?» Ловкач отвечает: «Я пел о свободе, но в уме держал: в пределах законности».

Там же. Л. 16 об.—17 об.

25. Гостиница «Королёвские номера» на Сибирской улице. Из здания этой гостиницы в ночь с 12 на 13 июня 1918 года тайно были похищены и увезены на расстрел Великий князь Михаил Александрович и его секретарь Брайан Джонсон.

26. В настоящее время ул. Куйбышева.

27. Пожарная часть с каланчой на углу ул. Торговой (Советская) и Красноуфимской (Куйбышева).

28. «Непосредственно под горой полукругом (у каменной стены) располагался длинный ряд мясных лавок, а от них через дорогу — деревянные ряды лавок с рыбой и разнообразными продуктами». (Примечание И. С. Богословского.)

29. Имеется в виду Чёрный рынок. В настоящее время территория Сквера уральских добровольцев. В очерке «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В рыбных рядах весь воздух был пропитан солёной рыбой, как у Астрахани, когда подъезжаешь к ней на пароходе. Тут же на земле под откры-

- тым небом стояли «садки» с живой рыбой — стерлядь и пр. Продавцы, большею частью женщины, ходили в грязных замусоленных фартуках. Мухи тучами облепляли «товары». На славе среди рыбных «купцов» была Шварёва, у которой дочь была певица и училась в консерватории». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 47–47 об.
30. Там же: «В бакалейных лавках по стенам висели крендели, в коробах пряники, изюм, урюк и пр. Весной — яблоки, виноград. Всё это в открытом виде; незащищённые ни от пыли, ни от мух «товары» были явно в антисанитарном состоянии. Мимо лавок то в том, то в другом направлении проходили люди, толкая друг друга, ворча, бранясь, хулиганя. Старая Русь и осколок её — старая Пермь. Во время Первой мировой империалистической войны в одном из складских помещений по этой улице существовал негритянский театр, организованный группой захваченных войной в России камерунских негров. Они демонстрировали национальные танцы и пели песни. Среди них была одна негритянка с русыми волосами, которую они выдавали за королеву своего рода». Там же. Л. 47 об.–48.
31. Пермский окружной суд на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Красноуфимской (Куйбышева). В настоящее время административное здание Пермского государственного медицинского университета.
- В очерке «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На этой же улице, ближе к южному концу её, было мрачное массивное здание Окружного суда, а на конец улицы выходила знаменитая Александровская больница. Южнее была расположена целая колония домов для умалишённых и пастеровская станция, памятная для меня тем, что в ... году в ней получила профилактические прививки от бешенства вся наша семья по поводу пользования молоком от бешеной коровы. В одном из зданий колонии для умалишённых устраивались вечера для них, на которые получали приглашение и некоторые частные лица». Там же. Л. 48 об. Александровская больница находилась на ул. Большой Ямской (Пушкина), 85.

- В настоящее время здание Пермской краевой клинической больницы.
32. Имеется в виду Свято-Троицкая единоверческая церковь в г. Перми на месте современного здания Пермского национального исследовательского политехнического университета.
33. Имеется в виду Сенной рынок на месте современной Октябрьской площади.
34. В очерке «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На Красноуфимской улице, в северной её части, находился (и теперь существует) знаменитый пермяковский год [так в тексте. — *Ред.*], который по фасаду занимал целый квартал. Здесь была контрольная палата и много частных квартир, в одной из которых я в течение двух недель жил на квартире у Корчемкиных. На северо-западном углу была кондитерская Шипиловского». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 48. Квартира Корчемкиных — место жительства автора в 1902 г. (в период от прибытия в Пермь, сдачи вступительных экзаменов и до поступления в Пермскую духовную семинарию). Там же: «За Красноуфимской улицей, параллельно с неё, шёл длинный ряд улиц, которые на севере были на горе, а продолжались после спуска с горы на равнине. Здесь был (и теперь ещё сохранился) район двухэтажной деревянной Перми. На западной границе города находился женский монастырь. Этот район города известен был мне по двум причинам: здесь когда-то у самой южной окраины жила наша тётушка, к которой время от времени я ходил в гости». Там же. Л. 49 об.–50.
35. В настоящее время — Комсомольский проспект.
36. Из очерка «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Надзор за порядком во время революции здесь вели донцы верхом на лошадях с пышными прядями волос, выбивавшихся из-под шапок, а потом ингуши верхом под широченными бурками, причём если они замечали какой-либо непорядок, то подъезжали и слегка поколачивали кнутом по плечу». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 46 об.

37. Далее пропущены весьма краткие очерки автора «Опера», «Драма», «Концерты, лекции», «Кинотеатры», «Цирк», «Музей», так как информация в них более подробно излагается автором в очерке «Любимые места прогулок пермских семинаристов». (См. Часть II.)
38. Кроме Пермской мужской классической гимназии — вторая мужская гимназия на углу ул. Торговой (Советской) и Красноуфимской (Куйбышева) и частная мужская гимназия Циммерман на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Соликамской (Горького).
39. Кроме Александровской женской гимназии и частной женской гимназии Барбатенко — Пермская Мариинская женская гимназия на углу ул. Петропавловской и Обвинской (25-го Октября). В настоящее время — здание Пермской государственной сельскохозяйственной академии. Автор не упомянул частную женскую гимназию Зиновьевой на углу ул. Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда») и женскую гимназию им. И. С. Тургенева на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Вознесенской (Луначарского).
40. Алексеевское реальное училище на ул. Вознесенской (Луначарского). В настоящее время — здание Пермского авиационного техникума.
41. Пермская женская учительская семинария на углу ул. Торговой (Советской) и Кунгурской (Комсомольский пр.).
42. Пермское епархиальное женское училище на углу ул. Петропавловской и Соликамской (Горького). В настоящее время — здание Пермского государственного хореографического училища.
43. В советское время бывшая Соборная площадь между зданием Пермской художественной галереи (бывший кафедральный собор) и зданием Пермского высшего военного командно-инженерного училища ракетных войск и артиллерии (бывшее здание Пермской духовной семинарии) была превращена в сквер им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. В 2007 году здание Пермского краеведческого музея (бывший Архиерейский дом) было передано Пермской епархии, а музею передано здание Дома Мешкова. В 2009 г. скверу

им. Д. Н. Мамина-Сибиряка было возвращено историческое название Соборная площадь, а в 2011 г. на ней установлен памятник святителю Николаю Чудотворцу, в том же году здание бывшего кафедрального собора передано Пермской епархии.

44. Имеется в виду Загородный сад. В настоящее время Парк культуры и отдыха им. Горького.
45. Имеется в виду Театральный сквер около оперного театра и Мариинской женской гимназии.
46. Пермский пересыльный замок. В настоящее время — СИЗО № 1 ГУФСИН РФ по Пермскому краю.
47. Имеется в виду Тюремный сад. В настоящее время — Сад декабристов.
48. Козий загон — прежнее название Набережного сада, который в настоящее время называется Решетниковским — стоит памятник Ф. М. Решетникову. (Примечание автора.)
49. Слудская площадь — площадь на горе Слудке около Свято-Троицкой (Слудской) церкви.
50. Из очерка «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Я обычно направлялся в сторону Слудской церкви, проходил по окраине церковной площади мимо речного училища, затем спускался с горы по лестнице со многими ступеньками и проходил шесть или семь кварталов». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 49 об. Пермское речное училище находилось на ул. Ирбитской (Матросова), 9 и действовало в 1913–1919 гг.
51. Из очерка «Старая Пермь» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «К Ракшинским я ходил по такому маршруту: по Красноуфимской улице до толкучки, поворачивал направо и проходил пять или шесть кварталов, потом — один квартал налево. Дом стоял у самых казарм, которые были на окраине города. Я был ментором девочки-гимназистки 13 лет и мальчика-гимназиста 11–12 лет. Работал за пансион около года». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 50.
52. Там же: «Вторую половину года жил на квартире неподалеку от Феодосиевской церкви. Хозяин дома Константин Антонович

Удинцев, б. семинарист, работал в Управлении железной дороги. Дом стоял внутри двора, был очень удобен для конспирации, и в нём одно время жил революционер Сергеев (Артём). Теперь на этом доме есть мемориальная доска, свидетельствующая об этом событии. Жили мы здесь трое семинаристов коммуной: сами покупали себе продукты, а хозяйка нам готовила обеды и стирала бельё. Я жил на заработок по линии репетиторства, а на занятия со своими подшефными ходил далеко на Слудскую площадь. Таким образом, мне этот район города и стал знакомым, можно сказать изученным. В соседях с нами жили Богословские, мои друзья». Там же. Л. 50.

53. «При описании знатных людей г. Перми автор не упомянул многих выдающихся людей, получивших образование в Перми, очевидно, автор спешил закончить свой очерк. Побывав в 1960 г. в Перми, автор не смог в течение одного дня увидеть всех перемен в городе. В тексте, по просьбе автора, сделаны некоторые замечания, дополняющие описанную картину. Автору 76 лет, что допускает некоторые пропуски в описании, сделанном по памяти...» (Примечание И. С. Богословского.) ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-12 об.

«Я от Камы многоводной...»
«Киев» А. [С.] Хомяков.

То, о чём будет речь ниже, точнее следовало бы озаглавить триадой: Пермь, Кама, семинария, потому что психологически все эти три компонента сливаются в один образ. В самом деле, вспомнишь о Каме, возникает и образ семинарии; вспомнишь о семинарии, обязательно возникнет образ Камы; наконец, вспомнишь о Перми, обязательно возникнут образы и Камы, и семинарии. Если из этой триады выделена Кама, то только потому, что на образе её в данном случае делается акцент.

Ещё наш покойный преподаватель философии и сам «философ», как мы его любовно называли (2), в третьем классе семинарии по своему обычаю с увлечением на уроке логики рассказывал нам, а потом мы заучивали по учебнику Светилина, об ассоциации представлений и трёх типах связи представлений: по смежности, по сходству и по контрасту. Тогда мы воспринимали эту «премудрость» абстрактно. Как сугубо абстрактно же в следующем четвёртом классе по учебнику Страхова заучивали то, что «мир есть объективация воли» — тезис Шопенгауэра, или диалектическую триаду Гегеля: тезис, антитезис и синтезис, в которой больше разбирались благодаря знанию греческого языка и, в частности, благодаря пониманию значения приставок *αντι* и *συν*. Теперь, когда мы обогатились жизненным опытом, всё прежде воспринятое абстрактно, отвлечённо, облеклось в конкретные формы, причём во время этого

процесса получались иногда удивительные открытия, такие, что сам удивляешься, как же этого я не понимал раньше. К такому открытию, между прочим, относится и понимание триады: Пермь, Кама, семинария и, в частности, понимание того, что в теме «Кама» уже, выражаясь философским языком, имманентно содержатся темы «Пермь» и «Семинария», потому что Кама, её образ, воспринимается как через призму при участии образов Перми и семинарии. Жизненный опыт говорит даже больше, что в её образе, как в морской поросли-губке, впитан опыт жизни, не связанный непосредственно с ней как с конкретным явлением природы.

Впервые слово «Кама» на моём жизненном пути встретилось в сельской школе, когда мы, школьники, заучивали (3) наизусть стихотворение поэта-славянофила А. Хомякова «Киев». В стихотворении говорилось, как со всей матушки Руси стекались богомольцы в Киев, в Лавру, и отвечали на вопрос: «Вы откуда собралися, богомольцы, на поклон?» Все отвечали по-разному, а один ответил: «Я от Камы многоводной». Какой мне представлялась тогда Кама «многоводная» по моему жизненному опыту? Не шире нашей Течи (4) во время весеннего разлива. Детская логика известна: «Сильнее кошки зверя нет!» Мера детского опыта.

В третьем классе духовного училища изучали географию, вычерчивали карты, заносили на них реки: одни более «жирной» линией, другие тонкой. Каму обозначали уже полужирной линией. Какой был у меня опыт для сравнения ширины рек, какой в то время масштаб? Река Исеть во время весеннего разлива: она шире Течи, но логика была всё детская.

Приближалось время поступления в семинарию. Предстояла поездка в Пермь. Увеличивалось давление на воображение, потому что братья — один уже кончивший семинарию, а другой — продолжающий в ней учиться — часто говорили о Каме, а при первых встречах их после известного периода разлуки первый обычно задавал второму вопрос: «Ну, как Кама?» Кама, Кама и Кама! Понятно поэтому то напряжённое состояние души, с каким зелёный пятнадцатилетний

юноша первый раз в жизни готовился увидеть эту реку. Первая в жизни поездка по Уралу сама по себе привлекала новизной: увидеть первый раз в жизни горы — это что-нибудь да значило, но Кама, скорее видеть её — вот то, чем в первую голову жил юноша. Уже после станции Чусовой внимание было напряжено до предела: где же, где та река, о которой уже много слышал. И вот впервые во всей своей красоте предстала она моему взору при подъёме от вокзала в город в том месте, где возвышается мешковский дом... Лишь только устроились на квартире и немного огляделись в городе, мы, группа зауральцев, ринулись на Каму, взяли лодку и с боязнью поплыли недалеко от берега. Кама казалась безбрежной: противоположный берег казался где-то далеко-далеко. Так вот она какая, Кама! И все эти зауральские речки — Теча, Исеть, Пышма показались бедными, жалкими. Появился новый масштаб для измерения величины реки.

В течение шести лет я наблюдал Каму сквозь призму семинарии: в буквальном смысле, когда я наблюдал её из здания семинарии, и в переносном смысле, когда с нею связаны были мои чувства, образы людей, предметов, вещей, которые вновь зарождались в моей душе. Когда я читал, например, «Челкаша» А. М. Горького, то образ Гришки Челкаша мне давала пристань на Каме у пермского вокзала: здесь я наблюдал этих волжских силачей в широченных синих штанах, в лаптях, на своём горбу носящих громадные тюки. Шли они, и мостки под ними дрожали. Читал ли я о них, показанных где-либо на тяжёлой работе в морском порту, или на соляных промыслах, образ тех, которых я видел на пермской пристани в семинарские годы, всегда сопутствовал этому чтению. Читал ли я «На дне» А. М. Горького, мне казалось, что изображённая в этой драме ночлежка где-то здесь, около пристани, а Квашня где-то здесь торгует вблизи бакалейных мелких лавчонок, которые были у пристани на Каме. Здесь всегда толпились эти представители люмпен-пролетариата, которых мы называли «золоторотцами».

На Каме я наблюдал перемену времён года. Из окошка в кухне семинарской столовой, где наш повар Кирилл Михайлович «колдовал»

над голубцами, в дни своих дежурств я видел замирание жизни на Каме. Я видел, как уходили последние пароходы, как увозили в затон пристани и баржи; я видел, как волны на реке от выпавшего снега становились тяжелее, и, наконец, река замирала. Зимой из этого же окошка я видел, как вдали по реке двигался обоз, как на середине реки на ледяном ипподроме тренировали своих рысаков любители конного спорта.

Весной, когда жизнь на Каме оживала, мы любовались Камой из беседки в нашем саду. Как хороша была Кама в вечерние часы, когда ночь ложилась на неё густой пеленой; на реке там и здесь мелькали огоньки бакенов; весь берег усеян был огоньками на пристанях и баржах; где-либо вдали раздавались удары по воде шпич на колёсах парохода; вот он приближался к берегу весь в огнях; с Камы слышны были голоса перекликающихся друг с другом катающихся в лодках; слышались песни, и вот грянули и наши песни! Слушали мы позднее «Баркароллу» П. И. Чайковского, «Ноктюрн» Гроздского, «Крики чайки», и нам рисовались эти картины, а вспоминались семинарские дни. Трудно подсчитать, сколько прекрасных переживаний, эмоций возбудила в нас Кама в те прекрасные дни юности!

Что может быть прекраснее, как стоять и любоваться далью, где в лёгкой дымке далеко за рекой виднеются горы, леса, уходящие за горизонт, стоять в тот момент, когда солнце садится за горизонт, но небо ещё около скрывшегося солнца горит пурпуром. Это мы наблюдали на высоком берегу Камы в наши семинарские годы.

«Завтра едем на маёвку за Каму!» В каком семинарском сердце они не вызывали целую гамму различных чувств — и чисто эстетических, и социальных, а потом на всю жизнь они оставляли яркие воспоминания! Здесь, на Каме, иногда сердца впервые сближались, а потом и оставались вместе на всю жизнь. Здесь испытывались смелость, мужество, когда лодка на середине реки выходила на гребень волн, бурно идущих от прошедшего мимо парохода, и нужно было бороться за её равновесие. Здесь, на реке, в моменты опасности

проверялись «рыцарские» данные у пловцов, когда «дамы», испуганные, кричали и просили помощи у них. Но Кама была свидетельницей и юмористических сцен. Здесь однажды у самого берега, вблизи пристани, где обычно плавают разные щепки, отбросы от арбузов, лодка пошатнулась, и самовар, взятый для чаепития на лоне природы за Камой, выпал из лодки и погрузился на дно. Смельчак семинарии Саша Смирнов, «ничтоже сумняше», нырял в костюме Адама и под бурные аплодисменты многочисленных свидетелей его «подвига» поднял наконец несчастного «утопленника» со дна реки.

Весной мы совершали путешествия на камские пристани и с достоинством гуляли на пароходах в людском потоке. Кама баловала нас арбузами осенью. Сюда, на баржи, устремлялись после обеда и, сложившись по пяточку, «расправлялись» с астраханскими арбузами. Страшной была Кама во время ледохода: по ней неслись громадные льдины, у моста ниже города они сгруживались в торосы и с шумом прорывались через столбы моста на простор. Здесь, на высоком берегу Камы, толпы гуляющих наблюдали однажды, как посередине реки на льдине плыл несчастный рыболов, враспloch захваченный сдвигом льда. Он кричал: «Спасите, спасите!» Но смельчаков не нашлось, и льдина унесла его к мосту. Здесь, когда льды сгрудились, он воспользовался удобным расположением льдов, перепрыгивая с льдины на льдину, выбрался наконец на берег и, как передавали наблюдавшие за ним, полчасца матерился...

Как же семинаристам было не помнить Камы, когда с нею связано было столько воспоминаний об их юношеских годах! Четыре года после окончания семинарии Кама раскрывала предо мной всё своё величие и красоту от Перми до Казани и наоборот. Я наблюдал весной распускающуюся природу на её берегах, а под осень её увядающую природу. Каким чудодейственным средством она снимала с меня всю усталость и нервозность после академических экзаменов! Сколько увлекательных вечеров было проведено в салоне парохода! Сколько перепето романсов! Сколько встреч! А прогулки по трапу парохода в вечернее время! Как хороша в это время Кама! Паро-

ход иногда обгонял длинные плоты леса. Вспоминался рассказ А. М. Горького «На плотях». Был случай: две эфирные девушки сидели на скамейке в носовой части парохода. Подходит могучий великан в кафтане, в сапогах со сложенными в гармошку голенищами, в картузе и, сложивши ладони рук в трубочку, зычно кричит на плоты: «Это чьи плоты-те?» Ему отвечают оттуда: «Лыскова!» (5). Гордец повернулся к «красавицам» и сказал: «Это мои плоты-те!»

Здесь, на Каме, уже на спаде революции 1905 года разгуливал когда-то уральский Ринальдо Ринальдini — Лбов и «проверял» пароходные кассы (6). В годы 1914–1915 Кама была опять передо мной, и я наблюдал её «сквозь призму семинарии», но не было уже прежней романтики. Юность прошла, а с ней и прежняя свежесть и яркость впечатлений. Но летом 1915 года совершена была поездка по Каме к Чердыни — на родину матушки, в Покчу. Нет, уже не та Кама! Пароход шёл медленно (7), с остановками на продолжительное время, но дошёл до Чердыни. Пред нами предстала Кама с промышленными центрами: Чёрмозом, Березниками (8).

Много повидала «разного» Кама в революцию 1917 года. Сколько она «приняла» в себя и с «той» и с «другой» стороны!

Мы видели её мёртвой, запустелой. Опустели её берега. Редкий пароход чуть дымил где-либо у берега, и жалость, бесконечная дальность теснила нашу грудь.

Но вот в 1960 году я снова увидел Каму ожившей. По ней снова тут и там пароходы. На берегах её было оживлённо. Но всё было по-новому: не было прежней Перми, не было семинарии, и только воспоминания толпились где-то в глубине души. Образы людей, с которыми встречался здесь, в Перми, на Каме, вставали предо мной с какой-то властной силой. В моей памяти воскресали события прошлого, пережитые здесь в семинарские годы. Было ясно, что и Пермь, и Кама, и семинария в моей душе являлись одним комплексом мысли, чувств и моего жизненного опыта. И было ясно, что Кама — это не только и не столько водное пространство, а часть моей жизни: с ней связано всё то, что питало мою юность, и

я могу сказать: «Спасибо тебе, Кама, за те дары, которые ты отдала мне в моей жизни! (9).

ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 13–20 об.

Примечания:

1. Очерк «Кама» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора содержит информацию о пристанях, которую ранее он разместил в очерке «Старая Пермь», о чём см. выше.
2. «Александр Николаевич Юрьев». (Примечание автора.)
3. По книге А. Г. Баранова «Наше родное».
4. Теча — река в Челябинской области, приток реки Исети.
5. В очерке «Кама» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Зыкина!» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 63 об.
6. В очерке «Кама» в «свердловской коллекции» воспоминаний имеются впечатления автора во время проплыва на пароходе от городов: Чистополя, Елабуги, Камбарки, Сарапула и Оханска. Там же. Л. 63 об.–64.
7. В очерке «Теченское житие» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «из-за недостатка топлива».
8. Имеется в виду территория будущего города Березники, основанного путём объединения старых промысловых сёл Лёнва, Веретия, Зырянки и Дедюхин.
9. Там же: «Спасибо тебе, многоводная Кама, за много, много радости и счастливых переживаний, которые ты щедро дарила нам в юношеские годы и в пору возмужания. Ты навсегда осталась в триаде — Пермь, Кама, семинария, которая определила счастливый период нашей жизни». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 64 об.

ОЧЕРКИ В. А. ИГНАТЬЕВА
ПО ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

1960 г.

*Воспоминания о Пермской духовной семинарии
Игнатьева Василия Алексеевича,
переданные мне им лично для хранения.*

В. А. Игнатьев 17.VII [июля. — *Ред.*] приезжал из Свердловска, и 18.VII.1960 года я проводил его обратно в Свердловск. За время его пребывания в Перми он жил у меня. Мы посетили с ним многие исторические для нас места. Обошли квартал, где находилась семинария, от которой остались лишь 1 и 2 этажи гл. корпуса, здание бани, выходящей на Каму, и часть западной стены (камен.) семинарского сада. Посетили дома — по б. Екатерининской ул. (н. вр. Большевистская), д. 137, где жило нашей семейство, и рядом (в той же ограде), где проживал Игнатьев (д. Загуменных, позднее — Удинцева, где была квартира «Артёма» Сергеева, подпольная большевистская квартира. Посетили могилы П. Н. Серебренникова, моего брата Сергея (товарища по курсу Игнатьева), трагически погибшего в 195... г.

18.VII.1960 г. Профессор И. С. Богословский.

Alma Mater (1)

Наша семинария находилась в северной части города и была расположена на высоком крутом берегу Камы, в середине которого проходила и теперь проходит железнодорожная линия, соединяющая станции Пермь I и Пермь II. Со всеми своими постройками во главе с основным корпусом она занимала целый квартал строений, фасадом своим обращённый к городу, а тыловой стороной к Каме; на востоке строения граничили с площадью перед Кафедральным собором и архиерейской церковью, а на западе — с домами частных домовладельцев-горожан. Главный корпус семинарии был расположен в юго-восточной части четырёхугольника и имел форму буквы П, с выступами на востоке и западе внутрь двора. Это было старинное трёхэтажное здание с более высоким средним этажом и сравнительно низкими третьим и первым этажами, что придавало зданию симметричный вид. Таким главный корпус семинарии и был увековечен на многочисленных фотоснимках, в том числе и на почтовых открытках.

Многочисленные комнаты этого здания имели следующее служебное назначение. Весь верх, за исключением нескольких комнат (умывальника, кладовой, квартиры пом. инспектора и верхней части церкви), отведён был под спальни. В него вели три лестницы: центральная, которая обычно была закрыта для пользования, и две боковых, из которых постоянно открыта была лишь западная.

В центре среднего этажа находилась церковь (2), двухсветная, в которую вела снизу мраморная лестница, сильно потёртая, уже с небольшими ямками. В церкви благодаря рачительным ктиторах (старостам) её было довольно богатое убранство: серебряный с лихими изображениями святых престол, такие же царские врата и по обе стороны их в нижнем ряду иконостаса иконы. Считалось за честь для каждого старосты оставить по себе память каким-либо пожертвованием на украшение храма. Благодаря попечению старост пол в

церкви был покрыт коврами из крашенных веревок, чтобы не было жёстко становиться на колени.

Значительное место в этом же этаже занимали актовый зал и фундаментальная библиотека. Самым замечательным в зале был художественно расписанный потолок с изображением четырёх евангелистов и текстом из евангелия Иоанна Богослова, помещённым в овальном круге по всему потолку. Несомненно, это была чья-то заслуживающая внимания художественная работа, но она никем не ценилась и так, вероятно, и погибла в будущем. Зал большую часть времени пустовал, в нём было даже мало и мебели. Раз в году в нём устраивались торжественные собрания в день престольного праздника, посвящённого Иоанну Богослову. Так, в 1902 году в зале было торжественное собрание в присутствии высокопоставленных лиц города, на котором с речью выступал преподаватель философии А. Н. Юрьев, а семинарский хор исполнил концерт Бортнянского «Воспойте Господеви песнь нову». В последующие годы, во время революции 1905 года и в период реакции, а также и в период империалистической войны, такие торжественные собрания были прекращены. В зале два-три раза в году устраивались вечера, проводились иногда уроки танцев, что, конечно, совершенно не гармонировало с тем, что было изображено на его потолке. Да разве ещё кто-либо из зубрильщиков в часы вечерних занятий уединялся сюда для заучивания очередного урока.

Фундаментальная библиотека занимала большую комнату, совершенно для нас недоступную. Нам говорили, что она предназначалась для учителей. Очень редко мы видели у ней открытую дверь и с интересом заглядывали туда, но входить туда нам было запрещено. Не помню, по какому поводу, но нам показывали принесённый из неё пергаментный свиток Библии на древнееврейском языке (Тора), который, как драгоценность, хранился в библиотеке и был даром архимандрита Антонина Капустина, бывшего ученика семинарии. Раза два за время обучения в семинарии из этой библиотеки на урок приносил нам В. А. Фаминский какие-то старинные

издания произведений древней русской литературы. Этим и ограничивалось наше знакомство с библиотекой. Было это нам обидно, но всё зависело не от нас.

В восточном крыле главного корпуса, в конце его, помещался ещё небольшой кабинет физики, с которым редко-редко знакомил нас В. А. Кандауров, вероятно, потому, что кабинет этот был очень беден. В западном крыле, тоже в конце его, помещалась ученическая библиотека, о которой подробнее речь будет ниже (3). Остальное пространство второго этажа занимали восемь учебных комнат (классов) и коридоры — вдоль здания и по крылам. Эти восемь классов распределялись так: два I кл., два II кл. и по одному III, IV и V классов. Такое распределение классов свидетельствовало, если можно так выразиться, о суровой борьбе за обучение в семинарии, а именно то, что отсеб учащихся за первые два года обучения делал уже излишним параллельные классы, начиная с третьего класса. Если пользоваться традиционным делением классов в семинарии на три категории: риторики, философии и богословия, то, очевидно, классы риторики и были периодом наиболее острого отбора для классов философии и богословия. Какие мотивы были наиболее уважительными для «исключения», как тогда это называлось, из семинарии? Главным мотивом, так сказать, лейтмотивом были академические требования, суровые требования: три неудовлетворительные оценки на экзаменах иногда считались достаточными для «исключения» из семинарии. Были среди исключённых и жертвы темперамента: попавшиеся по пьянке, замеченные в грубом отношении к вышестоящим лицам и вообще неблагонадёжные, которых с момента революции 1905 года администрация семинарии находила всё больше и больше.

В нижнем этаже главного корпуса располагались следующие учреждения. Налево, у входа, находились вешалки для семинаристов, живущих на квартирах, и каморка для дежурного швейцара. Дальше, налево, вдоль коридора, по фасаду здания была расположена квартира инспектора, а по крылу расположены были небольшие

комнаты для обслуживающего персонала (коменданта, кастаньяни и т.д.) и крайняя, у выхода в ограду, была отведена под склад керосина и для ламповщика до того, как проведено было электричество. Против квартиры инспектора в большой комнате находилась гардеробная со шкафами для верхней одежды и комодами для белья. Здесь же жил постоянно сторож в ничем не отгороженном углу у входа. Свидетелем его постоянного пребывания была здесь кровать и кое-какие вещи из его одежды и обихода.

Направо от входа вдоль коридора по фасаду были расположены: квартира помощника инспектора, кабинет ректора семинарии, комната пед. советов (она же была приспособлена для музыкантов) и далее в юго-восточном углу комнатка для секретаря, раздевалка для учителей и комната для официальных приёмов с большим столом, покрытым зелёной скатертью с позументами и зеркалом — символом государственной власти, на страже которой стоят и духовные учебные заведения. Эта же комната была и учительской: здесь учителя находились во время перемен и пили чай в большую перемену. Против квартиры пом. инспектора и кабинета ректора расположена была так называемая образцовая школа в составе двух классных комнат и раздевалки при них. Это было очень любопытное учреждение, которым семинария связана была с ближайшим к ней соседним населением. В восточном крыле здания вдоль коридора находилась квартира эконома и семинарский архив. Ко всему сказанному выше по описанию главного корпуса семинарии нужно добавить, что в западном и восточном крылах за лестницами сверху и донизу расположены были уборные старого образца, со сквозными ретирадами-воронками, без всяких культурных приспособлений.

Таков был статус главного корпуса нашей семинарии до 1914 года.

Продолжением главного корпуса, его восточного крыла, было одноэтажное кирпичное здание, которое делилось на проходную комнату, столовую, буфет и кухню, которая выходила уже на северную сторону четырёхугольника и одним окном своим обращена была

на Каму. Проходная комната была местом, куда расторопный парень пирожника Половникова аккуратно являлся на большую перемену и продавал семинаристам пирожки с мясом или вареньем по 5 коп. за пару. В столовой были расставлены длинные столы в два ряда по 12 ч[еловек] за столом. Под иконой, на передней стене, висело расписание блюд (меню) на определённый промежуток времени — мясоед, сыроед или пост. В буфете семинаристы ежедневно получали булки белого хлеба (сайки) к чаю и кипяток. Чай и сахар выдавались на месяц в первый день месяца и хранились в ящиках — персональной собственности, почему на подоконниках окон стояли горы замкнутых на замок ящиков. Из кухни был спуск во двор и в нижний этаж столовой, буфета и кухни, где стояли бочки с солёной капустой, огурцами, засеки с картофелем и овощами. Раньше здесь же была пекарня, но в наши времена она была уже ликвидирована, а в ней обитал наш шеф-повар.

В расстоянии нескольких метров от этого здания по северной линии четырёхугольника были расположены два двухэтажных кирпичных здания. Между ними был небольшой интервал. В первом из них внизу были бани общего пользования для семинаристов и индивидуально для семейств начальствующего персонала; вверху была комната для сторожей общая, с отдельной для кучера ректорских выездных рысаков. В восточной половине верха была столярная мастерская и здесь же жил одинокий бобыль столяр. Комната, в которой жили сторожа, могла бы быть в неприкосновенном виде перенесена в драмтеатр для постановки пьесы Горького «На дне». Во втором здании внизу находились каретник, конюшни и позднее организован был свинарник, а вверху — склад. Вся эта часть двора отделена была от главного корпуса деревянным заплотом с двумя воротами, а между ними (воротами) вдоль заплота был устроен громадный навес, под которым были штабели дров.

По линии фасада главного корпуса, к западу от него, расположено было одноэтажное деревянное здание больницы с аптекой и тремя просторными палатами для больных. Дальше по этой же

линии за главными воротами находилось одноэтажное деревянное здание на 6–7 комнат — квартира ректора семинарии. Пролёты по всей линии четырёхугольника занимала кирпичная стена, и, таким образом, весь четырёхугольник был замкнут со всех сторон с двумя воротами: одни из них выводили к водокачке (между кухней и баней) и были большею частью закрыты, а вторые — между больницей и квартирой ректора, у которых днём и ночью сидел сторож. На ночь и эти ворота закрывались, а только по особому пропуску сторож мог их открывать.

Внутри просторного двора семинарии были два скверика и сад. Один скверик был между восточным и западным крылами главного корпуса. В нём были могучие тополи. Этот скверик никто из семинаристов не посещал. В нём разгуливали породистые курицы эконома, причём, как говорили, великан петух был на конкурсе премирован медалью и был законной гордостью нашего эконома. Второй скверик находился между больницей и западным крылом главного корпуса. В нём росли липы. Так как этот скверик прилегал к квартире инспектора, то считалось, что он должен быть только в пользовании семьи инспектора; а так как в нём находилась ещё звонница, то частым посетителем его был семинарист, помощник церковного старосты.

Сад был расположен вдоль западной стены от квартиры ректора до северной стены. В нём были тополи, между которыми шли три аллеи. В головной части средней аллеи в непосредственной близости от квартиры ректора была расположена физкультурная площадка с небольшим количеством приборов. Однако нужно сказать, что почти никто из семинаристов не пользовался этими приборами. В конце аллеи стояла круглая беседка, с которой открывался чудесный вид на Каму. В этой беседке иногда весной собирались семинаристы-певцы, и пение их далеко-далеко разносилось в сторону Камы. Зимой вдоль этой аллеи иногда устраивались катушки.

Вот в каком виде в нашей памяти сохранилась наша *alma mater*.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Церковь (домовая) Иоанна Богослова при Пермской духовной семинарии.
3. См. в части II очерк «Портреты-миниатюры отдельных семинаристов» («Библиотекари»). Более подробных сведений о фундаментальной и ученической библиотеках семинарии в текстах воспоминаний автора не имеется. После закрытия Пермской духовной семинарии в 1918–1919 гг. все книги были конфискованы, часть книг утеряна, сохранившиеся книги в течение нескольких лет были разделены по библиотекам Пермского государственного университета, областного архива, областного музея, педагогического и медицинского институтов. В ГКБУ «ГАПК» в фонде 63 «Пермская духовная семинария» имеются каталоги фундаментальной и ученической библиотек Пермской духовной семинарии: ГКБУ «ГАПК». Ф. 63. Оп. 1. Д. 19, 20, 57, 59, 60.

Протоиерей
Константин Михайлович Добронравов
(ректор)

Ректора нашей семинарии Добронравова мы застали уже в возрасте под пятьдесят лет. Высокого роста, могучего телосложения, с грубым голосом и суровым выражением лица, он внушал чувство страха, которое ещё больше увеличивалось его манерой держаться отдалённо и сугубо официально (1). Передавали о таком случае, имевшем место на уроке в шестом классе. Он имел обыкновение, входя в класс, на ходу называть фамилию семинариста к ответу урока, не обращаясь к нему лично. И вот однажды, войдя так в класс, он вызвал Черепанова (2), который сидел за партой у самых дверей, а он, не успев ещё дверь закрыться, шмыгнул и спрятался в уборной. Ректор это заметил и послал соседа по парте водворить беглеца на место, но Черепанов упорно отказывался возвратиться, всё время твердя: «Страшно попасть в руки бога живаго!» Случай этот анекдотический, и описание его достойно пера такого художника слова, как Н. В. Гоголь, но и как анекдот он характерен для понимания отношений, которые существовали между главой семинарии и его воспитанниками (3).

Мания величия была основной чертой ректора. Передавали, и это так, вероятно, и было, что даже при прикрытой только двери для входа в семинарию, незамкнутой на замок, он давал звонок, чтобы швейцар открыл ему дверь. Мы были много раз свидетелями, как швейцар впереди его бежал к шестому классу, чтобы открыть ему дверь для вхождения в класс на занятия. Во всём поза ве-

личия: будет ли это прогулка перед зданием семинарии перед уроками, будет ли это прогулка по коридору в часы вечерних занятий или посещение столовой, будет ли это, наконец, выход на литию во время богослужения. Но особенно величественны были выезды куда-либо в город. Для этого всегда наготове была пара сначала серых, а позднее вороных рысаков, впряжённых в пролётку. Передавали, что раньше, ещё до нашего поступления в семинарию, при епископе Петре часто были выезды для сопровождения архипастыря. В наши времена выезды были реже и преимущественно на одном рысаке. Помнится, как в первый день Пасхи мимо семинарии промчался рысак, впряжённый в новую пролётку ценой в 500 руб. В ней сидел наш ректор, отправившийся с пасхальными визитами (4). Мания величия иногда переходила у ректора в пренебрежительное, хамское отношение к другим людям, которые, по его мнению, стояли ниже его по служебной линии. Так, наш бывший смотритель Камышловского дух. училища М. Н. Флоров (5), человек почтенный и в высшей степени культурный и деликатный, с большой обидой рассказывал нам, как он явился к ректору с визитом, чтобы засвидетельствовать ему уважение, и как именно по-хамски был им принят (6).

Нам приходилось видеть ректора и в другом положении, когда он был в обществе вышестоящих людей. Это бывало, например, когда совершались в семинарской церкви архиерейские службы или когда архиерей посещал семинарию. Надменность ректора как рукой снимало, он заискивал, лебезил. Так и хотелось сказать: какой же ты жалкий человек, чиновник в рясе! И вот после долгих лет благополучного ректорства стал вопрос об его отстранении. Говорили, что у него получилось какое-то неблагополучие с финансовой отчётностью. Очевидцы передавали, что это была картина, похожая на то, как бы выкорчёвывали дуб с его могучими ветвями (7), (8).

В 1915 году автору этого очерка пришлось быть сослуживцем ректора в мужской гимназии. Величия у него было меньше, а всё-таки прежние замашки ещё остались. На педагогических советах полагалось подписываться под протоколами предыдущего

заседания. По неопытности я взял протокол раньше законоучителя Добронравова, он буквально вырвал его из моих рук, чтобы расписаться раньше. Как не сказать по-современному: «Каким ты был, таким остался». В последние годы педагогической деятельности мне случилось быть сослуживцем жены старшего сына ректора — Маргариты Яковлевны (урожденной Рихтер) и внука его, сына Маргариты Яковлевны. Это было в Свердловском медицинском институте. Естественно, при встречах с ними речь заходила о нашем бывшем ректоре, причём они обрисовывали его в семейной обстановке с теми же чертами характера, с какими мы видели его и на служебном посту. М. Я. рассказывала и о трагической смерти его. Дело было так. Возвращаясь откуда-то поздно вечером, он упал в яму, вырытую для проведения водопровода, и разбил грудь. Смерть последовала в скором времени. М. Я. рассказывала, что жена ректора умерла 3–4 года тому назад в возрасте 96 лет. В живых осталась только старшая дочь его, которая ещё в наши времена была преподавательницей Алексеевской (9) женской гимназии (10).

Когда-то мы, семинаристы, выработали для себя правило отношения к своим наставникам: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». Так вот и по отношению к ректору, теперь уже давно покойному, руководствуясь классическим изречением «*de mortuis aut bene, aut nihil*», завершим латинскими же словами: «*sit tibi terra levis!*» (11).

Примечания:

1. В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет:
«Его можно было назвать великаном. У него были крупные черты лица:

глаза как бы навывкате, нос, сильно смахивающий на картошку, волосы, сбитые для пышности. Он носил золотые очки. Он шепелявил — не выговаривал «с»: слово «сапожник» он произносил «шапожник». Во всём у него проглядывала мания величия. Он как бы подавлял своей персоной, и с ним неприятно было встречаться. Его боялись, и ему, кажется, это нравилось». ГКУСО «ГАСО».

Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 3.

2. Вероятно, Черепанов Сергей — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор приводит этот случай в 6-м классе по рассказу брата Алексея, который окончил семинарию в 1900 г.
 3. Из «Семейной хроники Игнатьевых» («Тётушка Антонина Ивановна»): «...О чем мы с ней тогда беседовали, я теперь не помню. Вероятно, о том, что пишут из Течи. Других тем для беседы не могло быть: я не был знаком кроме неё ни с дядями, ни с тётями по маминой линии; для меня был чуждым врачебный мир, с которым она была связана по своей профессии, а семинария не могла для неё иметь никакого интереса. ... Только однажды по какому-то случаю зашла речь о ректоре семинарии Добронравове, и тётушка рассказала мне, как она ухаживала на дому за больной дочерью его Лией. У ректора было два сына и три дочери. Две дочери носили библейские имена — Рахиль и Лия. Последняя была его любимицей и умерла от скарлатины. «Как он убивался и плакал», — рассказывала о ректоре тётушка по поводу утраты этой дочери. Моё воображение, несмотря на все усилия, не в состоянии было представить нашего ректора — грозного великана — плачущим. Раненый могучий лев — так образно я мог представить ректора убитым его горем». ГКБУ «ГАПК».
- Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 58–59.

Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»): «В этом [шестом — *Ред.*] классе центральной фигурой среди учителей был сам ректор — К. М. Добронравов. Он преподавал «Послания

- апостолов». Если бы Юпитер или Зевс спустились на землю к людям и стали бы учителями, они, вероятно, всё-таки не придумали бы такого величия, с каким «являлся» на уроки ректор. Его шествие на урок предвещало Яша, наш швейцар. Он открывал дверь и закрывал. Ректор заходил в класс и, не глядя на учеников, на ходу называл фамилию обречённого на ответ. Вот это стиль! Его объяснения больше походили на снисходительный разговор. Что было слабостью ректора, то певцы.... Если кто-либо певец, сам за него ответит, а двойку не поставит». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48–67 об. Из очерка «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Когда К. М. вызывал к себе в кабинет кого-либо из семинаристов, он имел обыкновение спрашивать при появлении того в кабинете: «кто там?» Все знали, что этот вопрос был началом «распекания». Любил К. М. певцов и только по отношению к ним в его голосе, обычно грубом, слышались нотки мягкости, похожей на задушевность. Мало этого, случись какая-либо беда с кем-либо из певцов на его экзамене, не даст «зарезать». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 4 об.–5. Там же: «Квартира К. М. была для семинаристов «зámком», куда для них были двери закрыты, за исключением вызовов на «проборку». Единственным отступлением от этой «нормы», как передавали, было посещение этого «зámка» семинаристом Алёшей Захаровым, который был певцом-вундеркиндом и приходил услаждать своим пением К. М. под аккомпанемент пианино, а аккомпанировала ему старшая дочь ректора. Результатом этого «музицирования» было то, что Алёша Захаров на семинарском вечере однажды исполнял «*Ave, Maria*» Шуберта под аккомпанемент старшей дочери К. М. — Александры Константиновны. Нужно отметить, что пианино К. М. не раз побывало на вечерах в семинарии». Там же. Л. 7 об.–8.
4. Там же автор добавляет: «При епископе Петре он был на вершине своей славы и своего благополучия. Говорили, что тогда именно за каретой с парой вороных обычно следовала пролётка с парой серо-

яблочных лошадей, и это был апогей его ректорской деятельности. Мы ещё застали эту пару серо-яблочных лошадей, но парой их уже не запрягали». Там же. Л. 6 об.–7.

5. Из «Очерков В. А. Игнатьева по истории Камышловского духовного училища»: «Я встречался с М. Н. в Перми в 1915 г., когда был помощником инспектора дух. семинарии. Он жил тогда в одном из корпусов, так называемых архиерейских домов. Старшая дочь его, Ксения Михайловна, была тогда уже замужем за б. надзирателем дух. училища Николаем Павловичем Дубровиным. При родителях была вторая дочь Ольга, и сын Серёжа учился в 8 кл. гимназии. Это была моя последняя встреча с Михаилом Николаевичем. В 1917 г. шальная пуля на площадке у собора свела его в могилу». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 68.
6. В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывал, что М. Н. Флоров пришёл на приём к К. М. Добронравову, чтобы осведомиться о том, какое мнение у него (Добронравова) о выпускниках Камышловского духовного училища. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 5–5 об.
7. «О проводах ректора К. М. Добронравова» // ПЕВ. 1914. № 10 (1 апреля) (неофиц.) С. 190–191. «Уход за штат протоиерея К. М. Добронравова». // ПЕВ. 1915. № 7 (1 марта). Отд. неофиц. С. 206.
8. В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «У К. М. была какая-то видная родня в губернском земстве, и одно время прошёл слух, что его намечают в кандидаты на выборах в Гос[ударственную] Думу. Среди семинаристов одно время были распространены слухи о том, что была ревизия хозяйственной деятельности К. М., и он будто бы пытался «замести» кое-какие следы, но ревизию проводил преподаватель лат[инского] яз. Иван Ермилович Губкинский, человек неподкупный, и что будто бы эта ревизия явилась первым кам-

нем, который подорвал его репутацию. Последующие историки семинарии утверждали, что будто бы ему инкриминировалось то, что из неё мало выходило выпускников, которые принимали священный сан. Правды ради следует, однако, сказать, что К. М. уговаривал иногда оканчивающих пойти в священники, но время было уже другое, а не прежнее патриархальное, и он был бессилён что-либо сделать. Каковы были отношения между К. М. и новым инспектором семинарии А. П. Миролюбовым? Надо полагать, что он учёл дружбу А. П. с новым архиереем Иоанном [Алексеевым], и это было причиной того, что в новых условиях, после смерти епископа Петра, он стал вести себя скромнее.

К. М. стоял во главе семинарии, когда она праздновала своё столетие, а это было уже накануне революционной бури. Патриархальные времена бытия семинарии уже заканчивались, и он сам это испытывал на себе. То, что около его кабинета однажды разорвалась петарда, а семинаристы устроили ему обструкцию (он ходил по столовой, а сзади несло мяуканье, шипение), свидетельствовало о том, что величие его, как громовержца Зевса, каким он раньше казался семинаристам, подорвано, и его мания величия стала предметом насмешки над ним. Он старался удержаться на этой позиции в церковном ритуале. Так, в это именно время впервые стали совершать чин «водружения креста» под праздник Воздвижения, причём он именно был центральной фигурой этого ритуала, но жизнь всё дальше и дальше уходила от старых устоев, от старых традиций, и всякие ритуальные нововведения не давали уже желаемого эффекта. Кому пришлось наблюдать уход К. М. из семинарии, оставление им насиженного места, те говорили, что эта картина имела вид выкорчёвывания столетнего дуба, пустившего глубоко и широко свои корни.

Однако это было только очень слабым указанием на ту чашу, которую испить К. М. пришлось после Октябрьской революции. На его судьбе больше, чем на судьбе кого-либо из коллег его по Пермской

дух. семинарии, оправдалось классическое изречение: «*Sic transit gloria mundi!*» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 8 об.–9 об.

9. Правильно — Александровской.

10. В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Осведомившись о том, что в Свердловском медицинском институте на кафедре неорганической химии старшей лаборанткой работает его невестка, жена старшего сына Николая, Маргарита Яковлевна Добронравова (урожд[ённая] Рихтер), а на кафедре нормальной физиологии — его внук, доцент Вячеслав Николаевич Добронравов, сын его старшего сына Николая, я обратился к ним с просьбой обменяться со мной воспоминаниями о нём, б. ректоре Пермской дух. семинарии, при котором учились в ней три моих брата и я. Я рассчитывал основательно пополнить мои сведения о нём и был очень разочарован скудными сообщениями о нём. Маргарита Яковлевна поведала мне только о кончине К. М. в ... году. Умер он при трагическом обстоятельстве: возвращался он однажды поздно вечером откуда-то и упал в траншею, заготовленную для водопровода. Диким голосом он кричал о том, чтобы ему помогли выбраться из ямы, но помощь пришла не сразу. При падении он сильно разбил грудь, болел и умер. Что касается его характеристики, то она обмолвилась только словами: «Вы знаете, какой он был». Она сообщила также мне, что жена К. М. не так давно умерла в возрасте 96 лет, умерли также младший сын его Михаил и младшая дочь Рахиль. В живых осталась только старшая дочь — Александра, которая всю жизнь работала педагогом. Внук же К. М. мне только сказал о том, что у него (К. М.) был кривой палец и как он ему однажды сделал замечание: «не трожь!» Это воспоминание внука об его дедушке, однако, вызвало в моей памяти образ К. М., человека властного: в словах «не трожь» сказались одна из главных его черт — приказывать, командовать».
- ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 2–2 об.

Там же: «Дети К. М. учились в гимназиях. Когда автор сего учился в первом классе семинарии, то старший сын его Николай только что поступил на первый курс юридического факультета Московского или Петербургского ун-та, а Михаил — второй его сын, и Рахиль, младшая его дочь, учились ещё в гимназии. Дети К. М. держались изолированно от семинаристов. Были редкие случаи, когда Михаил появлялся среди семинаристов в саду у физкультурных приборов. Рахиль с матерью бывали в семинарской церкви на хорах. Помнится, только однажды церковный староста С. Е. Кусакин расстелил для них коврик перед местом, которое было отведено для учеников первого класса, но наш инспектор Ал[ександр] Павл[ович], как видно, дал понять, чтобы больше этого не делали, да и эти молящиеся, очевидно, поняли, что этого делать не надо, чтобы не подвергаться оскорблениям». Там же. Л. 7–7 об.

11. Из письма В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 13 марта 1962 г.: «Сейчас идёт Великий пост, и в памяти встают картины прошлого. Слышу голос «папки» Добронравова на каноне Андрею Критскому: «Откуда начну плакать окаянного моего жития» и пение хора в унисон: «Помощник и покровитель». Великопостный звон... говение... причащение и пр. Кажется, что и самое время года — ранние признаки весны — всё соответствует Вел[ико]му посту». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 50 об.

Александр Павлович Миролюбов
(инспектор)

А. П. Миролюбов в нашей семинарии в течение шести лет (с осени 1902 г. по весну 1908 г.) работал инспектором (1). Предшественником его на этом посту был Павел Семёнович Потоцкий, которого семинаристы сокращённо называли «Семёныч». По словам наших старших братьев, учившихся при нём в семинарии, он был человеком грубым, и грубость в обращении даже возвёл в систему инспектирования. Накричать или, как некоторые выражались, «облаять» кого-либо из семинаристов для него ничего не стоило. Но при этом он иногда в отношениях с семинаристами проявлял своеобразный демократизм. Так, у него была привычка проверять у возвратившихся с каникул семинаристов руки, причём если он находил у кого-нибудь мозоли на руках, то хвалил. Однако это мало смягчало впечатление о нём, как грубом человеке.

А. П. в этом отношении был полной противоположностью Потоцкому. Нам никогда не приходилось видеть его сильно возбуждённым, слышать его повышенный голос. У него была совершенно другая манера речи: тихо, спокойно язвить, наносить уколы провинившемуся, а потом свести с ним счёты на заседании совета семинарии и объявить об увольнении.

А. П. был воспитанником Казанской дух. академии, имел учёную степень магистра богословия и, таким образом, среди наших учителей и руководителей был самым учёным человеком (2). Мы придавали этому большое значение, и для нас А. П. был самым авторитетным человеком. Вот почему мы иногда приглашали его к себе в класс в часы вечерних занятий с простой, лаконично выказанной просьбой: «расскажите нам что-нибудь» (3). Запомнился такой случай: пришёл к нам А. П. с какой-то книжкой на французском языке, с которой, очевидно, застала его наша просьба. Он говорил нам о Достоевском примерно около часа. Говорил он с увлечением,

хотя тихо и спокойно. Нас поразило то, что говорил он без запинки, хотя экспромтом. Мы мало тогда разбирались в том, что говорил А. П. о Достоевском; понимали только то, что он был поклонником Достоевского. Позднее стало ясно, что то, что у Достоевского было наиболее реакционным (4), составляло *credo* А. П. Он настолько был увлечён некоторыми местами из сочинений Д., что читал их наизусть (5).

Когда мы учились в пятом классе, А. П. преподавал нам «Новый Завет» и для иллюстрации некоторых своих объяснений он опять-таки апеллировал к Достоевскому. У него был и самый метод преподавания, несколько отличный от метода других учителей; а именно: он почти не прибегал к проверке наших знаний, а всё внимание сосредоточил на своих объяснениях, которые больше походили на проповеди или душеспасительные беседы. Никто другой, как он, вероятно, не верил так в силу слова, в убедительность речи, как А. П. Вот почему он часто произносил проповеди, причём его проповеди больше всего были рассчитаны не столько на чувства слушателей, сколько на то, чтобы убедить в необходимости и правоте религии. Но иногда его проповеди направлены были и непосредственно на воспитание семинаристов. Так, когда мы «говели» (6), то при чтении «часов» на каждом из них А. П. выступал с кратким словом «молитвами иже во святых отца нашего Исаака сириянина...», которое было рассчитано на создание покаянного настроения у нас.

Он, безусловно, верил в то, что таким образом, проповедями, можно воспитать людей, и он, безусловно, стремился к этому, был идейно предан этому делу. Что работа инспектором не была для него стремлением к карьере, видно из того, что он отказался от предложенной ему Казанской дух. академией лестной карьеры профессора и предпочёл работать инспектором семинарии. К слову сказать, он никогда не кичился своей научной степенью магистра и вообще всегда был скромнен в проявлении своей личности: скромно одевался, был скромнен в быту. Что А. П. идейно был предан своему

делу и верил в это дело, об этом свидетельствует то, что он на свои средства в одной из комнат своей квартиры создал для семинаристов читальню, в которой были газеты и журналы типа «Русского паломника» (7). В ученическую библиотеку А. П. подарил сочинения Писемского (8).

А. П. работал в нашей семинарии в возрасте 32–38 лет. По нашим тогдашним представлениям, этот возраст казался уже почти старым; молодыми мы считали только людей своего возраста. Вот почему, зная, что он холостяк, мы считали, что для него не существует так называемого «женского вопроса», тем более что нам никогда не приходилось видеть его в женском обществе, и он представлялся нам неким отшельником, подвижником, вроде толстовского отца Сергия в одноимённом его рассказе (9). Но произошло одно событие, которое вызвало сенсацию, взбудоражило наши умы и ввергло их в соблазн. Один семинарист, побывавший в оперном театре, на другой день громогласно объявил: «Ребята, А. П. вчера был в театре с эконошкой».

Так называлась у нас жена нашего эконома — диакона Славнина. Если бы мы захотели конкретно представить себе всю картину смятения семинаристов, вызванного поразившей нас новостью, то разве только можно его сравнить с тем, как это изображено у Ф. М. Достоевского по поводу смятения духа у Алёши Карамазова, когда он узнал о том, что труп почитаемого им старца Зосимы стал смердеть (10). Дело в том, что жена эконома была не просто женщиной, но женщиной-красавицей с неотразимой, как говорят, красотой, и нашему воображению в этом случае представлялась в виде жены Пентефрия, старавшейся обольстить Иосифа прекрасного (11).

Другой, как нам казалось, необычный случай ещё более привёл нас в крайнее смятение, выражаясь монашеским языком, — в искушение. После одних летних каникул А. П. приехал в семинарию с девушкой лет 17–18. Пошли слухи, что это его племянница-сирота, что он был для неё единственным родственником, который мог её призреть. Так это, вероятно, и было на самом деле. Но на этом

не могла остановиться пылкая фантазия семинаристов, и пошли слухи, которые приписывали ей или образ Сони Мармеладовой (12), или Виолетты из «Травиаты» (13), а самого А. П. представляли в образе толстовского Сергия в момент его искушения. Говорили также, что А. П. привёз её с собой для перевоспитания. Что им в этом случае руководило и как он решился на такой шаг, который мог вызвать разные толки и кривотолки, осталось тайной, но не хотела оставаться только тайной сама виновница этих толков: обладая острыми глазами, наблюдательностью и, может быть, некоторым опытом, она скоро заметила другие пытливые глаза, манящие к себе. Утверждали, что дело дошло до обмена записками, но... наступил день, когда племянница А. П. больше не показывалась. Всё! Нет, не всё!

Мы решили всё-таки точно узнать у А. П., как он мыслит по женскому вопросу. Однажды был ему задан вопрос, нам тогда казалось, серьёзный: «Что такое женщина?» (14). Александр Павлович был, конечно, не глупый человек, а оказался способным на плоское, пошлое замечание, вся глубина которого нам стала понятна позднее, когда мы узнали, что бывают люди, у которых уживаются вместе и наружное благочестие и самая отвратительная пошлость (15). Таким, например, в будущем предстал небезызвестный архиепископ Волынский Антоний из князей Храповицких. Потом стало нам понятно, как получился человек такого склада, как А. П. Люди такого типа складывались в специфических условиях жизни студентов дух. академий. Оторванные от всего жизненного, под влиянием монахов, они вырабатывали в себе какой-то туманный идеал подвижника, оторванного от широкой окружающей жизни, очень часто женоненавистника. Как получился таким А. П.? Когда мы ставили этот вопрос конкретно по отношению [к] А. П., то грешным делом думали: не толкнуло ли его на это сознание некоторой неполноценности в физическом развитии: низкого роста, тщедушного вида, с неприятно торчащими ушами (как у Каренина в романе «Анна Каренина» (16)), с склонностью к лысению, как мы думали, он мог быть расположен к мизантропии.

А. П. пришлось работать в семинарии в бурное время революции 1905 года. Сколько ни пытался он, как говорится, уберечь семинарию от революционного течения, ему это не удавалось. Были приняты для этого чрезвычайные меры. Так, однажды к нам в вечерние часы пришли наиболее авторитетные представители городского духовенства для беседы, но стихия революции захватила и семинаристов. От этого времени остались в памяти два события из жизни семинарии: обыск, произведённый отрядом полиции, и забастовка. Обыск ничего не дал. Забастовка началась с того, что А. П. была передана петиция с требованием главным образом предоставления семинаристам доступа в университеты (17). Вечером мы вызвали [его] в четвёртый класс и зачитали ему содержание своей петиции. Нужно было видеть А. П. в этот момент: он стоял и куда-то смотрел вдаль, выше наших голов. О чём он думал в это время? Выслушал, взял петицию и только сказал: «Доступ в университеты зависит не от нас», повернулся и ушёл (18). На другой день было объявлено, чтобы мы явились в канцелярию за получением денег на проезды и покинули семинарию (19), (20).

В период наступившей реакции А. П. с большим ещё рвением взялся за проповеди; в это именно время он и практиковал проповеди «Молитвами отца нашего Ефрема сириянина [Христе Боже, помилуй нас]», о чём сказано выше. По его предложению на утренние и вечерние молитвы являлся семинарский священник, и они превратились в своего рода молебны. Чаше на богослужениях читались акафисты. Как на некоторую деталь, характерную для этого времени, можно указать на следующее. Появился вдруг в составе семинаристов таинственный юноша с обликом святого византийского письма. Сейчас же пошла молва: «среди нас появился подвижник, человек не от мира сего». Говорили, что он составляет молитвы, акафисты и т.п. Жил он где-то на частной квартире, его посещал А. П., и он пользовался особым его вниманием. Что это был за юноша, тогда для нас было тайной, а сам подвижник скоро исчез. Не был ли он тайным соглядатаем? Очень похоже (21), (22).

С некоторого времени мы стали замечать, что А. П. стал сторониться от семинаристов. Когда его приглашали для беседы, он неохотно говорил, иногда отговаривался словами: «О чём нам говорить, мы люди различных взглядов» и т.п. Однажды, в начале месяца, мы попросили его поделиться с нами своими наблюдениями за нашим поведением за прошлый месяц, что он всегда делал обстоятельно, но он ответил лаконически: «всех покрыла благодать» (было время исповеди), и в той его речи чувствовалась апатия, как будто всё это ему надоело. Через два месяца мы узнали, что он оставляет семинарию и уезжает работать инспектором народных училищ в г. Вольск. Перед его отъездом мы его попросили побеседовать с нами. Он мельком появился и, не задерживаясь, как это было раньше, поговорил о том, почему он оставляет семинарию. Вот его слова: «семинария — это учреждение, которое существует не столько для воспитания, сколько для питания». Из его слов мы поняли то, что он пришёл к признанию полного поражения своей системы воспитания семинаристов. В то время некоторые учителя семинарии уходили в инспектора нар[одных] училищ из материальных соображений, но нельзя было думать, что по этим же соображениям шёл туда А. П. Несомненно, им руководили не материальные соображения, а он искал новую область для притяжения своих сил. Что из этого получилось, нам, к сожалению, не известно (23).

Примечания:

1. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. Миролюбов перевёлся в нашу семинарию с Кавказа, из Ардонской семинарии. Его назначению инспектором в нашу семинарию содействовал вновь прибывший на должность пермского архиерея епископ Иоанн [Алексеев], который был перед этим ректором Ардонской семинарии. Как бывшие сослуживцы еп[ископ] Иоанн и А. П. Миролюбов — были в хороших отношениях». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 16.
2. Там же автор добавляет: «А. П. окончил курс в Казанской духовной академии, был оставлен в аспирантуре профессором ... Тарновским, написал и защитил научную работу по «Библейской археологии» и получил звание «магистра богословия». При уходе на пенсию проф[ессор] ... Тарновский предложил ему занять его место на кафедре, но А. П. отказался от столь завидной перспективы: его, очевидно, привлекала более живая работа с молодёжью, позволявшая непосредственно соприкасаться с ней, с её бытом и характерами». Там же. Л. 16–16 об.
3. Там же: «Мы направляли делегата к А. П. с просьбой прийти к нам на беседу, и он приходил к нам запросто — одетый по-домашнему: в рубашке без галстука, простенькой визитке, в шерстяных туфельках на ногах. Нам нравилось полное отсутствие в этом случае официальной обстановки. Приглашая А. П. на беседу, мы даже не придумывали вопрос, по которому мы хотели бы слышать его речь, и на его «что вы хотите, чтобы я вам рассказал?» наивно заявляли: «скажите нам что-либо». Там же. Л. 17 об.
4. «Реакционность» Ф. М. Достоевского заключалась в его религиозности, неприятии идей социализма и неприемлемости революционной борьбы.
5. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Чаще всего из его произведений он называл «Дневник писателя» и «Записки из Мёртвого дома».

Там же. Л. 17 об.–18.

Там же: «Принадлежность А. П. к этому идеологическому направлению подтверждалась ещё и тем, что он был поклонником Победоносцева, что он отмечал в некоторых своих высказываниях, сугубо положительных и почтительных к нему. Когда Победоносцев умер, то в семинарии служили панихиду, и в её организации, надо полагать, не последнюю роль играл А. П., так как было видно, что он был зело огорчён этим событием». Там же. Л. 18–18 об.

6. Говение — приготовление к таинству причащения, заключающееся в посте и воздержании, посещении всех богослужений в продолжение, по крайней мере, одной недели и выполнении домашних молитв по указанию молитвослова.
7. «Русский паломник» — российское дореволюционное периодическое иллюстрированное издание, издававшееся в Санкт-Петербурге. «Русский паломник» был посвящён преимущественно описаниям храмов, церковных древностей, путешествий к Святым местам Палестины и к русским и заграничным святыням, историко-этнографическим очеркам, жизнеописаниям, рассказам религиозно-нравственного содержания и т.п. вещам.
8. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. вёл жизнь анахорета, даже в какой-то мере подвижника. Так, мы иногда наблюдали, что зимой с лопатой в руке он выходил на двор в ту его часть, где между восточным и западным выступами здания скопилось много снега, сгребал его в высокую гору и строил какие-то не то ниши, не то катакомбы. Когда устраивались семинарские вечера, на которых обычно присутствовали все учителя, А. П. появлялся на них мимолётно во время проведения художественной части, а потом «исчезал», как нам казалось, от «искушения». Так у нас и составилось о нём мнение, как о человеке «не от мира сего». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 18 об.–19.

9. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей».
10. Персонажи романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».
11. Персонажи библейского Ветхого Завета.
12. Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».
13. Персонаж оперы Дж. Верди «Травиата» по мотивам романа французского писателя и драматурга Александра Дюма-сына (1824–1895) «Дама с камелиями».
14. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «Вопрос был поставлен грубо и дерзко, и А. П. мог бы и имел право отказаться от ответа на него уже в силу того, что он (вопрос) был явно провокационным, но он принял вызов...» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 18 об.–19.
15. Там же: «Это [ответ А. П. Миролюбова — *Ред.*] было сказано юношам в самый романтический период их жизни, когда им свойственным был идеалистический взгляд на отношения между полами, [его] ответ можно было оправдать только с точки зрения известного закона механики, по которому «действие равно противодействию», т.е. что на грубый вопрос дан был и грубый ответ, но в моральном плане это было непростительной ошибкой А. П. Семнадцатилетние и восемнадцатилетние парни — одни только чисто отвлечённо, так сказать, теоретически, а другие, может быть, конкретно, эмпирически, опытно — поняли смысл... но у тех и других что-то в отношении к А. П. оборвалось в душе, покачнулось уважение к нему». Там же. Л. 22 об.–23.
16. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».
17. В начале XX в. окончившим курс семинарии дозволялось поступать только в Томский и Юрьевский университеты. Требование свободного доступа в университеты было общим для всех семинарий. В 1905 г. по стране прошла волна семинарских петиций об открытии доступа во все высшие учебные заведения, на что правительством было дано разрешение 14 декабря 1905 г.

18. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Событие это произошло следующим образом: во время третьего часа вечерних занятий мы собрались в самой большой классной комнате, в которой проходили занятия четвёртого класса. Комната эта находилась в восточном крыле главного учебного корпуса семинарии. **Пригласили А. П.** Он не замедлил явиться, очевидно, разгадав повод для этой встречи с ним. Мы стояли плотной стеной, и Витя Коровин приступил к чтению нашей петиции, главным требованием в которой было предоставление права семинаристам для поступления в университеты. А. П. стоял в глубокой задумчивости. Наконец В. Коровин закончил чтение нашей петиции и объявил о нашей забастовке. А. П., сказавши: «мы не можем вам дать права поступления в университеты, потому что это вне нашей компетенции», повернулся и ушёл в свою комнату». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 25 об.–26. Текст подчёркнут В. П. Бирюковым и на полях надписано: «Почему только одного А. Павловича? А почему не был приглашён ректор семинарии и др.?»
- В очерке «Александр Ильич Анисимов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает, что «это [чтение петиции] было поручено Вите Коровину, потому что Александр Ильич [Анисимов] ещё «не явился народу». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.
- Вероятно, автор имеет в виду не Витю Коровина, а Митю или Дмитрия Коровина (1887-?), который учился в 5-м классе, и, возможно, из-за забастовки и увольнения, позднее выбыл из семинарии.
19. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На другой день было объявлено, чтобы забастовщики явились к семинарскому «скрибе» — Александру Ивановичу и получили деньги на проезд домой. Столовая прекратила свои функции, спальни не стали

отоплять. По каким-то причинам небольшая группа семинаристов, в числе которых был и автор сего, задержалась ещё в семинарии. На ночь мы набрасывали на себя гору матрацев для согревания и для поддержания духа распевали любимую тогда песню «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно». В такой именно момент нас и «накрыл» А. П. со словами: «А, вам темно в нашей тюрьме — так немедленно покидайте семинарию».

Мы разъехались по домам накануне всеобщей забастовки железнодорожников. От семинарской администрации оказалось скрытым, что на умы семинаристов в направлении их в сторону революции, между прочим, оказывал влияние учитель музыки и руководитель оркестром Г. К. Ширман. Администрация семинарии в этом случае явно «опростоволосилась». Ширман информировал своих подопечных о ходе развития революционных событий, явно подбодряя их на участие в них». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376.

Л. 26 об.—27. Всеобщая забастовка железнодорожников началась 17 (30 н. ст.) октября 1905 г., тогда же был обнародован Манифест об усовершенствовании государственного порядка, провозгласивший свободу совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенность личности.

В очерке «Александр Ильич Анисимов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает, что «в печальный момент ликвидации забастовки роль первой скрипки выполнял Вася Шестаков». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.

20. В очерке «Александр Павлович Миролубов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Через полтора-два месяца администрацией семинарии были разосланы семинаристам вызовы на занятия, но далеко не всем. Явно обнаружили уже симптомы спада революционного движения. Перед началом занятий нас построили для встречи с епископом Никанором. Мы стояли в рядах, как на богослужении. Епископ стоял на амвоне и пытливо смотрел на нас. А. П. рапортовал «владыке», что он теперь,

после очистки семинарской массы от «плевелов», спокоен. Увы! А. П. ещё поторопился декларировать своё спокойствие. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 27–27 об.

21. Там же: «А. П. чаще стал выходить в город с инспекционными целями, причём он боролся с действительно отрицательной привычкой семинаристов иногда подсаживаться на скамейки у чужих домов и «точить лясы» с проходящими гимназистами». Там же. Л. 29–29 об.

Там же: «Бывали случаи, что А. П. прибегал и к чисто фискальным приёмам в своей инспекторской работе — «ловил» на месте преступления, «выслеживал» жертв неосмотрительного шага и «накрывал» их. Так было однажды и с автором сего, когда он **вместо направления** в церковь на вечернюю молитву проследовал прямо на кровать в числе некоторых других семинаристов. А. П. оставил своё обычное место в церкви, прошёл в спальню и «накрыл» винных, сказавши автору сего классическое: «И ты, Брут!» Впрочем, в практике А. П. это был исключительный, как говорят на языке раскольников, **«смотрительный»** случай, причём видно было, что сам А. П. **чувствовал себя не совсем ловко при исполнении этой операции**». Там же. Л. 30. Текст подчёркнут В. П. Бирюковым и на полях надписано: «Это не совсем так».

Там же: «Хотя А. П. Миролюбов заявил епископу Никанору о том, что он с удалением «плевелов» из семинарской массы успокоился, но это было в значительной степени самообманом или успокоением только на короткое время. Такие события, как взрыв петарды у ректорского кабинета или обструкция, устроенная ректору при посещении им столовой во время обеда семинаристов, не могли не подсказать ему, что мятежное настроение у семинаристов не прошло, а где-то притаилось внутри. Не мог он также не видеть, что с приходом в преподавательский коллектив молодого поколения монолитность его (коллектива) по взглядам на жизнь, по идеологическим убеждениям была нарушена, и педагогический состав

семинарии стал походить на «царство, разделившееся на ся». Достаточно в данном случае указать на то, что кое-кому из молодых учителей было известно, что на указанном выше педагогическом совете в шкафу присутствовало некое постороннее тело. [Об этом эпизоде см. очерк о В. А. Фаминском — *Ред.*] Вероятно, А. П. было известно и то, что, например, В. Я. Струминский явно шёл не в ногу с принятым тогда направлением на возврат к прошлому. А. П. не мог не понимать, что возврата к прежним патриархальным временам «бытия» семинарии уже не может быть. Было заметно, что в душе А. П. происходит какая-то внутренняя борьба, переоценка его прежних установок». Там же. Л. 30.

22. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется следующий эпизод: «Известно также, что семинаристы жестоко отомстили А. П. Миролюбову за его попытку ловить их при входе в здание, когда он брал у швейцара ключ от замка входной двери, чтобы встречать «преступников» по сигналу швейцара. Они сделали публикации в одной из пермских газет: «ищу место швейцара», спрашивать там-то. По этой публикации действительно к Миролюбову явились с предложением занять место швейцара, в результате чего администрация семинарии вынуждена была обратиться в редакцию газеты с заявлением о фальшивости публикации». Там же. Л. 160–160 об.
23. В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. не раз рассказывал нам о Рачинском, педагоге-идеалисте, который по окончании высшего уч. заведения пошёл работать в сельскую школу. В какой-то степени А. П., очевидно, был человеком этого же душевного склада. Как бы ни было, но в нашей памяти А. П. сохранился как личность незаурядная, выделяющаяся из общей массы наших учителей». Там же. Л. 32 об.

Есть люди, с которыми ещё только предстоят неизбежные в будущем встречи и знакомство, но о которых задолго до этого узнаёшь что-либо, хорошее или плохое, что в какой-то степени оказывает влияние на знакомство с этим человеком приличной встречес ним. Таким был для нас В. А. Фаминский. Ещё задолго до поступления в семинарию мы уже знали, что среди учителей семинарии был один, который был грозой для всех учеников. Слухи об этом учителе-грозе чаще всего доходили до нас от братьев или знакомых семинаристов, учившихся когда-то у В. А. и благополучно окончивших семинарию. Но был ещё источник этих слухов, злобный и дышащий ненавистью к В. А., кривили чаще всего те из псаломщиков или диаконов, которые начинали когда-то учиться в семинарии, но были уволены из первого или второго класса. Они, эти изгнанники, часто на вопрос, почему они не окончили семинарию, лаконично отвечали: «из-за химеры».

«Химера» — это было то злобное прозвище, которым расплачивались семинаристы с В. А. за его исключительную требовательность и за его действительно грозный вид. Выражение «из-за химеры» могло иметь двоякий смысл, а именно: или из-за того, что кто-то не справился с наукой, преподаваемой В. А., или из-за того, что кто-то был уволен по какой-либо другой причине, но обязательно по настоянию В. А. Что это было и на самом деле так, это проверено было однажды на очень рискованном опыте, а именно: нашёлся один смельчак, который спрятался в большом шкафу на время совета и наблюдал за ходом решения различных вопросов, в том числе вопросов исключения. Как он потом рассказывал, больше всех за исключение ратовал В. А. и именно по самым разнообразным мотивам (1).

Наступило наконец время нашего поступления в семинарию. В отличие от всех предыдущих, а как потом выяснилось, и после-

дующих лет, нам пришлось поступать с экзаменами по русскому яз. письменно и по греческому яз. Экзамены, по-видимому, были введены потому, что семинария не могла охватить учением всех кончивших в четырёх духовных училищах, для этого не хватало ни помещения, ни штата учителей, а поэтому была необходимость отбора (2). Нам было понятно, почему был экзамен по письму — отбор по грамотности, но совершенно непонятно было, почему был экзамен по греческому яз. (3).

Наступил день первого экзамена. В большом актовом зале было поставлено много столов, на которых нас разместили. Вот вошёл в зал человек высокого роста, крепкого сложения, в очках, гладко подстриженный, в котором легко можно было угадать В. А. Фаминского. Можно себе представить, чем была для нас эта первая встреча в стенах семинарии! Он диктовал нам отрывок из «Капитанской дочки» Пушкина. Диктовал очень спокойно, отчётливо, с интервалами. Если кто-либо его спрашивал, он любезно и приветливо отвечал, так что нам казалось, не было ли обманом всё то, что нам о нём рассказывали раньше (4). Результаты экзаменов с отметками нам не объявили, а вывешен был список непринятых, которых оказалось не так уже много.

Началось учение. В первом классе мы изучали что-то вроде так называемой теории словесности. Мы заучивали наизусть много стихотворений, особенно — отрывков из художественной прозы, ораторские речи, характеристики, помещённые в хрестоматии Галахова (5). Во втором классе мы изучали по учебнику Орлова русскую древнюю литературу, причём опять-таки заучивали наизусть, такие, например, произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой», «Слово о полку Игореве» и др. (6). В третьем классе мы изучали Сумарокова, Кантемира, Фонвизина. Если мне не изменяет память, то во втором и третьем классе параллельно изучали «Евгения Онегина», «Ревизора» (7). Некоторое время нами было потеряно из-за забастовки (8) и болезни В. А. На первых занятиях в первом классе мы почувствовали, в чём был особый стиль преподавания В. А. Требова-

тельность его, которую нельзя иначе охарактеризовать, как культ педантизма, доведена была до высочайшей степени. На уроке у него все мы сидели в таком напряжении, что неслышно было шороха. Муха пролетит — можно услышать. Стукни только кто-либо партой — взор В. А. уже разит виновника. Все сидели в постоянном напряжении, что вот-вот спросят, и не дай бог не ответить.

Поэтому редко кто позволял себе роскошь не выучить урок и получить грозное предупреждение об экзамене. Раз-два не ответить — это значило получить предупреждение: «на экзамене буду спрашивать до седьмого поту». Это не было запугиванием, и на экзамене такой человек действительно обречён был отвечать не меньше часу по всей программе. Вопрос ставился так: быть или не быть. Но зато, когда жертва выходила победителем, надо было видеть, как был доволен В. А. «Ну, молодец, молодец», — хвалил он победителя и, невзирая на все бывшие двойки, ставил четыре или даже пять (10). А сколько было таких, которые такого боя не выдерживали, они-то вот и были часто те, которые говорили, что их исключили из семинарии «из-за химеры»!

Иногда нельзя было понять за суровым голосом В. А.: всерьёз он говорит или в шутку. Один из семинаристов — известный теперь краевед В. П. Бирюков — при ответах стал заикаться. В. А. сделал ему замечание: «Ты, парень, у меня не заикайся, а то двойку поставлю». Услышав это, мы не знали, всерьёз или в шутку это сказано... (11). Но тишина была при этом, как обычно, гробовая.

Объяснения уроков В. А. делал исключительно хорошо, не в пример некоторым другим учителям. Речь его была живой и образной, правда, иногда острой и колкой, когда он касался каких-либо семинарских пороков (12). Иногда он приносил с собой на урок какие-либо наглядные пособия из фундаментальной библиотеки и демонстрировал нам. В это время нам казалось, что он прятал от нас свою строгость, становился как-то проще и ближе к нам (13).

В другом совершенно виде В. А. являлся перед нами в роли преподавателя французского языка. Среди семинаристов нашлись

желающие изучать живые иностранные языки. Из них составились две группы: изучающие немецкий яз. (руководитель А. И. Дергачёв) и изучающие французский яз. (В. А. Фаминский). В каждой группе было человек по 15–20. Занятия проводились утром с 8 до 9 часов. Руководители, очевидно, проводили занятия в порядке некой добровольно принятой на себя нагрузки один раз в неделю. Штатной оплаты за то не предусматривалось. Одним словом, никто из участников этого дела — ни ученики, ни преподаватели — не были связаны никаким формальным долгом. Я как раз был в кружке изучающих французский яз. Как выше было указано, здесь нам В. А. предстал в совершенно другом виде: он обычно был настроен благодушно, был внимателен, изысканно вежлив, предупредителен и терпелив, особенно когда речь шла о произношении. Необычным нам казалось даже то, что он был среди нас не на кафедре, как обычно на занятиях, а у парты или даже за партой. Это так напоминало артиста, которого бы мы видели в одном случае на сцене, а в другом за кулисами.

В течение года мы писали домашние сочинения всем преподавателям, в том числе, конечно, и В. А. (14). Если можно было позволить себе представить кому-либо из преподавателей сочинение с какой-либо, хотя бы и небольшой кляксой или с чуть небрежным почерком, то никто не решился бы на это, представляя сочинение В. А. Он заранее должен был знать, что сочинение или не будет принято, или обречено на неизбежный провал. Боже упаси наделать в нём ещё ошибки, особенно против буквы «**я**ть». Вот почему когда представлялось сочинение В. А., то тщательность и аккуратность выполнения были ажурными. Это, пожалуй, было завещанием В. А. нам на всю жизнь, на все случаи, когда пришлось бы писать сочинение, где бы то ни было.

И вот В. А. захворал: его сломила подагра. Прошёл месяц, а его нет и нет. Наконец решено было, чтобы мы группами, по 5–6 человек, приходили к нему на квартиру на занятия (15). И вот мы на занятиях: в кровати В. А., около на стульях мы (16). Что мы испы-

тивали в это время? Два чувства, совершенно разнородные, гнездились в нашей душе: и тот страх, который бывал на классных занятиях, и жалость к этому больному человеку (17). Впечатление было такое, как будто мы видели пред собой могучего льва — грозу лесов, и вот он лежал перед нами раненый. В. А. давал нам указания, как и что нужно учить дома. Потом он выздоровел, но было заметно, что как-то размяк, потерял прежний грозный вид, вылинял. В таком виде он уже и остался в нашей памяти по окончании занятий с ним. Через четыре-пять лет он скончался. Бывшие его ученики по-разному о нём отзывались. Были и такие, которые по конкурсу потом поступали в высшие учебные заведения и которых на экзаменах выручала их высокая грамотность и культура речи и выполнения сочинения, поминали В. А. добрым словом за то, что он крепко учил (18).

В заключение приходится упомянуть о жестоком всё-таки случае в семинарской жизни. Был день 25-летнего юбилея В. А. (19). Это знали его ученики. Он был на занятиях, не желая, очевидно, по долгу службы пропустить занятия. И вот, когда он шёл в учительскую на перемену, в другом конце коридора из-за угла раздался дикий свист в специально заготовленные для этого свистки. Он подошёл к краю этого коридора и погрозил кулаком. После перемены должен был быть урок в нашем классе, и все ждали, как он проведёт этот урок. Как всегда, В. А. поднялся на кафедру, ни одна жилка в его лица не показывалась изменившейся, как всегда он спокойно вызывал на ответ и так же, как всегда, прекрасно провёл объяснения. Ни слова, ни намёка на то, что освистали. Так расплатились с ним за его строгость и требовательность, может быть, потомки его бывших учеников. Об этом узнали потом люди, которые далеко не симпатизировали В. А., и они всё-таки сказали: «Это было слишком жестоко!» (20). Как не вспомнить при этом классические слова Цицерона в речи против Катилины: «*O tempore, o mores!*» («О времена, о нравы»!).

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор отводит этот эпизод к событиям 1905 г.: «В это же время усиленное, чем обычно, работал пресс по отсечению «больных» овец от здоровых. Был случай, когда семинаристы захотели своими глазами видеть, как «это» делалось, и вот однажды один из них пошёл на рискованный шаг: спрятался в пустом шкафу, чтобы невидимо присутствовать на пед. совете. Он рассказал потом другим, как решались вопросы об изгнании кого-либо из семинарии, причём лишний раз и с абсолютной достоверностью подтвердилось установившееся уже мнение о том, что главным «хирургом» в этой операции выступал Валериан Александрович Фаминский. Он первым вносил предложение: «исключить!» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 28 об.–29.
 2. В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Нужно было принять человек шестьдесят и разместить их в двух классах, а претендентов было до семидесяти-восьмидесяти человек. Нужен был «фильтр», и его никто другой из преподавателей семинарии не мог провести *«lege artis»*, как Валериан Александрович». Там же. Л. 36–36 об.
 3. Там же: «Вторым предметом для испытания наших знаний почему-то избран был греческий язык. Почему именно он — это, как говорится, осталось для нас «тайной изобретателя». Попутно только нужно заметить, что экзаменатор по этому предмету — преподаватель той же семинарии, но получивший уже перевод в другую семинарию, — А. В. Богородицкий был полной противоположностью В. А. Добродушный «старикан», он часто подходил к нам, старался приободрить нас своими шутками, разогнать наши мрачные думы». Там же. Л. 36 об.–37.
- В автобиографических очерках В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии») автор говорит о преподавателе греческого языка Троицком (а не Богородицком).

4. В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он диктовал нам отрывок из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина — то место произведения, где говорится о встрече Марии Ивановны с Екатериной II. Писать диктовку было для нас, конечно, делом не новым. Нам были также известны и разные приёмы диктующих. Бывали случаи, что диктующий всячески старался, чтобы интонацией своего голоса и паузами при чтении как бы не «выболтать» секретов правописания, а, наоборот, так затушевать текст, чтобы «поймать» испытуемого на каком-либо правиле правописания. В. А. диктовал исключительно отчётливо, и казалось, наоборот, он всячески старался подсказать нам, как нужно правильно написать, особенно при расстановке знаков препинания. У нас даже зародилось сомнение в том: да правильно ли считают его таким строгим, он же добрый». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 38–38 об.
5. Там же: «Мы знакомились с различными видами литературных произведений в поэзии и прозе. Учебником была книга Ливанова, а хрестоматия — Галахова. Мы выучивали наизусть колоссальное количество стихотворений. Так, при изучении литературной поэтической формы «ода» мы заучили оды наизусть: «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (Ломоносов), «Бог», «На смерть князя Мещерского» (Державин), «Утреннее и вечернее размышления о Божьем величии» (Ломоносов). В. А. явно был поклонником музыки Державина. Мы заучивали народные песни (фольклор), былины, исторические песни, духовные стихи, например: «Стих о «Голубиной книге». Как образцы рассуждений мы заучивали наизусть: «О любви к отечеству и народной гордости» Н. М. Карамзина, «О счастливейшем времени жизни». Как образец характеристики заучивали наизусть отрывок о Крылове И. А. Плетнёва. В общем, мы заучивали так добрую половину хрестоматии Галахова». Там же. Л. 39–39 об.

6. Там же: «проповеди Луки Жидяты, Кирилла Туровского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и пр.» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 39 об.
7. Там же: «Приватно — не в порядке программы в первом классе «читали», т.е. заучивали отрывки из «Евгения Онегина», а во втором классе — «Ревизора». Вспоминаются такие случаи: в первом классе Боря Капустин заучил наизусть всю первую главу «Евгения Онегина», а во втором классе Ваня Флёров читал Валериану Александровичу наизусть целиком первое действие «Ревизора». В умилении В. А. сиял и хвалил его». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 39 об.—40.
8. Имеется в виду забастовка в семинарии в октябре 1905 г.
9. В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Конкретно это означало, что провинившийся будет отвечать 30–40 минут. Сначала он отвечал по билету, а потом начинался поединок: следовали отдельные вопросы и по ним ответы. В. А. внимательно вглядывался в лицо отвечающего: дескать, как себя чувствуешь. Первоначально лицо его имеет суровое выражение, но вот на вопрос за вопросом идут отличные ответы, и лицо В. А. начинает проясняться, наконец появляется добродушная улыбка и замечание: «ну, молодец, молодец» и полновесная оценка. Прошное забыто, а В. А. признал себя побеждённым: он не мстил за прошлое, не снижал за него оценку, как делали некоторые другие преподаватели. Так как в каждом классе у В. А. всегда имелось по несколько человек «штрафных», то экзамен обычно затягивался до 6–7 часов вечера». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 40–41.
10. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора этот эпизод отсутствует.
11. В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В. А., по общему признанию семинаристов, был большой мастер делать объяснения к

урокам. Он делал их, не пользуясь ни конспектами, ни тем более книгой, как это делал, например, преподаватель истории Алексей Иванович Добролюбов. Он говорил свободно, красочно. Помнится, в первом классе, когда мы учили образцы рассуждений — «О счастливейшем времени жизни» и «О любви к отечеству», он раскрыл нам метод построения того и другого произведения: аналитический и синтетический. Это было за три года до изучения нами логики и явилось для нас чистым откровением. Так же бывало и во втором классе, несмотря на всю сухость изучаемого материала, он умел оживить его своими объяснениями». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 43–43 об.

12. Там же: «В. А. был единственным преподавателем, который раскрывал нам тайны фундаментальной библиотеки. Он приносил нам на показ какие-либо редкие издания произведений. Кажется, он именно по какому-то поводу принёс в класс и показал Библию на пергаменте на еврейском языке, дар архимандрита Антонина Капустина». Там же. Л. 43 об.
13. Там же: «Все учителя обязаны были бороться за грамотность учеников и литературный стиль выражения мыслей». Там же. Л. 41 об.
14. Там же: «Старый холостяк, он жил с двумя своими сёстрами, тоже старыми девами, «заматеревшими во днех своих». Там же. Л. 41 об.
15. Там же: «человек шесть-семь». Там же. Л. 42.
16. Там же: «Он лежал неподвижно. Он осунулся, и лицо его было бледно-жёлтым. В его голосе не было той твёрдости, к которой мы привыкли в классе».
17. Там же автор добавляет: «В. А. всё-таки казался нам загадочной личностью, и этим именно объясняется то, что мы следили за ним, «соглядатайствовали» во всех случаях, когда этому представлялась возможность. Так, в 1906 или 1907 году, очевидно, учителям предложено было «говеть» вместе с семинаристами, и В. А. посещал богослужения в семинарской церкви. Нас интересовало, как он, человек сильный, могучий и гордый, будет вести себя в этом случае.

Мы видели его смиренным и, как нам казалось, кающимся. Позднее нам говорили, что он был большим поклонником о. Стефана Луканина, который был тогда нашим «духовником», т.е. священником нашей церкви. Мы наблюдали за ним на наших вечерах, как он реагировал на выступления своих учеников в роли декламаторов или солистов, исполняющих романсы. Он бурно аплодировал, и было видно, что ему было приятно видеть своих учеников в этих ролях. Особенно ему нравился хор семинаристов». Там же. Л. 43 об.–44.

Там же: «Как это ни странно, он даже становился иногда на сторону учеников против начальства, когда он находил действия последнего неправильными. Так, был однажды такой случай: ректор усиленно сговаривал одного ученика на учение в духовной академии, а тот имел намерение поступить в историко-филологический институт. В. А. шепнул ему доверительно: «не сдавайся, парень, веди свою линию». Там же. Л. 45.

Там же: «Незадолго до смерти В. А. продал свою библиотеку одному из бывших своих учеников, причём оказалось, что он был человеком с широким культурным горизонтом, тонким ценителем культурных ценностей». Там же. Л. 45–45 об.

18. Имеется в виду 25-летний юбилей педагогической деятельности В. А. Фаминского в 1905 г.
19. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор называет себя в качестве участника этого события. «Это было проявление той злобы, которая накапливалась годами, злобы слепой, не сдержанной здравым смыслом, злобы из-за требовательности преподавателя-педанта». Там же. Л. 46 об.

Владимир Александрович Кандауров

В. А. в нашей семинарии был преподавателем математики и физики. Он кончил Харьковский университет. Высокого роста, стройный, с ликом римлянина, В. А. имел внушительный вид. По своему характеру В. А. был полною противоположностью некоторым своим коллегам-преподавателям, например, В. А. Фаминскому. Был он извечно вежлив, деликатен даже в таких случаях, когда бывали поводы к тому, чтобы вспылить, сделать резкое замечание: например, когда ученик не сделал уроки, он мягко замечал: «что же Вы, голубчик?...»

В курсе семинарии значились: алгебра — в первом классе, геометрия — во втором классе, тригонометрия — в третьем и космография и физика — в четвёртом классе. Таким образом, круг математических наук был представлен широко, но к математике именно в семинарии очень легко можно было отнести слова А. С. Пушкина: «мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь». Так, алгебру заканчивали уравнениями с двумя неизвестными и простейшими случаями извлечения корней; геометрию — определением площади круга; тригонометрию — элементарными случаями решения задач на тангенсы, котангенсы, синусы и косинусы; космографию — кое-какими сведениями о земле, луне; а по физике проходили немного из механики, отдел света, теплоты, без решения задач, и кое-что об электричестве. Грубо, но можно образно сказать: «все эти науки мы изучали до тридцатой страницы».

Было время, что иногда В. А. хворал, и часы, пропущенные при этом, некомпенсировались, а программа сжималась, комкалась. Рассуждали при этом, очевидно, так: не велик грех, если не будет и пройдено всё по программе: лучше не будут мечтать об университете. В этом рассуждении меньше всего был повинен В. А. Такова была общая установка в отношении математических наук в семинариях (1). В. А. блестяще проводил уроки (2), но часов было мало, а по физи-

ке был так беден кабинет, что часу-двух было достаточно, чтобы продемонстрировать всё его содержимое. Что можно было бы поставить в упрёк В. А., так это то, что в четвёртом классе у нас был организован кружок изучения математики по самоучителю (Битнер: приложение к «Вестнику знания»), но В. А. даже и не поинтересовался этим делом. Кружковцы взялись энергично за это дело и всё объявляли: «вот ещё отмахали одну лекцию», но недолго «махались»: дошли только до четвёртой или пятой лекции.

В. А. жил дружно со всеми преподавателями: там, где бывали все преподаватели, например, на вечерах, можно было видеть и его вместе с другими в весёлой беседе, шутящими или поющими. Даже в таких мероприятиях, как «говение», В. А. был среди коллектива участником этого. Слухи ходили только о том, что у него раз была размолвка с ректором Добронравовым, и он был будто бы настолько возбужден, что вышел из своего спокойного настроения и запальчиво сказал: «Оскорбляют меня, дворянина Кандаурова; я пойду к самому царю» (3).

В. А. был любитель и поклонник пения и певцов. Так, в Перми раз был с концертом известный в то время баритон Шитов, и В. А. долго с восторгом вспоминал об этом в разговоре с семинаристами.

Он интересовался и певцами-семинаристами: Ласиным, Чирковым (4). Сам он пел под акко[мпа]немент пианино романсы, обладая очень маленьким баритоном (5).

Занимался В. А. даже и литературным творчеством. Так, в «Пермских епархиальных ведомостях» отпечатан был его рассказ «Павел». Рассказ этот ничем особенным не отличался, и можно думать, что напечатан был только в угоду ему редактором «ведомостей» Н. И. Колосовым.

В. А. был женат на дочери пермского протоиерея Пьянкова — Клавдии Ивановне (6). Была у него единственная дочь; она училась в балетной школе. Автор этой статьи встречался ещё с В. А., но уже по службе в семинарии, в 1914, 1915 и 1916 гг. В. А. в это время был так же строен, жизнерадостен, пел, хотя в волосах у него были седые

нити. В это время он вёл ещё в одной-двух группах уроки по французскому языку. Жил В. А. по Кунгурской улице в доме, полученном в приданое за Клавдией Ивановной.

В. А. намного пережил своих сослуживцев и работал в техникумах при советской власти. Как передавали, он пережил большую метаморфозу: помолодел духовно, с увлечением занимался математикой в техникуме, был сторонником новых методов преподавания, был в рядах передовых преподавателей, пользовался уважением своих учеников. Его встречали иногда бывшие его ученики-семинаристы. Как о нём отзывались видевшие его в это время бывшие его ученики, он имел вид почтенного старца, убелённого сединой, по-прежнему стройного и величественного.

Летом текущего года я посетил пермское кладбище в сопровождении Ивана Степановича Богословского, моего доброго старого знакомого, тоже бывшего семинариста. Когда мы проходили по одной из аллей кладбища, И. Ст. показал на одну из могил и сказал: «Вот здесь похоронен Владимир Александрович Кандауров». Мир Вашему праху, мой дорогой учитель и сослуживец! (7)

6.IX.[19]60. 16 ч. 34 м. вр. св.

Примечания:

1. В очерке «Владимир Александрович Кандауров» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор пишет: «Иногда у нас появлялась мысль о том, что В. А. связан был политикой, которая проводилась в семинарии, — всячески тормозить утечку семинаристов в университеты и искусственно ограничивать изучение ими математики. Было ли это так, или нет — не известно...». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 57.

2. Там же: «Особенно нам нравилось, как он ловко, без линейки и циркуля, чертил на доске геометрические фигуры». Там же. Л. 55 об.
3. Там же: «У В. А., как у преподавателя математики, было совсем другое положение, чем у преподавателей этого предмета в гимназиях и реальных училищах, на которых ложилась громадная ответственность за знания учеников, и с этой точки зрения его едва ли могла удовлетворить морально работа в семинарии». Там же. Л. 57–57 об.
4. В очерке «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора назван Борисом. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 104.
5. В очерке «Владимир Александрович Кандауров» в «свердловской коллекции» автор добавляет: «Всё это, несомненно, свидетельствует о том, что он был меломаном, что было редким явлением среди учителей семинарии... В. А. иногда устраивал в своём доме музыкальные вечера, на которые приглашались и семинаристы-певцы». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 58–58 об.
6. В. А. Кандауров был женат на Клавдии Ивановне, дочери протоиерея Всехсвятской церкви на Егошихинском кладбище г. Перми Иоанна Андреевича Будрина (1844–1912).
7. Очерк «Владимир Александрович Кандауров» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор завершает повторением традиционного девиза семинаристов: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 58 об.

Алексей Иванович Добролюбов

Если бы мы захотели назвать человека из тех, кого называют бесцветною личностью, то таким человеком можно назвать А. И. Для характеристики его мало что можно прибавить к его формуляру. Он был у нас преподавателем гражданской истории, и его коротко называли «гражданея». Кто изобрёл такое слово и по каким законам языка — осталось исторической тайной. Во всех отношениях он принадлежал к старой гвардии наших учителей, вплоть до фрака, который он первоначально носил. У него были фигура какая-то придавленная к низу, сутулая, плечи нажимали на корпус, походка с перевалкой — утиная, и всё это вкупе с фраком придавало ему, да простят мне А. И. и все его ученики, вид жука. Грешно так сказать, но так именно живописала А. И. наша «братва». А. И. нам преподавал гражданскую историю на протяжении трёх классов — с древней до наших дней, но всё это в сжатом виде по Иловайскому преимущественно (1). Здесь опять приходится вспомнить слова А. С. Пушкина «Мы все учились понемногу» по Иловайскому. О, этот пресловутый Иловайский!

У Алексея Ивановича была своя метода ведения урока: сначала он спрашивал, потом вынимал книжечку, неизвестную нам, и по ней бесстрастно «объяснял» очередную тему. При «объяснении» он немного раздвигал рамки Иловайского и при проверке обязательно спрашивал и дополненное к Иловайскому и, если кто это отвечал, ставил пять. Мы постепенно раскусили секрет пятёрки А. И. и стали кое-что записывать из его «объяснений». О, эти пятёрки! Чему они только не научат. Уроки А. И. проходили, если можно так выразиться, бесстрастно. Ответил или не ответил кто-нибудь урок, хорошо или плохо ответили — на всё у А. И. было абсолютное спокойствие. На моей памяти только один раз А. И. вышел из своего абсолютного спокойствия. Речь шла о Карле Четырнадцатом (2), и А. И. спросил: «А был Карл Двенадцатый?» Отвечающий задумался. А. И. рассмеялся

и сказал: «Ну, конечно, был, раз был Карл Четырнадцатый!» Это было так неожиданно для нас, что мы переглядывались друг с другом и не знали: смеяться ли нам или нет. Надо было видеть улыбку А. И. в этот момент. Он, как нам показалось, разулыбался и мгновенно спохватился: ладно ли сделал (3).

В 1906 году в семинарию был большой наплыв поступивших и поблизости арендовано было здание для интерната дополнительно к основному. А. И. в этом здании был в роли помощника инспектора, здесь и жил. Как передавали жившие в этом здании семинаристы, А. И. держался от них в отдалении: его воспитательная работа состояла только в надзоре (4). Таков был стиль педагогической деятельности А. И. (5). В 1914–1916 гг., пишущий эти строки был сослуживцем А. И. и даже преподавал с ним временно один предмет — латинский яз. А. И., как и прежде, держался как-то замкнуто, словно боясь, как бы с ним не заговорили. Жил он холостяком. Кто же был А. И. в нашем представлении? Он так и остался «Иловайским в натуре» (6). Теперь его, конечно, уже нет в живых, и мы по принятому нами семинарскому правилу: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим» скажем: «Мир праху твоему, наш учитель!».

8.IX.[19]60. 14 ч. 25 м. вр. св.

Примечания:

1. В очерке «Алексей Иванович Добролюбов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В первом классе проходила «Древняя история», во втором классе — «Средняя история» и в третьем классе — «Русская история». Периодизация исторических событий и освещение были по Иловайскому, и учебник тоже Иловайского. В сознании семинаристов каждый из этих периодов символизировался какой-либо исторической личностью, которая привлекла их внимание и явилась как бы шифром этого периода. Так, для «Древней истории» был принят в качестве шифра «Дарий Гистапс», для «Средней истории» — «Карл Великий», а «Русская история» не имела даже никакого шифра, потому что проходила поверхностно». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 60–60 об.
2. Там же: «Карл Шестнадцатый».
3. Там же: «Как и другим преподавателям, мы писали А. И. сочинения по истории. Он делал исправления ошибок как орфографических, так и стилистических и писал мелким-мелким почерком, но аккуратно. Говорят, что по почерку можно судить о характере человека. Едва ли этот тезис можно было бы применить по отношению к А. И.: в его почерке было что-то детское, не соответствующее его возрасту. Вероятно, это была только привычка прежних лет, не отразившая перемен в жизни А. И.». Там же. Л. 62.
4. Там же: «Он жил здесь и, казалось бы, что это совместное проживание должно бы как-то сблизить его с опекаемыми им учениками, но этого не произошло. А. И. замкнулся в своей комнате, как око, сквозь щёлку наблюдающее за тем, кто стоит за дверью: ни шага к сближению. Он не вышел из своего «футляра». Там же. Л. 63.
5. Там же: «Нам всячески хотелось всё-таки как-то ближе узнать своих учителей, узнать что-либо новое из их характера, из образа жизни, и поэтому мы каждую мелочь из своих наблюдений над ними старались как-либо осмыслить, уложить в своё представление о них. Однажды был случай, что мы встретили группу своих

учителей на пароходе. А. И. был тут среди молодых, только что прибывших на работу в семинарию, учителей. Было ясно, что они пришли отдохнуть в порядке «двадцатого числа». Они были весело настроены, а среди них и А. И. Мы видели его смеющимся, шутливо разговаривающим, и одна мысль была у нас: «почему же Вы, А. И., вот так просто по-человечески никогда не поговорите с нами», но нет: была стена, и А. И. никогда по отношению к нам не выходил за эту стену. Мы знали также, что А. И. заядлый рыбак и летом ездит на озеро Чебаркуль под Челябинск. Значит, он не только мумия, но и живой человек, а вот для нас он показывает себя только мумией». Там же. Л. 63–64.

6. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» автор уточняет: «По-прежнему можно было видеть согбенную фигуру человека, с развалистой утиной походкой шествующего на уроки. Это Иловайский «во плоти» — Алексей Иванович Добролюбов. Он не изменился внешне, «засахарился». Также замкнутость в себе, боязнь «как бы чего не вышло»: вылезет на минуту из улитки и спрячется. Теперь он только не во фраке, а в визитке. Но он немного и модернизировался: сейчас он ещё ведёт преподавание в одной или двух группах латинского языка. Иловайский и Вергилий Марон — таково сочетание преподаваемых им теперь предметов». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 116.

Алексей Иванович Дергачёв

Прежде чем говорить об А. И. Дергачёве, приходится вспомнить нашего великого баснописца И. А. Крылова. Как он всё-таки тонко подмечал некоторые людские черты и ярко выводил их в своих баснях.

Алексея Ивановича преследовала странная идея: быть строгим, как В. А. Фаминский. Он так и афишировал себя: «Я второй Фаминский!» Между ними, однако, была большая разница в том, что Ф. был великан, богатырь, а А. И. невысокого роста, хотя начинал уже «округляться».

Вот мы и подошли к басне... (1).

Алексей Иванович был сыном камышловского протоиерея Ивана Алексеевича Дергачёва. Он был членом правления нашего духовного училища. Каждую Пасху он приходил к нам в духовное училище с яичками христосоваться. Ив[ан] Ал[ексеевич] был у него или старшим или средним из трёх сыновей. Иван Алексеевич, сын Ал[ексея] Ив[ановича], рассказывал, что Ал[ексей] Ив[анович] семинарией направлялся в Казанскую академию, но он по своей инициативе поехал в Питер. Ему хотелось быть выше! По окончании академии он недолго работал в Камышловском дух. училище, а потом переехал в Пермь. В семинарии он сначала заменял болевшего А. И. Тихомирова — преподавал Библию. Невысокого роста с Библией подмышкой он торжественно шествовал на занятия с подчёркнуто важным, серьёзным видом (2).

У него слишком ясно проглядывала всегда манера казаться грозным, внушать страх, почтение к себе. При изучении Библии он особенное внимание обращал на мессианские места и заставлял нас много заучивать наизусть (3). В отличие от других преподавателей он иногда прибегал к коварству, а именно вызывал повторно отвечать урок. В семинарии каким-то образом установился такой порядок, что каждого спрашивали только раз в месяц и, если кто уже в

начале месяца отвечал, то до некоторой степени гарантирован был от спрашивания до следующего месяца. Ал[ексей] Ив[анович] иногда нарушал этот порядок: «поддевал», как у нас говорили. Вот это и определяло наше отношение к Ал[ексею] Ив[ановичу]. Нельзя сказать, чтобы он пользовался у нас симпатией.

Ал[ексей] Ив[анович] приватно преподавал ещё немецкий яз. для желающих.

Летом Ал[ексей] Иванович носил шляпу «котелок». При низком росте, с «закруглением», он имел вид чиновника, как показывают их (чиновников) в кино.

После революции А. И. одно время работал в Камышловe в отделе народного образования (4). Странное совпадение, но на этой работе он не стяжал симпатии сослуживцев; вот что-то было в нём, что отталкивало от него: не то какое-то чванство, не то неискренность, не то формализм. Автору этой заметки пришлось встречаться с ним в Свердловске после революции в новых условиях. А. И. старался как-то проще обращаться со своим бывшим учеником, и у нас не было повода к нехорошим воспоминаниям, а всё-таки душевности, сердечности как-то не получалось. Почему? Не потому ли, что когда-то на школьной ещё скамье, в семинарии, в мелочи доверие было потеряно, и вот отсюда и пошло...

Иван Ал[ексеевич] сказывал, что А. И. умер на 71 году. «Мир его праху!» (5).

8.II.[19]60. 15 ч. 30 м. вр. св.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор имеет в виду басню И. А. Крылова «Вол и лягушка».
2. В очерке «Алексей Иванович Дергачёв» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он, кажется, должен был бы признать в нас, камышловских «духовниках», своих земляков, но этого не было. Он вообще старался держаться со всеми семинаристами официально... Он кончил Пермскую духовную семинарию, и в составе его коллег по работе в семинарии были его бывшие учителя, например, В. А. Фаминский. Он был поклонником стиля педагогической деятельности, ярко выраженного В. А. Фаминским». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 64 об.
3. Там же: «Каждому из нас её выдавали в первом классе, и она была в числе наших учебников четыре года.
Мы заучивали наизусть много так называемых мессианских мест, т.е. пророческих указаний на появление в мире Мессии, т.е. Христа-Спасителя. А. И. особенно придавал значение заучиванию этих мест в библии». Там же. Л. 65–65 об.
4. Там же: «Ещё до Окт. революции А. И. ушёл на работу инспектором народных училищ». Там же. Л. 65 об.
5. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется очерк «Иван Анемподистович Секачёв и его родословная», в котором в образе Анемподиста Ивановича автор выводит Алексея Ивановича Дергачёва. Причина, по которой автор искажил имена, неизвестна. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 111–150 об.

А. Н. был в нашей семинарии преподавателем философии, а мы его коротко называли: «философ». Из всех предметов, изучавшихся в семинарии, мы больше всего гордились философией, и гордились совершенно законно, особенно перед гимназистами. Если бы, например, кому-либо пришло в голову устроить диспут между гимназистом и семинаристом на тему: кто из них сильнее в общеобразовательных науках, то в области математики, литературы, истории сильнее бы оказался гимназист, но стоило бы семинаристу задать своему сопернику такой вопрос, скажем: «что такое объективация воли», как он был бы «повержен в прах», «положен на обе лопатки». Как же после этого не гордиться семинаристу изучением философии?

Но если изучение философии было предметом гордости для семинариста, то не меньшим предметом гордости для преподавателей семинарии и всей семинарии *in corpore* являлся и преподаватель философии — А. Н. Выражаясь образно, можно сказать: в созвездии всех учителей семинарии А. Н. был звездой первой величины, по д[ост]ойнству *persona grata*. В самом деле в тех случаях, когда нужно было представлять от учителей в какой-либо торжественный момент, отстаивать честь коллектива, то кто выдвигался на авансцену? — А. Н.! Это был, выражаясь на языке шахматистов, — «ход конём», а на языке картёжников: «Ход с козырного туза».

Так, в 1902 году, в престольный праздник семинарии — день памяти Иоанну Богослову, после обедни в актовом зале семинарии на торжественном собрании нужно было произнести речь, приличествующую торжественному моменту и свидетельствующую о высоком уровне науки в семинарии, то это было поручено никому другому, а именно — А. Н. И вот семинарский хор торжественно пропел концерт — «Воспойте Господеви песнь нову», а А. Н. в присутствии губернатора и других высокопоставленных лиц города, архиерея, ректора семинарии и всех учителей выступил с речью о греческой

философии. В речи были названы философы: Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Демокрит, Гераклит, божественный Платон и великий Аристотель (1). В особенности лектор остановился на Платоне. Впоследствии семинаристы подмечали у А. Н. особенную симпатию к Платону, и по этому поводу даже было пущено крылатое выражение в адрес А. Н.: «Без Платона ни на шаг!»

В 1904 году Павел Николаевич Серебренников в краеведческом музее, им созданном, решил организовать цикл лекций для широкого круга посетителей музея на самые разнообразные темы по вопросам культуры, литературы и т.д. И снова А. Н. было предложено выступить с лекцией по философии. Он опять читал лекцию о греческой философии — в том же плане, как и на торжественном собрании, однако выступление его было подвергнуто критике в зале, после окончания лекции, а через день в «Пермских ведомостях» появилась заметка под заглавием: «В пятнадцать минут вокруг света», где лекция была едко раскритикована (2).

У А. Н. были некоторые особенности, даже странности. Так, часто у него была непоправной причёска: небрежность или небрежность, но во всяком случае недостаточное внимание к своему наружному виду. Нельзя было понять: то ли у него «ерошка», то ли «косой вид», а вернее всего движение от первой ко второму. Также у него была иногда рассеянность: то он придёт на занятия без галстука, то вызовет к ответу «госпожу Горячих», перепутавши семинарию с женской гимназией, где он тоже занимался. В этих случаях поднимался «гомерический» хохот, однако он не носил характера насмешки, а больше походил на выражение благодушия, шутки.

У семинаристов было даже найдено объяснение такой особенности А. Н., а именно, что он, как философ, привык вращаться в области идей, в «областях заочных», и потому, спускаясь на землю, не мог сразу на ней ориентироваться. Мы считали даже, что рассеянность А. Н. есть именно признак его философского склада, что она, выражаясь на философском же языке, так сказать, имманентна ему, т.е. складу.

А. Н., когда шёл, то взгляд его направлен был в одну точку. В этом случае шутники из нас говорили: «он видит философскую точку». Он ходил сутулившись, а говорил несколько приглушённым голосом, как бы усталым. И это мы объясняли так: «Это его сгибает множество идей, тяжесть науки, которая легла на его плечи». Даже то, что у него была привычка держать в руках в раскинутом виде очки, а при чтении лекции то снимать их, то надевать — и это тоже мы относили к его философской индивидуальности. А. Н. был добр. Жалкий вид у него был в тех случаях, когда и нужно бы дать место желчи, а он не может. Вот, например, ученик не выучил урок и нужно его пожурить, а А. Н. не может: он нервничает... и смолчит.

А. Н. понимал, что философия даётся семинаристам тяжело, а поэтому в учебнике «История философии» Страхова он делал сокращения: строчку или две, а то и отдельные слова. Раз был такой случай: вдруг в вечерние часы он заходит к нам в класс, возбуждённый, расстроенный и заявляет: «я забыл там вычеркнуть три слова; пожалуйста, вычеркните!»

Чистым мучением для А. Н. было чтение наших домашних сочинений по философии. Среди нас находились такие самонадеянные люди, которые думали, что они уже всё уразумели по философии, что они уже могут любой философский вопрос осветить «без Страхова», самостоятельно, «на чистую совесть», и писали несусветную чушь. И вот А. Н. приносил в класс сочинение, всё подчёркивал красным карандашом, укоризненно разбирал его и с отметкой «три с двумя минусами» отдавал автору. Сам А. Н. нам не давал каких-нибудь прямых указаний, как нужно писать сочинения, но по отметкам за сочинения мы открыли некоторый секрет «писания»: сочинения, близкие к «Страхову», имели оценки выше. У А. Н. была своя концепция при оценке сочинения. Он рассуждал так: автор много думал и додумался до того, как сказано у «Страхова». Позднее нам стало понятно, что у А. Н. был вполне реалистический взгляд на такой метод составления сочинения: что можно было требовать от людей, которые по существу ничего не понимали в философии, кроме «Страхова».

Философские предметы по классам распределялись так: в третьем классе — логика и психология — пропедевтический курс, в четвёртом классе — философия, точнее история философии, — основной курс. Если рассматривать положение этих дисциплин в ряду других, то ещё со времени Киево-Могилянской коллегии они занимали центральное место в триаде: риторика, философия, богословие. Логику мы изучали по учебнику Светилина, а психологию — по учебнику Челпанова. При изучении всех философских дисциплин мы особенно большое удовольствие испытывали, когда встречались со своими старинными друзьями: «грекой» (греческий язык) и латынью.

В логике нашли: *«Tertium non datur», «Contradictio in adjecto», perceptio, apperception, syllogismus et cetera*. В психологии: *temperamentum, sanguis* (сангвиник), *chole* (холерик), *melanchole* (меланхолик) и *phlegma* (флегматик), *mnemone* (мнемоника) *et cetera*. В философии: [...] (3), *«cagito ergo sum», «Deus sive natura», «thesis», «antithesis», «synthesis» et cetera*. Знание классических языков нам много помогало, но трудностей было много, потому что наглядных пособий и вообще пособий, кроме учебников, не было.

Впоследствии, когда в гимназиях был введён курс так называемой «философской пропедевтики», то в распоряжении преподавателя были такие, хотя и элементарные пособия, как эстезиометры, тахистоскоп, разные таблицы, например, для испытания памяти, творческой фантазии и т.д. У нас же ничего не было: всё было основано на речи А. Н., которая, сколько бы она ни была выразительной, всё-таки не могла заменить наглядные пособия.

На чём было больше сосредоточено наше внимание и что больше всего привлекло наше внимание? При изучении логики центром внимания были законы мышления, системы суждений, силлогизм и т.д. При изучении психологии живее всего прошли темы «О темпераментах» и «Мнемонике». При разработке темы «О мнемонике или мнемотехнике» поднялись даже до критики этой лженауки. В Одессе в то время «благодетели» предлагали различ-

ные способы для развития и подкрепления памяти. Вот, например, один из рецептов для обладателя слабой памяти. Допустим, нужно запомнить слово «Петроград» (это слово вошло в наш язык позднее во время первой империалистической войны, здесь взято в историческом аспекте). Чтобы его запомнить, рекомендовалось бы так запомнить фразу: «Петя пошёл гулять, а в это время, выпал град», т.е. запоминание не только не облегчалось, а ещё больше затруднялось: вместо одного слова нужно запоминать целое предложение. Нами был сделан вывод об издателях этих рецептов, что это только было коммерческое предприятие: «Лавочка!».

Из истории философии более всего было обращено внимание на философию Платона, Аристотеля, Декарта, Гегеля. Насколько усвоение учёта этих философов было неглубоким, свидетельствует, например, тот факт, что все мы хорошо ещё в духовном училище учили наизусть стихотворение Лермонтова «Ангел», в котором выражена идея Платона о предсуществовании душ, однако никто из нас в момент изучения философии Платона не обратил на это внимание. Только значительно позднее проявилась нам идея этого стихотворения. Но зато латинское «*Amicus Plato, sei magis amica vuntas ist*» сразу было разгадано кто здесь *Plato*.

Вообще же будущее показало, что ничего мы тогда в философии не понимали, а заучивали только учебник Страхова, и самую философию пришлось ставить «с головы на ноги».

Занятия А. Н. с нами оказались его «лебединой песнью». Когда мы после летних каникул вернулись в семинарию, то узнали печальную новость о смерти А. Н. Оказалось, что он стал жертвой рассеянности только не своей, а его прислуги: он был болен, а она ему дала вместо внутреннего наружное лекарство, отчего последовала смерть. У А. Н. была единственная дочь, которая училась в Швейцарии. Жалко было то, что не удалось даже проводить на кладбище нашего «философа». Приходится только сказать: «*Sit tibi terra levis, care magister noster!*»

6.IX.60. 10 ч. 18 м. вр. сверд.

Примечания:

1. Фалес Милетский, Анаксимен Милетский, Анаксимандр Милетский, Демокрит Абдерский, Гераклит Эфесский, Платон, Аристотель — древнегреческие философы.
2. В очерке «Александр Николаевич Юрьев» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. Н. сильно расстроился и говорил: «я знаю, кто это писал». Он не назвал нам имени автора, но знали, что автором заметки был преподаватель нашей же семинарии из молодых — Василий Яковлевич Струминский». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 50.
3. Неразборчиво, на греческом языке (*Ред.*).

А. Ф. в нашей семинарии был преподавателем «Истории и обличения раскола». Как с преподавателем этой дисциплины мы встречались с А. Ф. в пятом и шестом классах, но знакомство с ним у нас начиналось гораздо раньше, с первого ещё класса. Он был неизменным участником семинарских вечеров, на которых он выступал декламатором артистически. По этому поводу шла даже молва о том, что А. Ф. в студенческие годы состоял в какой-то любительской труппе драматических артистов. На самом деле у него была манера поведения и обращения, позволявшая верить в эту молву, если даже она и была бы пустопорожним измышлением. Во всём — в движениях, в речи, в интонации голоса — проглядывалась какая-то изысканная галантность, можно сказать сплошная галантность. И вот с таким впечатлением от А. Ф. мы встретились с ним на уроках «раскола». Слушали мы, как он рассказывал о «Кормчей», или видели его среди различных старообрядческих книг и думали: «Нет, не то! Лучше бы [Вы] нам, А. Ф., что-нибудь продекламировали!»

Так бросилось нам в глаза несоответствие прежнего впечатления с новым впечатлением. Сам А. Ф., видимо, чувствовал себя, как говорится, «не в своей тарелке».

А. Ф. было в это время уже лет сорок, если только не немного больше. Наружный вид его соответствовал человеку уже «пожившему»: «на голове во всю величину лысина, цвет лица сероватый, причём можно было предположить, что кожа лица в своё время испытала на себе немало косметических «эрзацев», но глаза и голос сохраняли молодость. Последнее особенно было заметно, когда он выступал с декламацией; он весь преображался, голос передавал самые тонкие оттенки мысли, и глаза блестели живостью и задором. Успех был всегда колоссальный: бесконечное «бис», восторг!

В коллективе учителей А. Ф. был каким-то промежуточным звеном: среди стариков он казался молодым, наоборот, среди моло-

дѣжи, которая влилась в преподавательскую среду в 1903–1904 [г]г., он казался уже, мягко выражаясь, «в годах». Но, как обнаружилось, сердце у него было юношеское. Среди семинаристов, вращавшихся в светском обществе, «на славе» была девица Меркурьева. Мы часто слышали: «Меркурьева, Меркурьева!» Кто она была, какого происхождения и т.д., не говорилось. Говорили как будто, что она была дочерью священника. Единогласно только говорилось, что она красавица и, следовательно, окружена поклонниками, как и полагается по закону природы. Загадочность Меркурьевой, однако, как пелена, спала: вернувшись с летних каникул, мы узнали, что на ней женился А. Ф. и, мало того, он сделался ещё помощником инспектора и поселился в стенах семинарии, значит, и Меркурьева, теперь Успенская, оказалась тоже под одной крышей с некоторыми поклонниками. И опять мы сказали: «Нет, не то!» Расстояние от 18–19 лет до 40–42 лет нам показалось всё-таки большим, но нам говорили: «простите, это же обычный способ жениться у французов!»

Во время богослужения А. Ф. как помощник инспектора стоял в церкви с семинаристами, а на площадке у церкви во время шестопсалмия (1) можно было видеть г-жу Успенскую, бывшую Меркурьеву, в окружении теноров и басов семинарского хора. И у нас опять возникал вопрос: «то ли получилось?» Впрочем, в скором времени А. Ф. перевёлся инспектором народных училищ в Ирбит, а дальнейшее покрыто мраком неизвестности.

7.IX.[1960] 6 ч. 10 м. вр. свердл.

Примечание:

1. Из очерка «Александр Федосеевич Успенский» из «свердловской коллекции: «У семинаристов-хористов было в обычае во время шестопсалмия за всюнощной спускаться с хор на площадку перед церковью, где во время «молитвы» происходили и встречи». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 13 об.

Павел Николаевич Серебрянников

(Страничка из воспоминаний —
светлой памяти моего врача и учителя)

П. Н. Серебрянников был врачом нашей семинарской больницы и одновременно преподавателем, а точнее сказать — лектором по общей гигиене в 5-м классе и по анатомии и медицине — в 6-м классе. Как это ни странно, а считалось, что будущим пастырям, служителям церкви, кроме наук богословских, необходимо или, по крайней мере, желательно иметь кое-какие сведения из указанных выше наук, на тот случай, что где-нибудь в глухом углу представился бы случай оказать, за неимением врача, скорую медицинскую помощь и быть, таким образом, не только духовным, но и телесным врачом. В настоящее время наивность и вред такого рода суждения очевидны, а в те времена считалось это совершенно естественным (1). «*O sancta simplicitas!*» — скажет теперь каждый из нас, а в те времена даже врачу, в данном случае П. Н., казалось это серьёзным делом, и с такой именно установкой он и читал нам свои лекции. Позднее, в 1914–1915 гг., я встречался с П. Н. опять-таки в Пермской дух. семинарии, но уже как сослуживец. Естественно, однако, что наиболее яркие воспоминания о П. Н. у меня остались от ученических времён; о них и будет дальше речь.

Нужно сказать, что мы мало что знали о прошлом П. Н. Знали, что он лет 30 тому назад, т.е. в [18]70-х годах учился тоже в Пермской дух. семинарии, потом кончил военно-медицинскую академию (так нам говорили). Когда он начал работать в семинарии — мы не знали. Сам П. Н. о своём прошлом нам никогда ничего не говорил. Только однажды, помнится, на уроке гигиены, рассказывая о значении воды для человека и его здоровья, он упомянул, как во время турецкой войны (2) ему приходилось видеть, какой исключительной культурой обставлены были водные бассейны у турок в тех провинциях, в которых ему пришлось побывать.

Среди нас, правда, были распространены слухи, только слухи, что в своё время, будучи семинаристом, П. Н. отличался жизнерадостностью, был любителем пения и гитаристом. Откуда шли эти слухи? Вероятно, от родителей семинаристов, которые (родители) когда-то учились вместе с ним. Мы видели П. Н. в возрасте уже за 50 лет, но, судя по тому, что он был и тогда жизнерадостным, бодрым, с «живинкой» в глазах, что всегда импонирует молодёжи, можно думать, что эти слухи о юном П. Н. правдоподобны. Может быть даже, что в этих чертах юного П. Н. угадывались, так сказать, типичные черты семинариста того времени, со всеми присущими ему атрибутами. Из прошлого П. Н. передавали также, что у него не в столь отдалённое от тех лет время было большое несчастье, которое он переживал очень тяжело, а именно — смерть его первой жены, которая была знаменитым врачом-окулистом. Образ её нам рисовали как образ самоотверженного человека, подвижника науки (3).

Из личной жизни П. Н. того времени мы знали только то, что он вторично был женат и что вторая его жена была по профессии швейёй или точнее — инструктором швейного дела. Об этом, пожалуй, можно было бы и не упоминать, однако в наших воспоминаниях это имеет большое субъективное значение. Дело в том, что когда мы тогда тайком (*sic!*) читали роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», то образы этого романа как-то невольно связывались с личностями П. Н. и его окружающих, т.е. его вторая жена представлялась нам в образе героини романа Чернышевского.

Больше всего воспоминаний о П. Н. сохранилось как о нашем учителе. Это вполне понятно. Среди всех схоластических наук его лекции уносили нас в совершенно другой мир, и притом кто из семинаристов тогда не мечтал сделаться врачом! В этом отношении П. Н. для нас был носителем черт и Базарова, и Лопухова (4) и пр., всего, на что способна была наша романтическая фантазия. Вот он идёт по коридору со схемами, наглядными пособиями под мышкой. Вот он читает лекцию с увлечением. Вот видится он в привычной позе, когда он, как говорится, дошёл до состояния экстаза: чуть

зажмурился, вытянул и приподнял правую руку со сжатыми в щепотку пальцами. Однажды явился на занятия со скелетом. Спрашивает: что это такое? Дружный шуточный ответ: «Смерть!» Вот так, шутка шуткой, а сколько он сагитировал на профессию врача!

Часто можно было видеть на дороге против входа в семинарию лошадку, запряжённую осенью и зимой в бричку, как у извозчиков; а зимой — в санки, с кучером в простом тулупе или армяке. Вот открывается дверь, и выходит солидный человек — осенью и весной в «крылатке», зимой в ротонде с эпоновым воротником. Подвода проходит небольшое расстояние и останавливается у семинарской больницы. Наше воображение уже рисует картину чего-то гоголевского, патриархального. Кто читал у Кони описание доктора Гааза, его выезды к своим пациентам, тот легко представит эту картину. Мы приготовились к осмотру П. Н. Но здесь, в больнице, мы были под непосредственным надзором Вениамина Ивановича Селиванова (нашего «Эскулапа»). Однако в более опасных случаях нам было известно, П. Н. безвыходно дежурил у больного. Нам было известно, что П. Н. всегда боролся с нашим начальством за улучшение питания для больных (за молоко).

Ходили слухи, что среди своих коллег-врачей П. Н. не пользовался репутацией опытного врача, хотя имел учёную степень доктора медицины. Правда ли это? Неизвестно. Известно только то, что сам П. Н. никогда не кичился своим врачебным мастерством. Скорее всего, эта версия возникла из-за того, что он работал ещё много в области создания историко-археологического музея (5). Он был действительно энтузиастом этого дела. Известна его роль в создании музея. Но он был также популяризатором работы по археологии Прикамья, к чему старался привлечь и семинаристов. Многие из нас были частыми посетителями музея, и это было результатом агитационной деятельности П. Н. Он старался также организовать культурную работу при музее. Так, известно, что по его инициативе одно время читал лекции по философии преподаватель семинарии А. Н. Юрьев. Известна также деятельность П. Н. в области пермских приютов.

Павел Николаевич Серебренников был деятелем широкого профиля. Он был не только врач, но и педагог, и культурный работник, просветитель в лучшем значении этого слова. Он иногда сам говорил о своей работе, что не для славы он трудится, а для общественной пользы. И это правда! Он всегда был скромн. Мне очень приятно восстановить в памяти светлый образ моего врача и учителя и тем самым восстановить его образ в памяти всех тех людей, которые соприкасались с ним при жизни и знали его. Хочется в заключение сказать: «*Sit tibi terra levis*, мой дорогой врач и учитель!» (6)

ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 728. Л. 1-5.

Примечания:

1. На полях текста И. С. Богословским поставлены три вопросительных знака карандашом.
2. Русско-турецкая война 1877–1879 гг.
3. Имеется в виду Серебренникова Евгения Павловна (1854–1897) — русская врач-офтальмолог, общественный деятель и благотворитель.
4. Базаров Евгений Васильевич — персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Лопухов Дмитрий — персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».
5. Пермский научно-промышленный музей на ул. Петропавловской, 38.
6. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор существенно переработал очерк о Павле Николаевиче Серебренникове, вероятно, не без влияния статей В. П. Бирюкова. Так, он включил в него следующие размышления: «Этот шаг П. Н. [поступление в медико-хирургическую

академию — *Ped.*], определявший в дальнейшем работу его по линии гражданской, а не по линии духовной, был не просто переменной профессиональной линией, а свидетельствовал об отрыве его и уходе психологически-нравственно из сословия, из которого он происходил. Это была активная переоценка им своей социальной позиции. Свидетельством этого являются неоднократные критические замечания П. Н. в адрес русского духовенства, которые он иногда — кстати и некстати — делал при чтении семинаристам лекций по гигиене и медицине. Так, подчёркивая во многих случаях многодетность духовенства, он относил его к сословным чертам духовенства и трактовал эту черту как признак низкого культурного уровня этого сословия, признак чисто растительной жизни его.

В 1909 г. я встретился с П. Н. на пароходе, направлявшемся в Казань. Когда я поделился с ним своим намерением поступить в духовную академию, он заметил: «лучше бы в университет». В этом замечании П. Н. нельзя было не прочесть его тезиса: если рвать с духовным миром, то рвать под корень, т.е. со своим сословным происхождением. Эту черту П. Н. необходимо учесть для понимания того противоречивого положения, в каком он был на работе в семинарии...». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 88–91.

Там же: «Школьные врачи обычно в учебных заведениях выполняли только узко врачебные функции и не участвовали непосредственно в учебном процессе наряду с учителями, являясь в этом отношении чужеродным телом. П. Н., в отличие от прочих школьных врачей, принимал непосредственное участие в учебном процессе: он читал лекции в пятом и шестом классах по гигиене и медицине. Особенно же значительной была его роль в воспитании семинаристов. Для авторитета его среди семинаристов имело большое значение то, что он сам кончил Пермскую семинарию около тридцати с лишним лет тому назад, был выразителем лучших черт семинариста прошлого и был свидетелем того, что семинария за всю свою историю не замыкалась в узкопрофессиональное учебное

заведение духовного ведомства с подготовкой только лиц духовного звания, а открыла многим своим питомцам широкую дорогу для работы на самых разнообразных поприщах гражданских ведомств». Там же. Л. 85–87.

Там же: «Как лектор по гигиене и медицине П. Н. находился в выгодном положении: среди богословских предметов, таких как гомилетика, литургика, догматическое богословие и пр., его предметы да ещё педагогика и дидактика были отдушиной, а самая форма преподавания им — лекции — были преддверием к обучению в высших учебных заведениях». Там же. Л. 105–106.

Там же: «Нельзя не отметить воспитательную сторону его лекций. Семинаристы были в таком возрасте, когда половой вопрос для них был актуальным. Они или сами его поднимали перед кем-либо из своих учителей и воспитателей, или кто-либо из последних по какому-либо поводу затрагивал перед ними этот вопрос. ... П. Н., конечно, не мог обойти этот вопрос, тем более что он знал, что среди его питомцев тайно передавался из рук в руки как «запрещённый плод» «Половой вопрос» Фогеля (Догеля?). Знал он и о том, что кое-кто из них читает и «Женщина и социализм» Бебеля. Он говорил о назначении половых отношений и о том, что люди, в отличие от животных, исказили назначение половых отношений как акт деторождения, и сделали половой инстинкт орудием наслаждений. Он предупреждал своих питомцев о том, что они никогда не должны смотреть на женщину как на предмет для наслаждения, а видеть друга, участника в создании семьи. Легко заметить, как высоко стоял П. Н. в глазах семинаристов по линии воспитания их в половом вопросе по сравнению с другими «воспитателями», которых нужно назвать «пошляками от богословия». [Автор, вероятно, имеет в виду А. П. Миролюбова и Т. П. Андриевского.] Там же. Л. 106–109. Там же: «Противоречивость [положения П. Н. в семинарии — *Ред.*] была и субъективной и объективной. Преподавание гигиены и медицины было введено из тех соображений, что будущему свя-

щеннику, работающему в глуши, придётся встречаться с такими случаями в жизни, когда необходимо будет советом и делом оказывать помощь по линии гигиены или медицины. Таким образом, П. Н. *volens-nolens* становился участником профессиональной подготовки людей того сословия, от которого он оттолкнулся. Это противоречие как-то разрешалось, или компоненты его как-то «сосуществовали» в психологии П. Н., и поэтому и названо мною условно субъективным. Объективно противоречивое положение П. Н. в семинарии состояло в том, что деятельность его в ней приводила к противоположным результатам по отношению к задаче, которая перед ней ставилась: задача состояла в подготовке служителей культа, а деятельность его приводила к тому, что под влиянием его лекций многие семинаристы, наоборот, отталкивались от этой задачи. Своими лекциями П. Н. объективно агитировал за то, чтобы питомцы его именно не шли в служители культа. Это противоречие условно и названо мной объективным. Здравствующий поныне профессор Пермского медицинского института, доктор медицины Б[огословский] И. С. признавался мне в том, что лекции П. Н. привели его к выбору для себя медицинской профессии. Есть основания полагать, что он в этом случае был не единичным, а типичным для многих выпускников Пермской дух. семинарии. Известный уральский краевед В. П. Бирюков в краткой заметке, помещённой в его «Записках уральского краеведа» (Южно-уральское книжное издательство, г. Челябинск... 1964 г.) замечает: «Семинарское начальство, главным образом ректор Добронравов, не особенно жаловали его, Павла Николаевича, за его вмешательство в общественную жизнь, за заступничество и защиту городской бедноты, за стремление просветить её, пробудить в ней чувство собственного достоинства». Но главным мотивом, по которому ректор Добронравов «не особенно жаловал» П. Н. было именно противоречивое положение и противоречивая деятельность его в семинарии. Семинария год за годом всё меньше и меньше выпускала кандидатов

во священники, в чём в известной доле был «повинен» и П. Н. Добро-
нравов, как передавали, в конечном счёте отстранён был от работы
в семинарии за это его «преступление». Там же. Л. 109–114.

Там же: «П. Н. принадлежал к той группе русской интеллигенции,
которая воспитана была на идеях русских революционеров-демо-
кратов и проводила эти идеи в жизнь. Но он отразил и в своём ми-
ровоззрении, и в своей деятельности те противоречия, которые
присущи были русской интеллигенции, а особенно выходцам из
духовного сословия. Главное противоречие состояло в расплывча-
тости и непоследовательности, расплывчатости взглядов, отсут-
ствии чёткого мировоззрения и политической платформы, что и
обнаружилось в революцию 1905 г. В семинарии был один случай,
когда эта именно черта непоследовательности в своих действиях
ярко обнаружилась у П. Н. Очевидно, по предписанию свыше учи-
теля в 1906 или 1907 г. на первой неделе Великого поста говели
вместе с семинаристами в семинарской церкви. Среди них не видно
было только влившихся в коллектив учителей молодёжи, а из ста-
риков выделялись В. А. Фаминский и П. Н. Странно было видеть
его в этой обстановке так же, как если бы И. С. Тургенев в своём
романе «Отцы и дети» изобразил бы Базарова на исповеди перед
смертью. А было так!» Там же. Л. 116–118.

Там же: «Ничто так не увековечивает память о человеке, как следо-
вание по его стопам. Известно, что семинаристы посещали музей,
созданный П. Н., и это не прошло для них бесследно. Можно указать
на многих из них, которые «заразились» через музей увлечением
изучать историю своего края. Можно в этом отношении указать
на целое семейство Богословских в Перми. С большим основанием
надо думать, что уральский краевед В. П. Бирюков получил путёвку
на свою профессию в этом же музее, продолжив дело Павла Нико-
лаевича Серебренникова». Там же. Л. 119–120.

Василий Яковлевич Струминский (I)

В 1903 г. в состав наших семинарских учителей влились молодые, только кончившие академию, личности, в числе которых были В. М. Можгинский, назначенный преподавателем латинского яз., А. А. Дроздов, назначенный преподавателем греческого яз., и В. Я. Струминский, назначенный преподавателем церковной истории и апологетики. Среди других В. Я. был моложе всех и, хотя носил небольшую бородку, выглядел, однако, наиболее молодым, почти юным. Внесли ли что-либо новое в нашу жизнь и учение новые преподаватели? Как будто мелочь, а для нас была большой новостью отличная от других учителей манера обращения их с нами. При вызове на ответ нас стали называть «господин Иванов», «господин Петров» и т.д. Среди суровой обстановки, в которой мы воспитывались, среди сугубо официальных отношений, которые считались нормой поведения и учителей и учеников, это новшество нам казалось прямо революцией, чуть ли не разрушением основ нашего правопорядка и подрывом дисциплины. И в самом деле, как это было далеко от укоренившихся у нас порядков, где всё основывалось на подавлении личности, на внушении страха и подчинения другому, стоящему над тобой.

Сам глава семинарии — ректор протоиерей Добронравов — являл собой образ олимпийского громовержца. Колоссального роста, массивной фигуры, с суровым выражением в лице и грубым голосом он наводил страх на нас, и не только на нас. Бывало, стоило ему только появиться в вечерние часы в коридоре, как кто-либо из нас предупреждал всех: «ребята, в коридоре ректор...», и жизнь замирала. Говорили, что даже наши сторожа, они же официанты, будучи вместе, как только замечали приближающуюся к ним фигуру ректора, разбегались, чтобы не попасть на глаза ему. Среди учителей столь же величественной фигурой и манерой держаться отличался В. А. Фаминский. И эта манера держаться даже возведена была в

идеал. Так, преподаватель А. И. Дергачёв, не обладая наружными данными для того, чтобы казаться олимпийским громовержцем (он был низкого роста), сам подводил себя под этот тип людей, предупреждая семинаристов, что он «второй Фаминский».

И вот в таких условиях нашего бытия мы оказались «господами». Если бы это случилось где-либо, скажем, в женской гимназии, то это, пожалуй, показалось чем-то обычным. Да это так и было в женской гимназии. Этому доказательством служит следующий случай на занятиях препод[авателя] А. Н. Юрьева. У нас он преподавал философию, психологию и логику, а в женской гимназии что-то вроде среднего между логикой и психологией. И вот он однажды по рассеянности, которую мы почему-то приписывали ему как необходимый атрибут его философского ума, вызвал к ответу вместо семинариста «госпожу Горячих», какую-то из его учениц-гимназисток. Нам при этом показалась странной рассеянность А. Н., но совершенно естественным название «госпожой». Но назвать семинариста господином, это было так ново для нас, что показалось каким-то откровением, сменой вех. Естественно, что между нами, семинаристами, и нашими новыми учителями устанавливались новые отношения, отличные от отношений к другим учителям, и особенно это касалось личности В. Я. Несмотря на свою юношескую неопытность и неумение понимать другого человека, мы скоро заметили в поведении В. Я. новую черту, резко отличающую его от других преподавателей. То мы видели в его руках, когда он перебирал вещи в своём портфеле, книги или брошюры отнюдь не с богословскими названиями; то мы видели его в магазине Ольги Петровской (2) роющимся в книгах, расположенных на полках; то мы, наконец, видели его углублённым в чтение в часы перемен и перерывов занятий. Что он читал? Ясно было: только не богословские книги. Что же?

Нам удалось понемногу разгадать эту его тайну. В то время много шуму вызвала книга шлиссельбуржца Н. А. Морозова «Откровение в огне и буре» (3). Н. А. Морозов был осуждён по делу покушения на Александра III на заключение в шлиссельбургской крепости

сроком на двадцать пять лет. Здесь он познакомился с «Апокалипсисом» (4), религиозной книгой, авторство которой приписывалось апостолу Иоанну Богослову. В этой книге, по толкованию христианских богословов, пророчески были изображены судьбы мира, которые открылись Иоанну в его видении на острове Патмос. Своей таинственностью это видение во многом напоминало описанное в Библии видение колесницы пророком Иезикиилем. Туманность описываемого видения в этой книге соединяется ещё с противоречивостью суждений. Вот почему даже опытные богословы [в] толковании священного писания в духовных семинариях и даже академиях не решались братья за изложение положений этой книги для своих учеников. И вот вдруг за это взялся заключённый в крепость учёный естествоиспытатель и астроном. Сенсация, вызванная появлением в свет этой книги, была подобна разрыву бомбы, брошенной на мирных людей в самую, казалось бы, мирную обстановку. Н. А. Морозов в своей книге доказывал, что та картина видения, которая описана в «Апокалипсисе», это была подлинная картина звёздного неба, сохранившаяся в книгах астрономической науки. Можно себе представить, какое это открытие могло произвести впечатление на богословов всего мира.

Так вот с содержанием этой книги нас и познакомил В. Я. Нужно было видеть его в этот момент! Он явно выступал в этом случае не на стороне богословия, что должно бы быть в соответствии с его преподаванием апологетики, а на стороне науки. Это было первым наиболее ярким впечатлением от своеобразного, нового для нас, направления мысли нашего учителя. Преподавая церковную историю древнего периода, В. Я., помнится, остановился на личности Юлиана Отступника и рекомендовал нам прочитать из трилогии Мережковского «Пётр I», «Воскресшие боги» (5). Среди книг, которые мы иногда видели в его руках, встречались имена авторов: Бебеля (6), Ренана (7), Штрауса (8), Делича (9). Тогда нам эти имена только туманно, со слов опять-таки В. Я., представлялись чем-то таким, что должно было бы быть скрыто от нас как недозволенное, а вот

В. Я. приоткрывал завесу запрещённого. Для нас становилось ясным, что мысль В. Я. работала в совершенно противоположном предпологаемому им предмету направлении. Окончательно эта наша мысль нашла своё подтверждение после следующего случая. У семинаристов была традиция после пасхальных каникул на первом занятии приветствовать своих учителей словами: «Христос воскрес!» С этим приветствием мы обратились и к В. Я., но на слова «Христос воскрес» последовал ответ: «Разве?» Этим словом было сказано всё.

Каким же оказался в нашем представлении В. Я.? Уже тогда нам было ясно, что В. Я. в это время переживал полную переоценку всего, чему его учили в семинарии и академии. Было ясно, что этот процесс проходил бурно, что он много читал и думал в этом направлении. Но какова же должна была быть трагедия человека, который был противником того, чему учил. Разве он не мог пойти по другому пути? Нам было известно, что он ещё преподавал какой-то предмет в женской гимназии Барбатенко. Разве не мог он совсем усомниться на этой работе? Для нас это осталось тайной. Через год (10) его перевели преподавателем «Раскола» (11) в Оренбургскую семинарию. В нашем сознании плохо совмещались эти два понятия: В. Я. Струминский и «Раскол». Было известно также, что там он женился на дочери ректора семинарии, только что овдовевшей и по каким-то гуманистическим побуждениям (для обеспечения её семьи). Это, пожалуй, соответствовало его характеру. Возникал у нас также такой вопрос: сам ли ушёл В. Я. из семинарии или «его ушли»? Второе предположение, вероятно, ближе к действительности, и вот почему: во-первых, трудно думать, чтобы об антирелигиозной деятельности В. Я. не знал инспектор семинарии А. П. Миролубов, и, во-вторых, несомненно, у него были недруги со стороны старого поколения учителей, тем более что одного из них — А. Н. Юрьева он однажды крепко критиковал в «Пермских ведомостях» за лекцию о греческих философах. Такова извечная проблема «отцов и детей». Но в нашей памяти В. Я. остался как поборник всего живого, передового, всего, что всегда импонирует молодёжи.

Какова была дальнейшая судьба В. Я. после Великой Окт. Соц. революции? В феврале 1955 года, просматривая «Учительскую газету», я совершенно случайно нашёл статью с заголовком: «Юбилей профессора В. Я. Струминского» (12). В ней говорилось о пятидесятилетней педагогической деятельности и семидесятипятилетию профессора В. Я. Струминского. Как видно из статьи, В. Я. Струминского чествовали как профессора педагогики Московской педагогической академии. Среди многих заслуг В. Я. указывалось, что под его руководством было осуществлено новое академическое издание сочинений Ушинского. Имя и отчество юбиляра в статье было отмечено инициалами В. Я., но я, прикинув даты, отмеченные юбилеем, со времени деятельности В. Я. в семинарии, был уверен, что юбиляром был наш бывший учитель.

Нахлынувшие на меня воспоминания о том далёком времени и в особенности о В. Я., чей образ ярко сохранился в моей памяти, побудили меня написать ему приветствие. Не зная его домашнего адреса, я адресовал на академию в надежде, что письмо будет доставлено адресату. В своём письме я указал, кто я, где встречался с ним и по какому случаю, оговорившись, что он, конечно, не мог меня помнить. Указал также, где я работал тогда, а именно: преподавателем латинского яз. в Свердловском медицинском институте. Ответа долго не было, и я думал, что, вероятно, моё письмо не дошло по назначению или, чему я меньше всего верил, что я ошибся в адресате, что это был В. Я. Струминский, а только его однофамилец. Но вот ответ наконец был получен: я не ошибся, это был мой семинарский учитель, о чём он, между прочим, писал: «Ваше письмо заставило меня перенестись в далёкие годы начала моей работы, начала сумбурного и тяжёлого, так как мы выходили из академии (я говорю о себе) без сколько-нибудь серьёзной педагогической подготовки, с обрывками нужных и ненужных знаний и с большой путаницей в голове. Иногда очень тяжёло вспоминать эти годы». И далее: «Пишете, что Вам 68-й год: как странно, что мне 75 лет! Как я, почти ничем не отличаясь по возрасту от семинаристов, мог учить

их чему-нибудь! По поводу Вашего сообщения о том, что Вы преподаёте латинский язык, я хочу сказать, что, по моим наблюдениям, как ни плохо нас учили в духовной семинарии, всё же единственно твёрдое, чему выучились и что сейчас даёт ощущение филологической грамотности, это знание основ латинской и греческой грамматики, чем сейчас не располагают даже высококвалифицированные люди, не понимающие происхождения огромного количества слов нашего языка». Васил[ий] Як[овлевич] в своё время окончил Московскую дух. академию, а я ему сообщил, что я окончил Казанскую дух. ак[адемию]. По этому поводу он пишет: «Наряду с недостатками академии имели и положительные качества, каждая свои. Но всё это уже стёрто временем и, вероятно, уже немного остаётся живых свидетелей того, что переживали в те годы студенты академий».

В. Я. пишет о чём-то «сумбурном» и «тяжёлом» в начале своей работы, жалуется на недостатки педагогической подготовки в академиях, о «нужном и ненужном» в академиях; пишет о недостатках обучения в дух. семинариях. Не подтверждает ли всё это правильность нашего семинарского прогноза о том, что он переживал тогда период переоценки своих, полученных в академии и семинарии, «духовных» ценностей? Перед нами он предстал тогда как своеобразный вольтерьянец, своеобразный «герой нашего времени» (13).

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора очерк «Василий Яковлевич Струминский» очень короткий.
2. Книжный магазин Ольги Платоновны Петровской на углу улиц Покровской (Ленина) и Сибирской.
3. Н. А. Морозов в книге «Откровение о грозе и буре» (1907) сделал предвзятую попытку датировать Апокалипсис на основе астрологической интерпретации его образов.
4. Последняя книга библейского Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова» с описанием катаклизмов и чудес, предшествующих Второму пришествию Иисуса Христа на землю.
5. Имеется в виду третий роман трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» — «Антихрист. Пётр и Алексей».
6. В своих сочинениях А. Бебель показывал, что церковь и государство в антагонистическом обществе выступают союзниками в эксплуатации народных масс, пропагандировал атеистические взгляды и рассматривал борьбу с религией как часть классовой борьбы пролетариата.
7. В «Истории первых веков христианства» Э. Ренан отрицал Божественное происхождение Иисуса Христа, Непорочное зачатие Пресвятой Богородицы, Воскресение и Вознесение Христа.
8. Д. Штраус развивал теорию образования мифов и находил, что большая часть представлений об Иисусе Христе имеет позднейшее происхождение, пытался выяснить, из каких греческих, еврейских и восточных элементов составились эти представления.
9. В книге «Вавилон и Библия» Ф. Делич утверждал, что многие ветхозаветные сочинения не Божественного происхождения, а заимствованы из древних вавилонских сказаний, в том числе тексты о Сотворении мира и Потопе из Книги Бытия.
10. Осенью 1907 года.
11. Имеется в виду предмет «История и обличение раскола».
12. Этот эпизод в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

13. К очерку «Василий Яковлевич Струминский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автором приложена вырезка из газеты «Известия» № 172 за 23 июля 1967 года, в которой от лица Министерства просвещения СССР, Министерства просвещения РСФСР, президиума Академии педагогических наук СССР извещается о кончине на 88-м году жизни крупного учёного, педагога, члена-корреспондента Академии педагогических наук, доктора педагогических наук, профессора Струминского Василия Яковлевича и выражаются глубокие соболезнования семье и друзьям покойного. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 69.

Николай Иванович Знамировский

Н. И. был сыном земского начальника г. Ирбита Пермской губернии. Это был редкий случай, чтобы чиновник такого ранга, каким был в своё время земский начальник, отдал своего сына по линии духовного образования (1). Не приходилось ни от кого слышать, в каком дух. училище учился Н. И. Судя же по тому, что ближе всего к Ирбиту было Камышловское дух. училище, можно предположить, что он учился в нём (2). Об учении Н. И. в Пермской дух. семинарии кратко мне говорил брат Алексей. Я сделал оговорку в слове «кратко» потому, что брат Алексей мог бесконечно рассказывать о своих товарищах, которые были певцами, а об Н. И. он сказал «кратко» потому, что он [не] был певцом.

По окончании семинарии Н. И. учился в Казанской духовной академии и кончил её со степенью кандидата богословских наук. Я видел Н. И. впервые, когда я учился ещё в семинарии, а Н. И. был студентом Казанской дух. академии (3). Помнится, были вечерние часы занятий, а по коридору второго этажа семинарии расхаживал высокий человек, брюнет, с пышной шевелюрой волос и бородой. Это был Н. И. Грешным делом я ещё подумал: как это так — студент, и с бородой! Это не мирилось с моим представлением о студенте, и я остановился только на том, что это, вероятно, какой-то уникам.

Через два года Н. И. был назначен в нашу семинарию преподавателем литургики и гомилетики, которые проходились в пятом классе. Странная судьба преследовала эти два предмета: они были на положении пятого колеса у телеги. Отношение к ним можно выразить такими словами: «Это нам ни к чему». В академии, например, существовал традиционный порядок, по которому на лекциях профессора Предтеченского по литургике присутствовало два дежурных студента. Профессор забирался на кафедру, читал лекцию по существу пустому пространству, а затем и лектор и аудитория мирно расходились (4). Н. И. больше внимания уделял гомилетике,

проповедническому искусству. Это было его стихией. Мы писали Н. И. проповеди, и он особенно подчёркивал нам, чтобы в них были «элейность и помазанность» (5).

Ареной проповеднической деятельности Н. И. была Стефановская часовня (6), которую он называл «училищем благочестия». Здесь по воскресеньям и др. праздникам в послеобеденные часы совершался молебен, а затем произносилась проповедь (7). Нужно было видеть Н. И. в момент произношения проповеди! (8) Он весь становился как-то подтянутым, стремительным, взгляд его был направлен вдаль, голос звучал властно, и весь вид его был величественным. В таком виде он мог бы позировать для такой картины, как «Иоанн Богослов на острове Патмос» (9). В таком виде рисуется нам картина пушкинского «Пророка», в особенности в исполнении Шаляпина, или «Иоанна Дамаскина» в том же исполнении. Будучи впоследствии уже инспектором семинарии, Н. И. здесь именно, как говорится, «отдыхал душой». Здесь же для семинаристов был своеобразный практикум проповедничества, причём Н. И. в данном случае, если можно так выразиться, был для них эталоном (10).

Инспектором семинарии Н. И. был назначен через год вместо А. П. Миролюбова. Мы, семинаристы, размышляя о судьбе нашей *alma mater*, грешным делом сомневались в целесообразности такого назначения, зная очень мягкий характер Н. И. и «жёсткий» характер нашей братии, думали: развалит он дисциплину! Однако подпоркой Н. И. были его помощники, в числе которых далеко не мягким был Н. И. Колосов. На нашей памяти Н. И. был третьим и последним инспектором семинарии. И какая же получилась пестрота стилей их инспекторского руководства! Пользуясь литературными аналогиями и при помощи драматического изображения, кратко эти стили можно было бы представить в следующем виде. В качестве объекта для характеристики стилей возьмём семинариста, замеченного в пьяном виде (случай исключительный).

Павел Семёнович Потоцкий. Стиль грубо-администраторский. Грубым голосом, с головой, поднятой кверху: «Что? Опять нализался!

Ещё раз замечу — выгоню!» И не выгонит («Собакевич»).

Александр Павлович Миролубов. Стиль тонко-иезуитский. Спокойным, но с иронией, жалищим голосом, с глазами, опущенными долу: «Ну, что же Вы так? Опять, говорите, дьявол попутал? Нехорошо! Нехорошо!» И уволит. («Шуйский»).

Николай Иванович Знамировский. Стиль уговаривающий, почти умоляющий. Рука на плече обвиняемого или в обхват талии. «Ну, что тебя угораздило? Ну ладно! Только больше не делай!» («Царь Фёдор Иоаннович»).

Если вдуматься глубже, то это были не только три стиля инспектирования, но это были и три эпохи в жизни семинарии. Так бытие определяло сознание (11). Будучи инспектором семинарии, Н. И. выступал с проповедями в соборе в своём стиле. Он мог бы быть Савонаролой, если бы не его мягкость, благодушие.

Мы видели Н. И. и в качестве участника в богослужениях. Коронным выступлением его на этом поприще было чтение «Слова Иоанна Златоуста» во время пасхальной обедни (12). Бывают такие случаи, что исполнение того или иного произведения достигает до предельного совершенства, например, исполнение Ф. И. Шалапиным «Персидской песни» Рубинштейна, или исполнение В. И. Качаловым «Тройки» из «Мёртвых душ». Такое исполнение называется шедевром мастерства. Подобного рода шедевром являлось чтение Н. И. «Слова» (13). Чтение начиналось в спокойном величественном тоне: «Аще кто благочестив и боголюбив...», нарастало до слов «пира веры» и, наконец, достигало до апогея: «где ти, смерти, жало» и т.д. Чёткость и выразительность доведены были до предельной точки, эмоциональность до предела, близкого к состоянию экстаза.

Да простят меня верующие и Н. И. за то, что я решаюсь на, может быть, слишком рискованное сравнение, но я не нахожу другого способа выражения своей мысли, как сказать, что Н. И. в этот момент подобен был В. И. Качалову, как бы тот выступал на церковном амвоне. Это состояние восторга и экстаза, как сам говорил Н. И., связано было у него с душевным переломом, пережитым им в юношестве.

Он вспоминал о том, как в его душе когда-то появился червь сомнения и неверия и как в пасхальную именно утреню, а потом и обедню он пережил яркий момент религиозного экстаза, навсегда утвердившего его в вере. Кончилось богослужение в семинарской церкви, а Н. И. стремительно отправляется на подворье Белогорского монастыря (14), где богослужение идёт более длительно: ему хочется ещё и ещё раз пережить «пир веры». Н. И. летом одного года ездил с семинаристами в Палестину и вернулся оттуда крестоносцем Гроба Господня (15), (16).

Н. И. жил со своей мамой, отец у него уже умер. Поскольку нам удавалось наблюдать, у него было очень почтительное отношение к матери. У мамыши его был грубоватый мужской голос, и она называла его по имени и отчеству — Николай Иванович. Н. И. был холост, и поэтому ходили разные толки и кривотолки для объяснения этого явления. Так, одни толковали, что это мама не даёт ему жениться; другие говорили, что у него есть склонность к монашеской жизни, но он не решается на постриг, потому что не согласен с той частью процедуры пострижения в монахи, где предлагается отречься от родителей. Высказывали и такое предположение, что Н. И. примет священный сан, когда это разрешается без вступления в брак, т.е. в возрасте 50 лет. Так на самом деле и получилось: он принял епископский сан уже в пожилом возрасте.

Частым посетителем Н. И. был преподаватель епархиального училища К. П. Пономарёв, с которым они учились вместе в академии. Это свидетельствует о том, что у него было развито чувство товарищества и дружбы. В отношениях с сослуживцами Н. И. был очень общительный и внимательный, ничем не выделялся среди других. Даже на вечерах он держался очень просто, «компанейски», вплоть до того, что участвовал в играх (*sic!*), Семинаристам казалось немного странным видеть Н. И. среди играющих, когда он бегал по кругу и ловил «мышку», но барышни его охотно принимали на эту игру (*sic!*) (17). По отношению к семинаристам Н. И. старался всё-таки держать «твёрдую руку», но по природе он был мягок. В заслугу

Н. И. нужно поставить то, что он старался около себя создать актив дисциплинированных семинаристов, через который можно было влиять на других, но не всегда это удавалось, потому что во время войны в семинарии были явно ненормальные условия учения, когда пришлось тесниться на одной третьей части учебного здания.

Во время войны Н. И. возглавлял семинаристов при расквартировании раненых по прибытии их в Пермь. Лишь только раздавалась сирена, возвещающая о прибытии поезда с ранеными, Н. И. моментально собирал бригаду семинаристов и выезжал на вокзал. В семинарии на верхнем этаже помещался лазарет, а на среднем этаже — казарма мобилизованных, готовящихся к отправке на фронт. Н. И. организовывал семинаристов на культурное обслуживание тех и других. Воспитательные задачи от этого значительно усложнялись, но Н. И. старался держаться на высоте этих задач (18). В семинарии выделилась группа добровольцев отправиться на войну. Проводы были обставлены большой торжественностью. За обедней патриоты перед пением Евангелия подошли к амвону, и Евангелие диакон читал, возложив его на голову их. Эта картина напомнила историческую картину, как Сергей Радонежский благословлял на ратный бой с татарами на Куликовом поле Дмитрия Донского (19). Так перекликались события современности с глубокой стариной. В этом видна была направляющая рука Н. И. Проводы вылеченных в лазарете на фронт обставлены были [с] особой торжественностью: на них надевались крестики, на лестнице при выходе их хор семинаристов пел патриотические песни. Душой всех этих мероприятий был Н. И. (20), (21).

...В июне 1923 года проездом из Белоруссии в Шадринск на станции Богданович мельком я видел Н. И. уже в сане шадринского архиерея. Он «проезжал», а точнее сказать, его «проезжали» из Шадринска в Свердловск (22). Он был окружён «проводящими» (23). Зимой, направляясь в город на базар, я проходил мимо домзака и у спуска в город, на углу ул. Малышева, я видел Н. И. с метёлкой под мышкой, с руками, вдёрнутыми в рукава (24). Это была моя последняя

встреча с Н. И. Передавали, что в Шадринске он пользовался такой популярностью, что за ним, когда он шествовал, всегда следовала толпа его поклонников. Дальнейшая история Н. И. «покрыта мраком неизвестности».

5.IX.[1960] 16 ч. 06 м. свердл. вр.

Примечания:

1. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Может быть, именно поэтому у него появилась такая тяга к служению на духовном поприще, которое являлось для него, так сказать, «неизведанной целиной». У выходцев из духовного сословия в это время уже была заметна тенденция покидать его: переходить на работу учителями, врачами и разными чиновниками». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 161 об.–162.
2. Н. И. Знамировский окончил Пермское духовное училище.
3. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Дело было в августе 1906 г., когда он, очевидно, проезжал в Казань и зашёл в семинарию». Там же. Л. 153.
4. Из «Очерков В. А. Игнатъева по истории Казанской духовной академии»: «Предтеченский читал лекции по «Литургике». В его задачу входило представить в историческом аспекте организацию и развитие ритуальных священнодействий, а главным образом литургии, откуда и название науки «Литургика». Роковым для этой науки ещё с момента изучения её

в семинарии является её непринятие, чисто психологическое не-признание необходимости изучения её. «Ни к чему» — так определялось отношение к ней и в семинарии, и в академии. И в самом деле? Кому нужна эта наука в жизни? Только тем, кто собирался принять священный сан, а таковых было очень мало: один-два из тридцати. На опыте изучения именно этой науки можно было наблюдать в классической, так сказать, форме систему организации и посещения лекций. Посещение лекций было свободным. В этом было спасение студентов от мучительного присутствия на таких лекциях, где их заведомо ожидала тоска. В таком положении именно находилась «литургика». Считалось, что двое присутствующих на лекции студентов являются достаточными для кворума, чтобы состоялась лекция. Так и было: два «учинённых» брата, называемые «присяжными» символизируют присутствие тридцати студентов. На их обязанность является записать содержание лекции приблизительно к стенографической точности, обработать, дать профессору на просмотр и, таким образом, подготовить материал для подготовки к экзамену. Расчёт за знания только на экзаменах: ходил ты на лекции или не ходил — твоё дело, ответил отлично — получай «пять». При такой системе аудитории по разным дисциплинам наполнялись по-разному: двадцать, пятнадцать, десять и т.д. человек. На «систематической философии» — все тридцать: с Несмеловым шутки плохи, ну, а на «литургике» — два «учинённых»: об этом существовала «немая» договорённость сторон. Доцент Предтеченский, маленький, тщедушный человек, по звонку поднимался на кафедру, не глядя на студентов (он знал, что их двое), читал по тетради до звонка, а после звонка поднимался со стула, сходил с кафедры и, не глядя на студентов (он знал, что их двое и не могут от него скрыться), покидал аудиторию. Это и есть классическое проявление принятой системы, вернее — классическая изнанка её, доведённая *ad absurdum*. Но зато принцип — *libertas in principio*. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 51–52 об.

В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополнительно разъясняет свою точку зрения к данному явлению: «С точки зрения назначения духовной семинарии — готовить священнослужителей — оба эти предмета имели большое значение, чем другие богословские предметы, потому что они относились к практике будущей профессии подготавливаемых к священству, так сказать, ближе были к жизни. Но с точки зрения психологии, умонастроения семинаристов пятого класса, преобладающей массы их, они были ненужными, и в их сознании преломлялись в виде какого-то ненужного рудиментарного отростка. Из тридцати человек состава класса только два-три подавали ещё надежды на то, что они встанут потом на стезю священнослужителей, а прочие просто «отбывали» богословские классы с тем, чтобы потом «податься» куда-либо в высшее учебное заведение, хотя бы и духовное. ...Из этого ясно, что Н. И. имел явно не подходящую массу учеников для восприятия его наук, а точнее сказать — неподходящую массу, потому что в большинстве его ученики прямо тяготились изучением его предметов».

ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 153 об.–154.

5. Так в тексте. Правильно — «елейность», от слова елей — церковнославянское название оливкового, а позже — любого растительного масла в православном церковном обиходе: в частности, елеем осуществляется помазание принимающих крещение, участников полиелейного богослужения для укрепления веры на всенощном бдении. Отсюда «елейность и помазанность» означает — так составлять проповеди, чтобы люди чувствовали в душе укрепление веры.
6. Часовня святителя Стефана Великопермского в г. Перми.
7. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Надо было наблюдать самое шествие в Стефановскую часовню. Вот он, восторженный и предвкушающий выступление, идёт в окружении трёх-четырёх семинаристов. Он возбуждён. Он весь — порыв. Так изображён Пётр I

- на известной картине художника в стремительном шествии на стройку Петербурга». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 155 об.–156. Автор имеет в виду картину В. А. Серова «Пётр I» (1907).
8. Там же: «Вот он надел стихарь и величественный, вдохновенный вышел на проповедь. Он не был способен произносить обличительные речи, как Савонарола. Он был лирик, у него была «очарованная душа», и её именно он вкладывал в свои проповеди. Он сам рассказывал семинаристам, как у него появилась эта «очарованная душа». Он говорил, что он когда-то шёл по стезе Ивана Карамазова, что и его мучил дух неверия, сомнения, но вот однажды на Пасхе за богослужением его озарило, его «посетил» Дух Божий, он впал в состояние экстаза, как было с Иоанном Богословом при Апокалипсисе, и с той поры душа его стала «очарованной». Там же. Л. 156–156 об.
 9. Имеется в виду картина «Святой Иоанн на Патмосе» нидерландского художника Иеронима Босха.
 10. См. «Проповеднические поездки пермских семинаристов». // ПЕВ. 1910. № 5 (11 февраля) (неофиц.). С. 106–107; «Проповеднические поездки воспитанников Пермской духовной семинарии». // ПЕВ. 1913. № 31–32 (1–11 ноября) (неофиц.) С. 779; «Епархиальная хроника. Проповедническая поездка воспитанников семинарии». // ПЕВ. 1915. № 7 (1 марта) (неофиц.) С. 206–207; «Епархиальная хроника. Благодарность юным проповедникам». // ПЕВ. 1915. № 13 (1 мая) (неофиц.) С. 415–416.
 11. В очерке «Николай Иванович Знамировский» из «свердловской лекции» автор изобразил этот эпизод иначе: «Когда мы старались сопоставить характеры предшественников Н. И. на этой работе с его характером, то это сопоставление выливалось в такие образы: у Потоцкого стиль работы был грубый — в качестве эмблемы его можно было бы изобразить волка; у Миролюбова — хитрый, и в качестве эмблемы его можно было бы изобразить лисицу, а Н. И. нам представлялся в этом случае только агнцем. Отсюда и шли наши сомнения. ... Кто-то внимал этому, а кто-то только улыбался в душе на подобное замечание. Он знал об этом, но упорно продолжал свою

тактику отношений со своими опекаемыми». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 157 об.–158.

12. Имеется в виду «Слово огласительное во святыи и светоносный день преславного и спасительного Христа Бога нашего Воскресения» — огласительное слово святителя Иоанна Златоуста, которое читается на пасхальной литургии после того, как верующие целуют друг друга, делясь своей радостью в честь празднования Воскресения Иисуса Христа.
13. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...ни в чём так ярко у Н. И. не проявлялась его «очарованная душа», как в чтении им за пасхальной обедней известного «Слова» Иоанна Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив... да насладится сего пира веры»... Никто, кроме него, не мог прочесть это «Слово» так горячо, вдохновенно, можно сказать, страстно. На амвоне как бы был сам Иоанн Златоуст, величественный и вдохновенный... Голос Н. И. звучал мощно, дикция и выразительность были доведены до полного совершенства. Так только читал В. И. Качалов известную «Тройку» из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя. Мы сами наблюдали за восторженным состоянием Н. И. за пасхальным богослужением; он как бы вновь переживал тот первоначальный экстаз, о котором он рассказывал нам». Там же. Л. 156–157.
14. Подворье Белогорского Николаевского мужского монастыря в г. Перми с домовою церковью Иоанна Златоуста находилось на углу ул. Петропавловской и Далматовской (Попова).
15. См. «Паломническая экскурсия воспитанников духовной семинарии». // ПЕВ. 1910. № 31 (1 ноября) (отд. неофиц.). С. 850–851.
16. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Когда-то было организовано шествие из Перми в монастырь на Белую гору, паломничество, для участия в котором Н. И. и организовал членов его проповеднического кружка». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 159 об.

17. Там же автор добавляет: «Он упорно создавал вокруг себя актив и, таким образом, поднял среди семинаристов свой авторитет. Он считал, что этого можно добиться только путём общения с массами, а не путём отчуждения от них, как некоторые думали. Иногда это у него получалось курьёзно. Так, однажды на вечере епархиалки затащили его в игру в «кошки и мышки», и бородач крутился в плену молодёжи. Смешно? Да, это смешно, но во сколько раз это лучше проповеди женоненавистничества, которую культивировал, например, А. П. Миролубов». Там же. Л. 158 об.
18. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Теперь у Николая Ивановича заботы прибавилось: на третьем этаже в лазарете появился «горючий материал» — сёстры, няни. Война войной, но жизнь всегда жизнь, а у семинаристов сердца не каменные. Заметно стало, например, что Мутин, оформившийся вполне юноша, стал часто навещать «раненых», а потом поступили определённые признаки того, что дьявол начал его «мутить», «искушать», и Николай Иванович по своей обычной манере уговаривать: «Ладно, парень, так и быть, поведение тебе не сбавлю, а ты смотри — не делай...» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 115–115 об. Возможно, Мутин Сергей — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1915 г.
19. На эту тему имеется множество картин различных живописцев.
20. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Быть среди своих опекаемых было его девизом, и это обеспечило ему авторитет и уважение со стороны их». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 160.
21. Там же: «У автора сего были две последние встречи с Н. И., очень печальными. Это, собственно, были и не встречи, а только взгляд издали...» Там же. Л. 162.
22. Там же: «...в вагон для отправления в Екатеринбург в домзак...». Там же. Л. 162.

23. Имеется в виду арест протоиерея Николая Знамировского в г. Шадринске по делу епископа Льва (Черепанова), когда он был переведён в Москву, но вскоре освобождён по амнистии.
24. В очерке «Николай Иванович Знамировский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «...спустя примерно года полтора или год, когда при прохождении в город мне удалось видеть его неподалёку от домзака на снегоуборке: стоял он с метёлкой и согревал руки». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 162.

Т. П. Андриевский появился в Пермской духовной семинарии осенью 1907 года (1): он был назначен в семинарию преподавателем педагогики и дидактики и заведующим и учителем так называемой образцовой школы при семинарии. В отличие от других преподавателей, которые были светскими, он был священником (2). Жил он в главном семинарском корпусе внизу, рядом с квартирой инспектора. Как преподаватель он соприкасался с семинаристами в так называемых богословских классах: в пятом, где проходила педагогика, и шестом, где семинаристы изучали дидактику и проходили школьную педагогическую практику в образцовой школе (3).

Среди богословских предметов педагогика и дидактика, да ещё гигиена и медицина являлись в пятом и шестом классах семинарии своего рода отдушиной и были в этом отношении в выгодном положении. Однако Т. П. не сумел заинтересовать семинаристов курсом педагогики, и занятия по этому предмету проходили вяло, неинтересно; можно сказать, не оставили никакого следа в душе изучавших этот предмет. Больше заинтересовать своих учеников Т. П. сумел на уроках дидактики. Особенно много внимания по этому предмету он уделил новому в те времена методу обучения слиянию слогов. Он сумел вскрыть творческий момент педагогического процесса в этом случае и показать на нём искусство обучения. Семинаристы были этим увлечены и старались постичь тайну этого искусства на опыте. Опытные уроки подвергались тщательному разбору на собрании всего класса, со всесторонней и активной критикой, что оживляло занятия.

Т. П. соприкасался со своими учениками в критический момент их зрелой юности, на пороге перехода к самостоятельной жизни, и как преподаватель педагогики, так сказать, обречён был на советы своим ученикам по вопросам воспитания и самовоспитания, иногда по их вызову, причём вопросы были иногда интимного характера.

Нужно сказать, что при существовавшем в семинарии стиле отношений между преподавателями и учениками, когда нормой считалось отчуждение, неприступность, Т. П. в отличие от других преподавателей старался держаться ближе к ученикам, чему, очевидно, содействовало и то, что он жил в здании семинарии. Он иногда приходил в класс в вечерние часы, известные под названием «занятных». Однажды ему семинаристы поставили, можно сказать, лобовой вопрос: как выбрать невесту?

Постановка такого вопроса сама по себе уже свидетельствовала о том, что между учениками и Т. П. установились отношения доверчивости настолько, что они осмелились задать ему интимный вопрос, который бы они не решились задать кому-либо другому. Ответ последовал странный и, пожалуй, уронил Т. П. в глазах его учеников. Уж слишком много Т. П. в своём ответе уделял внимания физиологическим качествам воображаемой невесты: и нужно, чтобы у ней зубы были хорошие и торс свидетельствовал о том, что она может быть хорошей кормилицей. Грубо получилось, как с покупкой лошади по зубам, а ведь сказано это было юношам в самый романтический период их жизни. Особенно предупреждал Т. П. своих питомцев о том, чтобы они не женились на вдовах. «Вдова никогда не забудет своего первого мужа», — говорил он. Т. П. призывал своих питомцев к сохранению нравственной чистоты и девственности, однако он делал в этом случае больше ударение опять-таки на физиологической стороне, чем на внутренней, моральной. Падение человека он понимал главным образом как физиологический процесс, причём считал его (падение) необратимым, в корне изменявшим природу человека. Он находил возможным и допустимым для себя рисовать для своих слушателей картину высшего сексуального состояния, полового влечения, что было для последних странным и шокировало их. В душе у слушателей от этого оставался неприятный осадок чего-то недопустимого в отношении к ним, унижающего его в их глазах, и возникал досадный вопрос: зачем он это делает?

Рассказывал своим питомцам Т. П. кое-что и из своего прошлого (4), причём затрагивал иногда и кое-что такое, что относилось к интимной стороне его жизни. Так, он рассказывал, что, будучи студентом Казанской дух. академии, он одно время опустил до состояния «блудного сына» и довёл свой организм до полного расстройствa, но потом колоссальным напряжением воли восстановил свои силы, их равновесие, применив над собой некий эксперимент, им самим изобретённый. Этот эксперимент он описывал так: в течение некоторого времени он последовательно убавлял дозы принимаемой пищи до известного предела, а потом так же последовательно увеличивал их до существовавшего прежде предела. В результате этого, утверждал он, ему и удалось, так сказать, настроить свой организм, причём выздоровление распространялось и на его нравственную природу. Одним словом, из его речи вытекало, что через этот эксперимент, т.е. тренирование своего желудка, он освободился от состояния «блудного сына» и возвратился в «лоно отче». Этот свой ответ он считал некой панацеей вообще от болезней — и физических, и духовных — и рекомендовал его и своим слушателям, однако последние не «уверовали» в него (опыт) и из рассказа Т. П. об этом вынесли только одно впечатление, что он (Т. П.) человек какого-то особенного душевного склада, человек с мятежным умом типа Ивана Карамазова, образ которого так ярко рисовал им (семинаристам) в своих беседах инспектор Александр Павлович Миролюбов, ярый поклонник Ф. М. Достоевского.

В 1905–1906 годах Т. П. был в Казани. Он рассказывал семинаристам о том, как в 1905 году он был участником демонстрации в Казани, будучи уже священником. Демонстранты под напором полиции вынуждены были скрываться в здании городской думы, около кремля. В конце концов, как он рассказывал, осаждённые решили послать из своей среды парламентёров для переговоров, в числе которых оказался и он. Как он сам об этом рассказывал, при его появлении в числе парламентёров «все ахнули», видя его в священном сане. Т. П. об этом рассказывал как о некотором эпизоде в его жизни,

не придавая своему рассказу никакой окраски, никакой оценки, так что нельзя было судить в этом случае об его отношении к революционным событиям того времени, но зато его отрицательное отношение к революции проявилось на другом поле его деятельности, вне семинарии, в его проповеднической деятельности в одном из пригородов Перми, известном под названием «Данилихи» (?).

В 1907–1909 годах в Пермской дух. семинарии было два кружка проповедников «слова божьего». В центре одного из них стоял Николай Иванович Знамировский, бывший сначала (1907–1908 гг.) преподавателем гомилетики и литургики, а затем инспектором семинарии. Деятельность этого кружка была сосредоточена при Стефановской часовне и несла проповеднический характер. Стефановскую часовню члены этого кружка называли «училищем благочестия». Кружок во главе с Т. П. имел явно сакральный уклон, т.к. в нём помимо проповедничества главным образом культивировалась обрядовая сторона религии: богослужения (всенощное бдение), частые молебны с акафистами, общие покаяния и другие формы религиозного ритуала. Организация и деятельность этого кружка были направлены против революции. Т. П. сам так определял задачи этого кружка: теперь, т.е. в период реакции, говорил он: «Больше можно сделать кадилом (5), чем каким-либо другим способом». Это и было девизом кружка. Это образное выражение Т. П. имело тот простой смысл, что нужно отвлечь народ от революционной вспышки, втянуть его в выполнение религиозных обрядов, в выполнение различных видов религиозного ритуала.

Осталось неизвестным, каким образом установилась связь Т. П. с населением указанной выше окраины Перми, но только эта связь сразу приняла активный характер. Прежде всего, Т. П. организовал население этой местности на строительство часовни, вернее молитвенного дома (6). Сам он рассказывал, что стройка была организована по кавказскому образу: сделан был бревенчатый остов здания, а стены зарешечены [...] и обмазаны глиной с примесью отходов от выделки кож. Получилось здание типа костёла или кирхи,

только без колокольни, настолько внушительного вида, что при подъезде к Перми со стороны Кунгура и до сих пор его отчётливо видно среди прочих строений. Стройка этого здания — молитвенного дома — была первым средством, цементирующим организованную общину, что само собой понятно, потому что ничто так не объединяет людей, как совместный труд, деятельность их. На основе созданного таким образом объединения Т. П. и развернул здесь свою деятельность, приобщив к ней кое-кого из семинаристов.

Около семинарии часто можно было видеть одну или две подводы деревенского типа, которые увозили Т. П. с тремя-четырьмя семинаристами на окраину Перми. Вечером эта комиссия уезжала на совершение всенощного бдения, а утром — на совершение молебнов с акафистами, после чего Т. П. со своей братией посещал дома жителей общины, разбирал семейные неурядицы, мирил, бичевал пьяниц и прочих грешников. Таким образом, в этом случае Т. П. предстал перед своими питомцами как пастырь добрый, которого они знают как доброго пастыря. Следует при этом отметить, что на этой своей деятельности Т. П. проявил себя и, можно сказать, афишировал себя как власть имущего над душами своих словесных овец, а именно — не без некоторой гордости он рассказывал семинаристам, как он «запрещал» злему духу, например, у кликуш в моменты припадков. Он рассказывал, что его приглашали к таким больным, и он своим властным словом, магически приводил в сознание бьющихся в припадке женщин. По высказываниям Т. П. выходило, что сам он, произведя в академии эксперимент с перерождением себя, укрепил свою волю настолько, что приобрёл власть над душами других людей (7), (8).

Т. П. был женат на дочери казанского священника или протоиерея. У жены его была сестра, которая училась на высших казанских женских курсах (9). Люди, знакомые с ней и знавшие бытовой уклад семьи, говорили, что семья была очень общительной: в доме у них часто бывали гости, молодёжь, вечная поборница веселья и жизнерадостного настроения. В совершенно противоположных условиях,

по всем признакам, находилась жена Т. П. Жили они в здании семинарии, но никто у них никогда не бывал и никогда не видно было хозяйки дома. Двое детей Т. П. иногда гуляли во дворе семинарии под наблюдением Т. П., причём, как видно, находились под особым режимом отца. Был случай, что один из семинаристов заметил, что мальчик трёх-четырёх лет заплакал, а он (семинарист) сделал попытку утешить его, но Т. П. сразу отстранил «болельщика», сказав: «не надо этого делать». Общее впечатление при доступных в какой-то степени наблюдениях над жизнью семьи было таково, что она находилась в каком-то замкнутом кругу, где господствовала воля одного человека, замкнувшего этот круг. Одна из комнат квартиры была проходной, она собственно и не входила уже в площадь квартиры, а служила проходом из коридора в скверик, где была звонница. Сюда иногда приходили к Т. П. семинаристы-певцы петь «канты», некие духовные стихи, положенные на ноты и изданные литографированным способом, как передавали, при пермском епископе Петре. Они их пели, а Т. П. подтягивал и умилялся, а дверь «алькова», т.е. квартира, была наглухо закрыта и за ней была гробовая тишина.

В таком виде предстал перед своими учениками Т. П. в те отдалённые времена — в годы реакции 1907–1909 гг. Тихон Петрович влился в коллектив учителей семинарии, когда он (коллектив) пережил существенные изменения. Из старой гвардии учителей ушёл лидер её — преподаватель философии, «Философ» по привычному краткому названию, данному ему семинаристами, — Александр Николаевич Юрьев. ... В состав педагогического коллектива влились новые силы, которые принесли с собой новые веяния: семинаристов при вызове к ответу стали называть господин такой-то. ... Заметно казался уже усталым в борьбе за религиозное воспитание семинаристов инспектор Александр Павлович Миролубов, поклонник Ф. М. Достоевского, о котором он раньше готов был говорить семинаристам без конца. «Укатали сивку крутые горки», и весной 1908 года он ушёл в инспектора народных училищ, на прощание сказавши своим питомцам: «Семинария — это не столько воспитательное,

сколько питательное учреждение». Что это выражение типа афоризма означало в устах А. П., как не признание своего полного поражения — полного фиаско (10).

Выпавшее из его рук знамя борьбы за воспитание семинаристов подхватил Н. И. Знамировский, идеалом которого был о. Иоанн Кронштадтский. В этом ансамбле двух поколений семинарских учителей, очень не слаженном, который только с большими ограничениям, так сказать, только по традиции можно назвать ансамблем, Т. П. занял правое крыло, сугубо ортодоксальное. Между тем революция не прошла бесследно и для церкви. ... Много шуму надделало в те годы снятие священного сана известным в то время Григорием Спиридоновичем Петровым, который выступил после этого в роли писателя, разъезжал по России с лекциями и завоевал такую популярность, что даже Л. Н. Толстой отмечал его в числе выдающихся людей того времени. Поступок священника Петрова был настоящим «соблазном» для «многих в Израиле»: им увлекались, им гордились (11), но Т. П. избрал противоположный путь: путь, образно выражаясь, «древлего благочестия» по настроению, по духу, хотя и не по принадлежности к сторонникам старообрядчества как официального религиозного течения. Был ли он искренним в избранном им пути; не преследовал ли он какие-либо цели корыстного или карьеристского характера; не был ли он под давлением какого-либо стороннего фактора? Нет! Он был искренним в своём религиозном порыве: он искренне боролся за веру, когда кругом всё бурлило и колебало церковные устои.

В Казанской дух. академии, в комнате, отведённой студентам для приёма гостей, все стены были увешаны фотографиями выпускников академии. Это был своеобразный пантеон академии. На одной из карточек можно было видеть Т. П. Да, вид у него был очень неважный: вид сильно потрёпанного молодого человека. Вид его чем-то напоминал изображение на картинках Карла XII в момент Полтавской битвы, как он описан у А. С. Пушкина: «в качалке бледен, неподвижим». Общипанный гусь! В чём же было падение тогда

Т. П., то, что он в своих рассказах семинаристам изображал как уход «в сторону далече»? Среди студентов академии были, конечно, слушатели Бахуса; были и посетители «песков» с разнообразным выбором красавиц; были «германы» — картёжники, но это были незаметные единицы. Мог ли среди них оказаться Т. П.? Мог! Но не это определяло физиономию академии. Как семинарии, так ещё в большей степени академии были в то время, конгломератом разного типа людей, начиная от определившихся уже монахов, их приспешников — монашествующих, людей беспринципных, «отбывающих» академию и, наконец, богоборцев — Иванов Карамазовых. Организованнее всех были монахи и монашествующие. Они устраивали религиозные собрания с докладами на богословские темы. У них была так называемая «Нитрийская пустыня», комната, где они «откладывали поклоны». Они вели беседы, произносили проповеди для верующих в различных церквях города. Всё это происходило в духе официального православия, где действовала полновластно традиция. Всё это могло удовлетворять людей с неглубокими идейными запросами. Главное же — всё это было далеко от окружающей жизни, а следовательно, строилось «на песце».

В этих кругах — монахов и монашествующих — была ещё одна гадкая черта: культивировалось презрительное отношение к женской половине человеческого рода. ... Как это ни странно, но в рядах сих поборников благочестия царил отвратительный цинизм. ... Т. П., несомненно, вкусил сего «плода», т.е. общения с этими академическими кругами, но натура его была ищущей и много глубже, чем у прочих. Все академические науки, сугубо схоластические, ни ему, ни кому другому не могли ничего дать «для души». В сущности, живая душа студента академии оставалась *tabula rasa*, на которой каждый из них мог писать и писал то, что ему подсказывала окружающая обстановка, та среда, в которую он сам «себя поставил». «Взыскующий града [Господня]» студент академии был подготовлен под влиянием жизни шатнуться по любому направлению её. В таком положении оказался и Т. П.: он подготовлен был совершить

над собой самое рискованное *salto mortale* под влиянием жизненной обстановки, и не потому, что он являлся неким флюгером, поворачивающимся по ветру, а потому, что он был способным совершенно серьёзно и честно переосмыслить свою жизнь и перестроить её по новому убеждению, искренне, без всяких побочных мотивов. Та форма, в которой Т. П. был в описанный период, была отрывкой академии так же, как последышами академической обстановки того времени были прославившиеся в то время Гапон, иеромонах Илиодор и пр. По другому пути пошёл Г. С. Петров.

Что могла дать Т. П. та обстановка, в которой он оказался в семинарии? Он оказался как бы на отшибе уже по одному тому, что он был единственным человеком в священном сане. Кроме того, как указано было выше, в педагогическом коллективе по существу был разброд. Что представляли из себя семинаристы, которые были объектом его воспитания? Среди них была, как и у «академиков», полная пестрота идейных течений, преимущественно же были те, которые «отбывали» своё пребывание в богословских классах по инерции и совсем не думали посвятить себя служению церкви. Для них годы революции не прошли бесследно (12). Властителями дум их в эти годы были писатели: М. Горький, Леонид Андреев, Куприн и др. Все они зачитывались произведениями писателей, которые выходили в сборнике «Знание» (13). Они дискутировали по поводу содержания этих рассказов. Они были частыми посетителями театра, через который они впитывали идеи «Анатэмы», «Чёрных воронов» и пр. драм (14). Только очень небольшая группа из них — три-четыре человека были в кружке Н. И. Знамировского, мечтали о священстве и зачитывались произведениями бытописателя духовенства — священника Гусева-Оренбургского (15). Такое же небольшое количество «прозелитов» группировалось и около Т. П. Они были, в сущности, соглядатаями, помогали «править» всенощные и молебны, и Т. П. для них был каким-то чудачком..., не больше (16), (17).

Впоследствии, когда Т. П. был законоучителем в гимназии, то что могла дать ему эта «служба» для души, кроме ещё большего

противоречия, того настроения, которое определяется словами «ум с сердцем не в ладу». А он по натуре был ищущим человеком, и в нём, в его душевном складе, потенциально уживались и протопоп Аввакум, и Иван Карамазов. Всё зависело от того, на кого из них толкнёт его направление жизни. Пока он находился в состоянии торможения под влиянием академии — в нём господствовал протопоп Аввакум, но жизнь разбудила в нём Ивана Карамазова, и он совершил *salto mortale*. И в том, и в другом случае он поступал в соответствии со своей натурой, так сказать, «не кривил душой», поступал честно, бескорыстно, убеждённо. Это была трагедия его души (18). Его осуждали за «измену», но судить и осуждать нужно было не личность только Т. П., то, что называется *persona*, а и обстановку, которая породила личность такого типа. Пётр трижды отрёкся от своего учителя прежде, чем пропел пет[ух], но он остался всё-таки апостолом, хотя, по его же предложению, распят был в Риме вниз головой. Не так же ли нужно отнести и к Тихону Петровичу в оценке его жизненного пути, но без «распятия», конечно, памятуя гуманное изречение древних: *«De mortuis aut bene, aut nihil»*.

Примечания:

1. Автор путает годы. В «свердловской коллекции» воспоминаний указан 1908 г. Т. П. Андриевский пришёл в Пермскую духовную семинарию летом 1906 г.
2. Из очерка «Тихон Петрович Андриевский» из «свердловской коллекции»: «Для семинаристов, привыкших видеть своих преподавателей во фраках и сюртуках, как-то непривычно было видеть учителя в рясе, тем более что вид у Т. П. выходил из ряда других носящих такую одежду: был он худой, «морной», как говорят в простонародье; лицо исхудалое, заострённый нос, впалые тусклые глаза; волосы прямые, без единого завитка. Он имел такой вид, в каком Эйзенштейн показал Ивана Грозного

в момент коронации его в Успенском соборе, где в роли Ивана Грозного выступал Абрикосов. У него была какая-то крадущаяся походка и тихий голос. Он имел вид не то исхудалого по условиям жизни человека, не то — подвижника, подвергшего себя самого изнурению». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 123 об.–124.

Автор упоминает советского режиссёра театра и кино Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898–1948) и его фильм «Иван Грозный» (1944–1946), в котором А. Л. Абрикосов играл роль боярина Фёдора Колычёва, а роль Ивана Грозного играл Н. К. Черкасов.

3. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»): «При семинарии была так называемая образцовая школа, в которой учились дети из ближайших к семинарии кварталов. Этой школой заведовал о. Тихон. Здесь же семинаристы проходили практику. Петя очень ревностно изучал дидактику и одно время заменял о. Тихона». ГКУБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48–67 об. Из очерка «Тихон Петрович Андриевский» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Раньше в этой школе были отдельные учителя, не из состава семинарских педагогов, но на этот раз, по-видимому, в целях дополнительной нагрузки заведывание школой и преподавание в ней переданы были Т. П. Андриевскому, что, конечно, нужно признать очень целесообразным с точки зрения постановки в семинарии дидактики». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 123 об.
4. Там же: «К этому времени [приезду в Пермь из Казани. — *Ред.*] им была уже написана повесть «Архиерей», в которой он изобразил своего героя в желанном для него виде человека простого, доступного, с демократическими манерами обращения. К чести Т. П. нужно сказать, что он никогда не кичился своим литературным творчеством и не афишировал себя писателем». Там же. Л. 126 об.
5. Кадило — металлический сосуд, в котором на горящих углях расплавляется ладан. Используется священнослужителями в наиболее

торжественных случаях во время богослужений.

6. Автор имеет в виду молитвенный дом в д. Гарюшки около Перми, закрытый в 1939 г.
7. В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Т. П. любил показывать себя таким чудотворцем при каких-либо особенных случаях, когда ему предоставлялась возможность сильнее подействовать на психику его питомцев. Так, был однажды такой случай. Вечером в городе случился большой пожар, и группа семинаристов наблюдала его из тёмной, неосвещённой комнаты. На стенах комнаты появлялись блики отражающегося пламени, и вся обстановка была напряжённой. В этот именно момент появился в комнате Т. П. в отражённом пламени и не преминул рассказывать о том, как он в аналогичных случаях смятения людей, подобных смятению при пожарах, силой своей воли умирал людскую стихию и направлял по организованному руслу. Это был тонкий психологический расчёт повлиять на своих питомцев. Из истории известно, что в такой именно момент поп Сильвестр поразил воображение юного Ивана Грозного и навсегда оставил след в его душе от потрясшей его картины пожара, след нервного потрясения, на чём и основал своё влияние на него. Событие это невольно возникает в памяти в связи с тем, что только что сказано о Т. П.». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 132–132 об. Автор представляет события Московского пожара, восстановления горожан в 1547 г. и обличительную речь протопопа Сильвестра в адрес царя Ивана Грозного, которая была воспринята им благосклонно и сделала Сильвестра приближённым молодого царя.
8. Там же: «При своих ретроградных взглядах на политические события того времени Т. П. иногда способен был возвыситься до независимых суждений и взглядов в области текущей гражданской жизни, что свидетельствовало о том, что он не лишён был способности реалистически мыслить, когда этого требовал здравый смысл. Так, когда в связи с распространением острых желудочных заболеваний

в городе издано было распоряжение с безоговорочным запрещением употреблять в пищу сырые овощи и фрукты, Т. П. подверг эту меру резкой критике, мотивируя своё суждение тем, что она, эта мера, обрекает население на ограничение употребления в пищу витаминных предметов питания». Там же. Л. 132 об.–133.

9. Высшие женские богословские трёхгодичные курсы в Казани действовали при Казанской духовной академии в 1910–1917 гг. Курсы готовили преподавательниц Закона Божия для светских учебных заведений.
10. В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...он отметил в этих словах тот факт, что семинарии в тот момент и намного уже раньше этого утратили своё прямое назначение быть кузницей для подготовки кадров священнослужителей. А. П. был, несомненно, человек умный, и в его словах мы находим в этом отношении глубокую правду. Сам А. П. потерпел полное фиаско именно на том, что он думал воспитать в своих учениках кадры священнослужителей, сам не будучи таковым, а на опыте убедился, что они, его ученики, совсем не помышляют о священстве, а изыскивают всякие пути, чтобы только «не влезать в рясу». Обычно так и бывало, что если семинарию заканчивали примерно двадцать пять–тридцать человек, то «рясу надевали» пять–шесть человек, а остальные уходили «во страну далече». Кончившие семинарию уходили в те высшие учебные заведения, где для них открывали двери, хотя бы их допускали в эти учебные заведения на правах некоего компромисса, как это было, например, с Юрьевским и Варшавским университетами, куда семинаристы допускались по мотивам обрусения этих окраин Российской империи. Семинаристы направлялись в Томский университет на медицинский факультет, где создали себе славу наиболее ревностных студентов и как наиболее подходящие кадры для подготовки врачей. Славу эту и такую репутацию они создали у профессоров, которые сами во многих случаях в прошлом были семинаристами.

Семинаристы наполняли ветеринарные институты, частично — историко-филологические институты. Лишь только в описываемое время открылись коммерческие институты и Петербургский психоневрологический институт, они ринулись туда. Семинарская элита в количестве двух человек откомандировывалась в духовные академии, а некоторые из окончивших семинарию по своей инициативе направлялись тоже в академии. Часть окончивших «подавалась» в чиновники. Такой порядок распределения, вернее — самораспределения, окончивших семинарию приобрёл характер традиции и был, так сказать, исторически установившейся закономерностью. Такой же исторически установившейся закономерностью в семинарии было действие закона сжимаемости сурового фильтра, через который проходили обитатели этого воспитательного, а по терминологии А. П. Миролубова — «питательного» учреждения. Конкретно действие этого фильтра выражалось в следующем. В семинарию ежегодно поступало примерно шестьдесят человек учеников, которые распределялись в два класса — по тридцати человек в каждом. Во втором классе их оставалось человек пятьдесят — по двадцати пяти человек в двух классах. Третий класс, а за ним и следующие были по одному, причём если в третьем классе было ещё многолюдно — до тридцати пяти человек, то в пятом доходило до тридцати человек. Это было, так сказать, внутренней организационной закономерностью семинарии. ...

Но вот семинарист, минуя все «подводные рифы и камни», достиг богословских — пятого и шестого — классов и вступил в эти, прямо сказать, «палестины», и первой мыслью у него являлось: «ну, теперь пора отдохнуть: не зря сказано: «претерпевший же до конца, той спасётся». И он отдыхал, т.е. «отбывал» два класса для окончания семинарии, благо для этого создавались в этих классах некоторые «льготные» условия, до некоторой степени даже «демократические» условия. Так, шестиклассникам, например, разрешалось в церкви за богослужением стоять не в рядах, а «вольным строем», под хорами.

Да и учёбой не так уже «утруждали»: «богословы» — надо и уважать тоже людей, хотя бы и накануне выхода их в жизнь, а они потом «бежали от рясы» подобно пушкинской Марии Кочубей, которая бежала «от любви, как от оков».

Таково было бытие семинаристов, так сказать, в *status quo ante*, т.е. в состоянии до революции 1905 г. Но революция, несмотря на то, что она затронула семинарию рикошетом, не прошла для семинаристов бесследно, а внесла свои новые закономерности. Сколько ни старался А. П. Миролюбов «утихомирить» семинарскую стихию после очистки рядов семинаристов с окончанием забастовки, «покой» был нарушен: что нельзя было проявить наружу — ушло вглубь.

Нельзя было ничем отгородить семинаристов от того, что врывается извне...» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 136–139.

11. Там же автор добавляет: «Так, в Перми ему тоже предоставлен был театр оперы, в котором он читал лекцию на тему: «Писатель и читатель». Он явился для широкой публики знаменем протеста против реакции, и так именно на него смотрели и семинаристы». Там же. Л. 139 об.
12. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»): «В течение этого периода по рукам ходили разные брошюры революционного содержания, сочинения Августа Бебеля: «Христианство и социализм», «Женщина и социализм», Лихтинберга «Парижская коммуна» и др. Декламировались: «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе». По рукам ходили сборники с произведениями Горького, Андреева, Куприна и др., «Записки врача» Вересаева. Широкое распространение имели: Андреева «Рассказ о семи повешенных», «Анатэма», рассказ об Иуде Искарите. Были очень распространены произведения священника-расстриги Григория Спиридоновича Петрова, рассказы Гусева-Оренбургского. Это было время, когда чтение литературных произведений у семинаристов шло, минуя ученическую библиотеку. По рукам передавалась книга: Догель

- «Половой вопрос». Ходили слухи об «огарках» — тайных собраниях молодёжи. Говорили, что были случаи самоубийств среди молодёжи в результате проповеди каких-то тайных лиц. Появились слухи о хлыстовских «радениях». И, наконец, в театре была поставлена пьеса «Чёрные вороны», в которой выведены были иоанниты, последователи Иоанна Кронштадтского. От этого времени у Пети сохранилось в памяти торжественное собрание в театре по поводу смерти А. П. Чехова в 1904 г., статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать». В семинарии всё кипело, бурлило, митинговало, дискутировало. Петя отдал свою дань всей новой литературе, но, кроме этого, читал критические статьи Михайловского и Писарева». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48–67 об.
13. Серия сборников товарищества «Знание», выходивших в 1904–1913 гг. Гл. редактор М. Горький.
 14. Антирелигиозные пьесы: «Анатэма» Л. Н. Андреева (1908) и «Чёрные вороны» В. В. Протопопова (1907). Последняя основана на мотивах сплетен о протоиерее Иоанне Кронштадтском и его лжепоследователях.
 15. Рассказы С. И. Гусева-Оренбургского с некоторой долей юмора изображали патриархальный быт духовенства.
 16. В очерке о Т. П. Андриевском, входящем в состав «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний, автором пропущена информация о его дальнейшей судьбе. В составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» имеется следующая информация: «Тихон Петрович Андриевский пережил сильное идеологическое *«salto mortale»*. Из семинарии он перешёл на работу законоучителем в Камышловскую мужскую гимназию. В книге начальника Главного политуправления армии и флота, генерала армии Филиппа Ивановича Голикова «Красные орлы» указывается, что Тихон Петрович, будучи законоучителем, просвещал своих учеников, в том числе и автора книги, который был тогда его учеником, марксистскими идеями. Гришин

брат Феликс рассказывал, что когда он встретился после Октябрьской революции в Камышлове с Тихоном Петровичем, он [Т. П.] подошёл к нему и, указывая на его [Феликса] рясу, сказал: «Надо снимать!» Позднее знавшие его люди рассказывали, что он служил в органах народного образования, а потом после ряда передраг... сторожем. И дальше история уже молчит». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 101–121.

17. В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Что побудило его перейти на новую, отличную от прежней работу? Из семинарии в описываемое время несколько человек из преподавательского состава перешли на работу инспекторами народных училищ, да и вместе с ним и одновременно перешёл в преподаватели литературы в Камышловскую мужскую гимназию семинарский латинист Виктор Михайлович Можгинский. Мотивы их перехода были ясны: материальные соображения и общественное положение. Известно, что инспектор народных училищ являл собой *persona grata*, плюс триста золотых в месяц и тройка земских разъездных для поездки с инспектированием по его району. Имел ли место материальный интерес и мотив в случае перехода Т. П. на работу в гимназию? Вероятно, да, но нужно при этом подчеркнуть, что он не был падким на монету: свидетельством этому была его жизнь в семинарии.

Что могла дать ему работа законоучителем в гимназии, как говорится, «для души» после преподавания философии в семинарии? Время для гимназий и других школ этого типа, как тогда говорили, было кассовское. Во главе Министерства стоял Лев Аристидович Кассо, грек по национальности, потомок классической Эллады, идеолог классического обучения со всеми присущими ему атрибутами. В гимназиях и реальных училищах всё было скованно «мундиром», формой. Настольной книгой был объёмистый кондуит с прошитыми и пронумерованными фолиантами. По истечении года он, как некая ценность, направлялся в учебный округ. Достаточно

было гимназисту или реалисту явиться в своё училище не по форме, например, не со всеми застёгнутыми на шинели пуговицами или без ранца для учебных принадлежностей, как его не впускали в здание и отправляли домой. Семинарские порядки, несмотря на их своеобразие и строгость, пожалуй, по сравнению с описанными порядками в гимназиях могли показаться ещё более демократичными. Это — одна сторона новой работы Т. П. С другой стороны, чем являлось преподавание закона божьего в гимназиях? В сознании учеников, да и в общем ансамбле гимназических дисциплин закон божий как учебный предмет являлся чем-то вроде рудиментарного отrostка — не более. Правда, он выполнял ещё своеобразную функцию рентгена, через который проверялась политическая настроенность умов учащихся, а вместе с этим он (закон божий) являлся и орудием для настройки этих умов. Едва ли можно утверждать, что законоучители в своей массе пользовались уважением своих учеников, наоборот, известны были случаи глумления над их священным саном. Так, верхняя одежда законоучителя пермских мужской и женской гимназий была использована в качестве почтового ящика в переписке между гимназистами и гимназистками: в широкие обшлага её вкладывались записки с той и другой стороны.

Такова была новая обстановка деятельности Т. П. Сохранилось самое убедительное по своей форме свидетельство о деятельности Т. П. в качестве законоучителя в Камышловской мужской гимназии. В широко известной в военных и общегражданских кругах книге маршала СССР Ф. И. Голикова «Красные орлы» он, бывший ученик гимназии, с похвалой отозвался о своём законоучителе. В самом деле — сказать, что он (Т. П.) стоял во мнении гимназистов на голову выше других учителей гимназии — что может быть выше этой похвалы? Т. П., как видно, нашёл ключ к душам и умам своих учеников, и в какое время? В такое время, когда в политической атмосфере страны сгущались уже тучи. Как это было далеко от того, чем проявил себя Т. П. в семинарский период своей жизни на одной из окраин

Перми. И это было в то же время симптоматично для его настроения: по всему видно, что в душе его нарастал перелом, и он шёл к кризису. Молва ходила о том, что он просвещал умы своих учеником в направлении, которое обеспечивало им наиболее лёгкий путь к переходу на новые позиции «грядущего». В истории гимназий вообще и в истории молодой ещё Камышловской гимназии в частности это был из ряда выходящий случай, феноменальный случай. В условиях тогдашней дореволюционной действительности, когда в гимназии всё было подчинено «духу Кассо», Т. П. в рядах преподавательского коллектива, а особенно для дирекции явился своего рода занозой, извлечь которую, однако, уже не удалось ввиду нараставших событий.

Отгремела Великая Октябрьская соц. Революция, и Тихон Петрович совершил *salto mortale*. Был отец Тихон — стал Тихон Петрович!

Начались взлёты и падения: заведывание соцвосом и работа сторожем; партийная работа и укрывательство в лесу... «Хождение по мукам». Клеймо — «поп-расстрига». Вот отдельные свидетельские показания о его жизни в эти времена.

1. Феликс Козельский, б. ученик Т. П. в Пермской духовной семинарии, рассказывал в 1923 г.: «встретились мы в Камышлове с Т. П. ещё в начале революции. Он подошёл ко мне, потряс за плечо и сказал: «надо снимать». Он же рассказывал, что когда у Т. П. умерла жена, то он играл на гармонии и пел залихватские песни (???).
2. Александр Николаевич Шишёв вспоминал о Т. П. в [19]60-х годах: а) о том, как он организовал в Камышлове юбилейное празднование годовщины издания Миланского эдикта; б) о том, что когда белые пришли в Камышлов, то Т. П. скрывался в лесу и, чтобы спасти семью от голода, делал игрушки и тайно продавал их; в) о том, что когда у Т. П. был при смерти один из сыновей, то он «взывал» к богу с мольбой о спасении его подобно Василию Фивейскому в одноимённом рассказе Леонида Андреева. Он верил... и испытывал бога.

3. Михаил Михайлович Щеглов сообщал, что Т. П. после [19]30-го года переехал в Шадринск, там работал внештатным пропагандистом при райкоме партии, имел небольшой дом.
4. Иван Степанович Богословский сообщал, что Т. П. по национальности был осетин.
5. Владимир Павлович Бирюков сообщал, что, по архивным данным, Т. П. был уроженцем г. Осы.
- Получилось так, что трудно было разобраться во всех этих сообщениях, где в них сушая правда, а где домыслы, а о происхождении Т. П. можно было сказать в вопросительной форме: «род же его кто исповесть?» Существует, однако, один человек, который, как видно, поклялся производить «раскопки» о Т. П. до последнего конца. Пожелаем ему полного успеха в этом деле». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 140 об.-143 об. Автор имеет в виду А. Н. Шишёва.
18. Там же: «Нельзя думать, что он совершил своё *salto mortale* в целях приспособления и карьеры, потому что процесс перехода его на новые позиции начался ещё до рокового момента, т.е. до революции. Ещё в гимназии начался этот процесс. Для людей, не знавших его внутренней природы, его характера, он мог показаться и казался интриганом, шулером, карьеристом, изменником, «попом-расстригой». Такова была логика бурных событий того времени. В тридцатых годах в Шадринске встретились два деятеля Пермской дух. семинарии: Н. И. Знамировский в сане архиерея и Т. П. Андреевский — в чине внештатного пропагандиста по партийной линии. Какая ирония судьбы! [Вероятно, автор имеет в виду не реальную встречу, а скорее всего гипотетическое присутствие обоих — в одном городе и примерно в одно время. — *Ред.*] Оба они шли сначала по одной дороге: оба окончили курс в Казанской дух. академии, вероятно, с одним и тем же результатом в их психологии и настроенности; оба, несмотря на некоторые различия в их деятельности, шли по одной стопе проповедования «слова божия», а вышли на диаметрально противоположные позиции. В этом сказалось глубокое

различие их натур, причём натура Т. П., несомненно, была глубже и многограннее, чем у Н. И. Это и обнаружилось, когда в почву под ними запущен был глубоко плуг, поднявший наверх подпочвенный слой, то, что было скрытно и обнаружилось при перевёртывании пласта.

Т. П. сделался легендарным лицом, причём легенды получились причудливыми. Он не происходил из Осы — это несомненно. Был ли он осетином? Очень сомнительно. Что он был знаком с Кавказом и обычаями кавказских народностей — это он сам подтвердил, когда строил молитвенный дом по кавказскому методу. Но это ещё не является аргументом для вывода о том, что он был кавказец. Что он организовал семейный быт по типу быта какой-то кавказской народности — это тоже ещё не абсолютный аргумент: так строили семейную жизнь и русские. Иллюстрацией к этому является «Гроза» А. И. Островского. А вот то, что он сам совершил над собой революцию, это — русская национальная черта. Ещё И. С. Тургенев в своём рассказе «Хорь и Калиныч» при описании характера Хоря отметил, что русский человек не прочь иногда поломать себя, и указал как пример этого на маститую фигуру Петра I». Там же. Л. 150 об.—151 об.

Из письма В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву от 25 декабря 1962 г.:

«Андриевский и Знамировский во времени не встретились в Шадринске: первый исчез раньше, а второй явился уже потом, так что личной встречи произойти у них не могло, а было бы интересно, если бы она произошла. В Камышлове Андриевский что-то куролесил по литургической почве, если так можно выразиться, а в Шадринске он начисто отрицал всё старое. И тем не менее, когда в 1929 году уезжал из Шадринска, вскользь сказал, что не то и не так делают советские богоборцы, а как, ничего не сказал. Словом, антирелигиозная работа у нас его не удовлетворила. Тихону надо что-то ещё, а что, я никак понять не мог, если не строить догадки, что надо перестраивать наш советский быт. И одно несомненно, что Тихон — тип мятущийся». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 1.

Иван Ермилович Губкинский (1)

Учебным планом духовных семинарий на изучение латинского и греческого языков отводились часы **в первом и втором классах**. Программой занятий в основном предусматривались переводы из произведений классиков — писателей римской и греческой истории и художественной литературы. **Вся черновая работа** по изучению грамматики этих языков падала на плечи преподавателей духовных училищ и **являлась безусловной заслугой этих преподавателей**. Стоит только вспомнить, например, сколько энергии и трудов было положено на это преподавателем греческого языка Петром Васильевичем Хавским и преподавателем латинского языка Иваном Кузьмичом Сахаровым в Камышловском духовном училище, чтобы по достоинству оценить их великий труд. **Преподавателям семинарии**, можно сказать, оставалась только «чистовая» **работа по некоторому углублению знаний учеников, привитию навыков** перевода и чтения текстов, обогащению лексикона, что, конечно, являлось само по себе **почётной задачей**.

Судя по тому, что в 1902 году при приёме в семинарию проводились, между прочим, экзамены по греческому языку, можно заключить, что изучению классических языков в нашей семинарии придавалось большое значение, однако постановку изучения их нельзя признать в полной мере удовлетворительной. Несомненно, что далеко не использованы были для этого все возможности, и главной причиной этого была текучесть преподавательского состава и пестрота приёмов обучения и требований к учащимся. В самом деле автору сего за два года обучения латинскому языку пришлось иметь дело с тремя преподавателями. В первом классе занятия проводил преподаватель настолько не популярный среди учащихся, что не сохранилось в памяти его имя, отчество и фамилия, а сохранилось только прозвище «Эбурон» (2), данное, очевидно, из переводов «*De bello Gallico*» Цезаря (3). Он был настолько рассеянным, что,

одетый во фрак, иногда являлся на занятия с полурасстёгнутыми пуговицами у брюк. Он совершенно не в состоянии был поддерживать дисциплину в классе. Когда он ходил между партами по рядам, на фрак ему прицепляли бумажки. Год занятий был потерян.

Лучше шли занятия при Викторе Михайловиче Можгинском, но в его занятиях была недостаточная углублённость, переводы делались со слабым анализом текста. Это обнаруживалось, когда во втором классе в течение некоторого времени занятия стал проводить Иван Ермилович Губкинский. Он был очень требовательный и много внимания уделял грамматическому анализу текста. На его занятиях учащиеся многое вспоминали из прежде изученного и вновь изучали из синтаксиса латинского языка. Думается, что если бы в течение двух лет занятия были проведены Иваном Ермиловичем, то его ученики смогли бы свободно переводить некоторые отрывки из Цезаря без словаря.

Он был уже в полном смысле слова старцем. Неизвестно, откуда он явился в нашу семинарию. Строились предположения, что когда-то где-то жизнь его сильно потрепала. Он был человек замкнутый, необщительный. Таким, по крайней мере, он казался. Про него говорили, что недоверчивость его к другим людям была такова, что он не доверял кому-либо другому готовить себе обед, а готовил сам. Он жил в полном смысле слова анахоретом. Но он **был рыцарем чести и долга**. Сознание долга по работе у него было видно из его требовательности и по отношению к себе и к ученикам. У него ясно проглядывало **желание как можно больше передать знаний** предмета своим ученикам и от них потребовать больше знаний. Его честность и сознание долга также были обнаружены, когда он был избран в комиссию по проверке хозяйственной деятельности главы семинарии и, как говорили, раскопал там «завалы» в делах.

Во время первой империалистической войны латинский язык попал в ещё более худшее положение: он оказался на положении разменной монеты, т.е. был распределён между несколькими пре-

подавателями для выравнивания их нагрузки. Греческий язык в 1904–1906 гг. преподавал Арсений Алексеевич Дроздов, а после него продолжительное время — Плетнёв. По латинскому языку переводы делались из «*De bello Gallico*» Цезаря и «Энеида» Вергилия, а по греческому языку — Ксенофонта «Воспитание Кира» и «Илиады» Гомера. Система занятий была такая: давался текст для перевода на дом — строк 5–6, а на уроках делалась проверка перевода и знание встречающихся в тексте слов. Аккуратно велись словари встречающихся в тексте слов. При выполнении домашних работ широко развита была «кооперация», т.е. пользование чужим трудом — списывание. Были любители «подкавывать» текст, даже художники этого дела, так что когда учебники возвращались в библиотеку, то легко можно было определить, какой текст «прорабатывался» в течение года. «Ключей» к переводам не употребляли. Эта мода была распространена среди гимназистов, особенно в старших классах. «Ключи» обильно доставляла Одесса.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Возможно, имеется в виду Спасский Сергей Павлович.
3. «Записки о Галльской войне» древнеримского полководца Юлия Цезаря (100–44 до н.э.).

О. Стефан Луканин

О. Стефан был нашим семинарским «духовником», т.е. священником семинарской церкви. К нему же мы ходили на исповедь. До этого он был миссионером и на этом поприще стяжал великую славу на всю Пермскую губернию. Он был уже в преклонном возрасте и, очевидно, поэтому и поступил служить в семинарскую церковь. Для о. Стефана характерным было то, что он был выразителем и представителем того типа духовного лица, который складывался в 60–70 гг. прошлого столетия (1). Нигде это так ярко не проявлялось у него, как в сохранении особой манеры пения, которая уже утрачивалась в наше время. Нельзя забыть таких случаев, когда о. Стефан во время всенощной в обычные, а не праздничные дни, когда и людей посторонних в церкви не было, выходил из алтаря к нам на клирос и пел с нами «Покаяния...», «множества...», «На реках Вавилонских» и т.д. Мы уже утратили эту манеру пения, «древнего» пения, с особыми переливами, а он старался нас научить этому. Он становился в средину, между нами, и старался передать нам эти напевы. Теперь приходится так сожалеть, что не сохранилась прелесть этих напевов. Как хорошо, что теперь благодаря грамзаписи сохранились такие шедевры народного пения, которые передал Ф. И. Шаляпин, как «Ой ты, Ваня», или «Не велят Маше [за реченьку ходить]». А как бы хотелось, чтобы так же сохранились и церковные мотивы.

В отправлении богослужения о. Стефаном нам казалось, что много елейности; порой нам казалось, что это доходило, как говорят, до приторности. Но в этом, вероятно, опять-таки сказалось то, что мы уже отвыкли [от] того типа богослужения, который был раньше. Думается, что и [у] о. Стефана сохранялась эта традиция под влиянием его миссионерской деятельности: соприкасаясь со старообрядцами, которые были хранителями «древнего» пения, он не мог не чувствовать его самобытной красоты.

Любил ли о. Стефан семинарское пение? Да, он так восторгался, например, голосом Ивана Медведева, что называл его соловьём.

О. Стефан был выразителем «истового» благочиния, благочиния, которое было в его природе, благочиния во всём: в церкви, в домашнем обиходе; в проповеди или в беседе. Вот почему он пользовался у всех авторитетом и любовью.

Когда он умер, то со смертью его чувствовалась утрата именно «духовника», пастыря. В нашей памяти сохранился момент проводов, прощания со о. Стефаном, а именно — трогательное прощание с ним «грозы» семинаристов — В. А. Фаминского: мы видели его со склонённой у гроба головой в глубоком раздумье и печали. Для нас это было выражением глубокого признания заслуг о. Стефана перед семинарией.

8.IX.[19]60. 16 ч. 37 м. вр. сверд.

Протодиакон «Маттафия»

Одно время диаконом семинарской церкви был эконо́м семинарии Славнин. На смену ему пришёл б. протодиакон Матфей Попов. О. протодиакон Матфей был богатырского сложения: высокого роста, с пышной копной мелких кудрей на голове. Так мы представляли, например, могучими Пересвета и Ослабю, направленных Сергием Радонежским на бой с татарами на Куликово поле. Каким образом Попов оказался в семинарии? Передавали, что положение о. Матфея в качестве протодиакона при архиерее покачнулось ещё при епископе Петре. Рассказывали, будто бы о. Матфей позволил себе выразиться непочтительно о Петре, назвав его Петрухой, что подслушал епископ.

Так ли было или не так, но протодиакон оказался в опале. Архиерей Пётр, как передавал нам старший брат, имел некоторые оригинальные выходы. Так, например, про него говорили, что он имел обыкновение утрами прогуливаться перед архиерейской церковью

и проделывать некоторые физкультурные номера — размахивание руками. Это делалось на глазах семинаристов. Если это было так, то возможно, что были случаи фамильярного отношения к нему приближённых. В свете этого можно принять за правду упомянутую выходку о. Матфея. Была и другая версия объяснения, почему был отставлен от протодиаконства о. Матфей — говорили, что его голос не удовлетворял уже требованию, предъявляемому к протодиакону. Так или не так, но о. Матфей служил в семинарской церкви и был украшением богослужения. Он был ещё в полной силе и бодрости. Часто можно было его встречать шествующим в семинарию по направлению от Слудской церкви. У него была какая-то особенная походка: ступни ног у него смотрели в разные стороны.

В ряду всех наших учителей, воспитателей, служителей церкви, обслуживающих наш быт и всех, всех, с кем мы соприкасались, хочется добрым словом помянуть и о. Матфея, которого любовно на библейский лад мы называли «Маттафия».

8.IX.[1960] 17 ч. 27 м. вр. св.

Экономы (1)

Когда я учился в духовном училище и в семинарии, мне казалось, что экономами в них обязательно должны быть священнослужители, и позднее, работая в Белоруссии, был очень удивлён, что там на этих постах были светские люди. Когда же затем я стал обдумывать, которое же из этих двух положений лучше, то пришёл к выводу, что второе лучше и [неразборчиво. — *Ред.*] потому, что при первом сочетании — священный сан и эконом — как-то первый принижался за счёт второго. Что бы мы сказали, если бы пушкинский станционный смотритель оказался в священном сане, а ведь эконом, где бы он ни был, в сущности, во многом по своему служебному положению сходен со станционным смотрителем: то подай, другое подай, и обязательно срочно.

В семинарии, при поступлении нашем в неё, экономом был священник Алхутов, но вскоре он ушёл, и место его занял диакон Славнин. Его должность диакона была второстепенной. Он был сам, вероятно, изгнанником из семинарии, так как диаконы чаще всего [были] таковыми. Он был ещё молодым, примерно 35–40 лет, кудрявый, что, вероятно, в своё время и покорило сердце его красавиц-жены. Голос его был небольшой. Квартира у него была под пятым классом на первом этаже и граничила с архивом. Нам не приходилось непосредственно соприкасаться с экономом. Что касается вопросов питания, то разговор на эту тему осуществлялся через расписание меню обедов и ужинов, которое висело под иконой в столовой.

Я не помню случая, чтобы у семинаристов были какие-либо столкновения непосредственно с экономом на почве питания или

вообще на экономической почве. Бывали претензии по подготовке обедов, но они были очень редкими и направлены непосредственно в адрес повара — Кирилла Михайловича. После революции в столовой установлены были дежурства учеников, так что наблюдение за ходом подготовки обедов и ужинов лежало на семинаристах. Что касается меню, то нужно сказать, что питание было хорошим. В самом деле, если в скоромные дни на обед давалось два мясных блюда — суп, а на второе котлеты, или голубцы, или гуляши и т.д., а на третье — сладкое — кисель или оладьи с вареньем, то что ещё надо? Соответственно с этим в постные дни давалась уха или солянка из осетровых голов, или лапша с белыми грибами, а на второе — жареная рыба, каша-запеканка, а на третье компот или оладьи, то что ещё надо? Недаром же Александр Павлович Миролюбов назвал семинарию не столько воспитательным, сколько питательным учреждением.

Часто мы видели нашего эконома направляющимся в склад для отпуска продуктов повару или отправляющимся на маленькой сивой лошадке в город для покупки товаров. Главная линия заготовки осуществлялась подрядным способом, для чего назначались торги и заключались договоры на поставку муки, мяса, рыбы, чаю, сахару. Отдельно заключались договоры на поставку хлеба, булок к чаю, пирогов в праздничные дни с Шипиловским, на пошив одежды с портным Тановым, на поставку обуви с магазином Добрина. Летом производился ремонт. Когда мы возвращались после летних каникул, в здании пахло краской, мебель была отремонтирована. Ближе к осени заготавливались различные продукты из овощей, дрова. Всё это лежало на плечах эконома. Часто зимой мы видели его с кипами счетов направляющимся в ректорский кабинет. И нам, признаться, немножко было жаль эконома: был он какой-то с мягким характером, ссутулившийся, немного заикался, а являлся к человеку деспо[...] (2).

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.
2. Далее обрыв текста.

Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому (без даты): «Из воспоминаний о нём [Славнине. — *Ред.*] осталось в памяти его увлечение разведением породистых кур. В скверике между восточным и западным выступами главного корпуса разгуливали его кохинхины и среди них великан-петух, награждённый медалью. Всё-таки эконо́м диако́н Славнин оставил хорошую память: много он заботился о нас. Но что же лучше: священник-эконом или светский эконом? Лучше всё-таки не путать священное с экономическим, когда священное является придатком к экономическому. Не правда ли: ведь это же обидно?» ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 29–29 об.

Эскулап *[(семинарский фельдшер)]*

Это было прозвище семинарского фельдшера — Вениамина Ивановича Селиванова. Легко догадаться, что оно заимствовано было из греко-латинской мифологии. Раз появившись, оно так и переходило из поколения к поколению и так крепко вошло в привычку, что казалось неотделимо от носителя его. Мы застали Вениамина Ивановича уже белым как лунь. Низкого роста, коренастый, со своеобразным круглым лицом и широким носом, в широченных брюках и просторной визитке, он производил такое впечатление, что казалось, что таким именно и должно представлять Эскулапа древних греков. К тому же он старался казаться строгим, хотя никто не верил в его строгость, и эта попытка его производила противоположное впечатление маскируемой доброты. Нам точно не было известно, где В. И. учился врачебному мастерству; предполагали, что таким он

стал врачом из военных лекарей. Суждение это возникло, очевидно, по аналогии с тем, что нам было известно об отце Базарова.

В. И. выполнял также функции фармацевта. Всё это возможно было совместить потому, что приёмы лечения были примитивными и сводились к общепринятому тогда порядку: очищение желудка, жаропонижающее, элементарная диета. Если случалась у кого ангина, то В. И. приводил такого больного в аптеку, смазывал ему горло йодом с глицерином, — и курс лечения считался законченным. Получалось как-то так, что и серьёзно больных почти никогда не было. Редкие случаи были брюшник и воспаления лёгких. Был, помнится, единственный случай смерти в больнице с Ваней Беляевским, но умер он от туберкулёза кости ноги, с чем он пришёл в семинарию ещё из духовного училища (1). Были случаи, что к В. И. обращались жертвы богини Венеры. Таковых В. И. беспощадно ругал, но сохранял их тайну.

За свою многолетнюю службу В. И. имел много наград и в царские дни являлся в церковь с множеством медалей на груди. Вид у него в этом случае был гордый, и мы старались всячески показать, что преклоняемся перед его заслугами. Как курьёз нужно отметить, что наши сторожа, часто слыша употребляемое нами в разговоре слово «эскулап», по-своему, не понимая, конечно, происхождения этого слова, переделали его в «эскулапость», думая, что в нём сидит столь знакомое и родное им слово «лапоть». Что можно сказать по этому поводу? Разве только: «*O sancta simplicitas*».

Примечания:

1. Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 30 ноября 1960 г.:
«Я в больнице бывал в течение 3–4–5 дней. Когда я бывал в больнице, то обычно больных было 4–5–6 человек, и все «скоро проходящие».

Постоянно жил в больнице Нассонов Димитрий. У него был порок сердца, и он был под постоянным наблюдением Павла Николаевича [Серебренникова]. П. Н. лечил его спермином Пеля (*sic!*). Сейчас я Вам поведаю о случае со мной в больнице, когда там навещал меня В. И. Ракшинский. Меня положили в ту постель, без перемены белья, которую только что освободил Ал[ександр] Павл[ович] Успенский, и я принял «вшивую ванну». Я не помню, переночевал ли я в ней или нет, но это был кошмар. Когда открыли постель, то на простыни было всё усеяно ими, в одеяле они сидели гроздьями. Вся эта картина у меня и сейчас стоит перед глазами. Но я думаю, что это был исключительный случай. Мне помнится, что всё с кровати убрали. У меня сменили бельё, но ванны не было. Обед приносили из столовой — общий и давали ещё молоко по стакану. При моём пребывании в больнице из начальства никто не бывал, но говорили, что иногда заходил Ал[ександр] Павл[ович] [Миролюбов]. Говорили, что один раз был ректор Добронравов. Про него говорили, что он боялся заразиться и поэтому не приходил в больницу. Пока я учился в семинарии — никто из семинаристов не умирал. Мне рассказывали, что был случай смерти, по-моему, уже после моего окончания. Был семинарист Ваня Беляевский, сын псаломщика из с. Скородум Ирбитского у[езда]. Он дважды в одном месте ломал ногу, и получился туберкулёз. Мой младший брат рассказывал, что он был уже в безнадежном состоянии и вот в первый день Пасхи к нему пришли «петь Пасху» и христосоваться. Он тоже подпевал, а потом лёг и уснул навсегда. Передавали ещё такой случай. Один больной семинарист — брюшняком — в бреду будто бы разбил окно и выпрыгнул на панель, где его и подобрали. Правда ли это — не знаю, но я помнил такого семинариста, а фамилию его забыл. Всё-таки в больнице порядки были «патриархальные». Помнится, что у ворот у больницы всегда сидел сторож, но мы ухитрялись всё-таки проходить».

ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 34–35 об.

Кирилл Михайлович
[(повар)]

К. М. Рассохин в течение ряда лет работал в нашей семинарии, так сказать, «придворным» шеф-поваром. Обычно повара имеют фигуру солидного, во всякого случае упитанного человека, гастронома по профессии. К. М. был полной противоположностью такому представлению о поваре. Как раз наоборот, он был тщедушный, худой, невысокого роста, лицо его было в карявинах, на нём торчали жидкие «тараканьи» усы, на голове ёжик негустых волос — всё это производило впечатление от него, как от человека неполного физического развития. В своей поварской тужурке, с колпаком на голове и при поварских доспехах у пояса — наборе ножей в деревянных ножнах, он всё-таки имел вид скорее поварёнка, особенно когда стоял рядом со своим помощником Иосифом, человеком могучего сложения, специально взятым для выполнения тяжёлых работ, например, для провёртывания пудами через машинку мяса для котлет.

На обязанности К. М. было ежедневно готовить три блюда на обед и два блюда на ужин. И вот он часами стоял у стола, поглядывая иногда в окошко на Каму, а руки его выполняли бесконечный танец по шинкованию овощей или по формированию котлет; а одновременно в поле его зрения были котлы с киселями, кашами, заправками и т.п. И ничто не должно пригореть, или перепреть, или не довариться. Это походило на игры на нескольких шахматных досках. Чтобы напитать двести с лишним ртов — для этого нужно было иметь выносливый организм. Таким был организм К. М., несмотря на его, казалось бы, недостаточное физическое развитие (1), (2).

Где [и] как научился К. М. своему мастерству, а мастер он был большой, мы не знали, но по привычке мыслить знакомыми литературными образами мы думали, что он прошёл тот же путь, который прошёл Горький, работая поварёнком у Смурого. Да так, вероятно, и было на самом деле (3).

К. М. был из вятских зимогоров, той многочисленной массы людей, которые за невозможностью прокормиться у себя на земле на зиму тучей налетали в города, чтобы к лету опять поехать на свой скудный земельный участок и добыть пропитание для семьи, по крайней мере, на часть года. Такими были все наши так называемые сторожа, но К. М. среди них был уже обладателем ценной квалификации повара, и труд его оплачивался во много раз выше (ему платили за месяц 25 рублей (4), а им 6–7 рублей). К. М. по работе приходилось вступать в двоякие отношения со сторожами: с одной стороны, приходилось иногда опираться на их помощь, что было оговорено условиями приёма их на работу, а с другой стороны, обеспечить им питание, что тоже входило в условия оплаты труда.

В помощь К. М. сторожа, например, привлекались, когда в меню стоял жареный картофель. В эти дни кухня приобретала вид деревенских зимних девичьих посиделок: сторожа сидели кружком у мешков с картофелем и ожокуривали его. Что касается питания, то им поступали кости при варке супа, остатки супа, каши, киселей, подливов, картофеля, причём к чести К. М. нужно сказать, что он не обижал сторожей, которые в большинстве случаев были его односельчане, и обеспечивал сытным обедом и ужином. Нужно сказать, что такие блюда, которые не были строго нормированы, как супы, каши, кисели и т. д., готовились в таком количестве, что их всем хватало, а остатки забирал ещё Кондратий для своих хавроний.

Мы лично с К. М. соприкасались во время дежурств, учреждённых после революции 1905 года, и здесь обнаруживалось, что К. М. не только питал нас, но и интересовался нашей учёбой, тем, кто и как учился. Его любимым выражением в адрес тех, кто хорошо учился, было: «так, так, у него, как видно, котелок хорошо варит». Остался также в памяти один из афоризмов К. М.: «Отсеки руки по локоть, но к себе не волокай» (5).

В 1935–1936 годах я работал на курсах мастеров соц. труда ВИЗа, и в числе моих учеников была работница цеха № 2 т. Рассохина. Я поинтересовался, не знает ли она что-либо о К. М. Она сказала,

что он её дядя и в то время жил в Тюмени. Это были у меня последние сведения о нашем доброй памяти поваре — Кирилле Михайловиче Рассохине (6).

Примечания:

1. В очерке «Кирилл Михайлович» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Рабочий день у К. М. начинался с 6–7 часов. Являлся он в кухню в полной готовности: умывшись, подчистившись. Иногда от него даже припахивало «духовым» мылом. Такой же аккуратности и чистоплотности он требовал и от своего помощника и всех сторожей, когда они прислуживали в столовой. Начиналось с приёмки продуктов из складов: их приносил под его наблюдением его помощник Иосиф. В его производство входил следующий агрегат: большой котёл для варки различных супов, за ним «духовка» для доведения до кондиционного состояния котлет и прочих жарящихся изделий кухни и громадная плита, на которой можно было ставить котлы, сковородки и пр. За приведением всего этого аппарата в действие, т.е. за его отоплением, должен был следить Иосиф. С этого он и начинал свою работу. Вдоль северной стены кухни, обращённой к Каме, расположен был длинный стол, на котором и была главным образом сосредоточена работа по заготовке полуфабрикатов кухни. За этим столом Иосиф «в поте лица»

провёртывал на машинке гору мяса для котлет, а К. М. «колдовал» над созданием из него ажурных котлеток, зраз, а по субботам «божественных» голубцов. ... За этим же столом К. М. шинковал для приправы супа или чего-либо жареного морковь, капусту. Прозаичное слова «шинковал» не выражало точно, что тут делал К. М. На самом деле его нож дробью выбивал самые разные мелодии, под которые можно было танцевать и мазурку и польку. В некоторых случаях морковка из-под ножа выходила в виде ажурных красных звёздочек. Но главная арена у печи. Что только ни варилось в котле: суп мясной, с лапшой и без неё, лапша с белыми грибами, солянка из осетровых голов, гороховый суп с гренками по особому предложению П. Н. Серебренникова, уха и пр. Каши: рисовая, манная, каша-запеканка. Кроме мясных котлет — рисовые, картофельные. Какие оладьи готовил К. М. с вареньем, кутю и пр. Нет, не обижали семинаристов питанием. В столовой под иконой висело расписание блюд, над которым работала целая комиссия: ректор, эконо́м, К. М. и консу́льтантом — П. Н. Серебренников...» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 167–168 об.

2. Там же: «И вот наступал «генеральский» час обеда. Как только слышатся слова: «но избави нас от лукавого», двери в столовую со стороны кухни открываются, и верёвочкой входят в неё сторожа с супом, а потом с интервалом с котлетами, киселями и пр. «Хлебодар» всё время разносил на подносе хлеб. К. М. издали следит за ходом питания юношества. Были ли претензии к К. М.? Была претензия только раз: в лапше с белыми грибами оказались червяки. Поднималась, было, буря, но улеглась. В тревожные дни революции и после неё установлено было дежурство на кухне из учеников 4, 5 и 6 классов». Там же. Л. 168 об.–169.
3. М. Горький в детстве работал буфетным посудником на пароходе, Смурый — герой его автобиографической повести «В людях».
4. В очерке «Кирилл Михайлович» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «т.е. во столько, во сколько ценился

труд учителя в сельской земской школе». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 166.

5. Там же автор добавляет: «Ежедневно с кухни отправлялись в больницу больным и ректору [блюда] для пробы. Об этом обеде: «на пробу» семинаристы замечали, что потреблял его Зибель, рыжий пёс ректора». Там же. Л. 169.

Там же: «Объём работы у К. М. снижался во время каникул, когда в семинарии оставалось немного учеников. Был случай, что в одни зимние каникулы оставшихся на каникулы учеников решили побаловать пирожками на вечере. Мероприятие это было вызвано тем, что епархиалки вперёд устроили вечер с пирожками, а в ответ на это и начальство семинарии тоже разрешило устроить в семинарии вечер с пирожками. К. М. не подкачал». Там же. Л. 169 об.–170.

Там же: «К. М. один только мог вступать в разговор с ректором Добронравовым, а остальные, как только, бывало, увидят его подходящего к кухне, разбегаются. «Он», величественный и грозный, проходил на кухню и спрашивал: «Кирилл, не много ли съедают хлеба сторожа?»

К. М. умел давать ответ по достоинству. К. М. позволял себе иногда и роскошь. Так, он сшил себе новые сапоги с лаковыми голенищами за 25 руб., т.е. за свой месячный заработок». Там же. Л. 170 об.

6. Там же автор добавляет: «Лет 5–6 тому назад [1960–1961 гг. — **Ред.**] я опять случайно встретил эту Рассохину и спросил её о К. М. Она сообщила мне печальную новость, что он скончался в Тюмени. Кирилл Михайлович был самой колоритной личностью из всех моих знакомых из того круга людей, к которому он принадлежал. Он всегда был для меня примером человека энергичного, инициативного, могущего при любых условиях преодолевать социальные ограничения и пробить себе дорогу в жизни. Мир праху его!» Там же. Л. 171.

Иван Иванович
[(столяр)]

Иван Иванович (мы не знали его фамилии) работал в семинарии столяром по ремонту (1). Его мастерская была расположена над баней, в восточной части верхнего этажа (2). Комната была большая, светлая, сухая и тёплая. В ней в разных местах лежали кучи леса: доски, брусья, а на полу горы стружки. В воздухе стоял аромат от соснового леса. Огромный верстак стоял ближе к северной стороне, а на стенах около него развешан был «струмент»: пилы, ножовки, долота, свёрла и прочее. В стороне стояла кровать со спальными принадлежностями. Здесь, в уединении, И. И. и проводил большую часть рабочего времени с редкими выходами на место какой-либо мимолётной поделки: приколотить что-либо, подправить покосившийся предмет, вернуть шурупы или что-либо подобное. Эта отчуждённость его работы накладывала печать на его характер и настроение: был он малоразговорчив и, как было заметно, и не любил, когда к нему обращались с разговорами. Может быть, на таком его поведении отражалось и то, что он когда-то был изуродован: у него одна нога была сильно изогнута, и он ходил прихрамывая. У одного глаза у него было вывернуто веко.

Мы редко непосредственно соприкасались с И. И., вот разве только что-либо у парты случилось, и он приходил в класс и тут же производил необходимый ремонт, или когда при переходе на зиму он приходил в классы и прошпаклёвывал окна. Вот тогда-то мы и вели наблюдения над ним, на основании которых и получился описанный выше его образ. Из истории семинарии было известно, что И. И. однажды даже был инструктором по столярному делу. На каких условиях он обучал трёх или четырёх семинаристов столярному делу — это осталось нам неизвестным. Известно только, что, во-первых, учились они этому «по своей доброй воле», во-вторых, что они научились делать табуретки и тумбочки (3) и что по вине

одного из них, в-третьих, произошёл пожар в мастерской, после чего опыты с обучением столярному делу были прекращены (4). *Sic transit gloria mundi!*

Примечания:

1. В очерке «Иван Иванович» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Иван Иванович был типичный мастеровой человек из городских мещан и отличался от «зимогоров». Одевался он уже по-городски: носил визитку и брюки, заправленные в голенища сапогов. Сапоги у него были с лаковыми голенищами. На голове летом у него была фуражка с лаковым козырем, а зимой шапка из мерлушки. Верхнюю одежду у него составляли суконное полупальто осенью и весной, а зимой шуба с суконным верхом и меховым воротником. Чаще его, однако, можно было видеть без шубы или пальто, но с рабочим фартуком спереди. У И. И. была своя профессиональная гордость по отношению к «зимогорам», и он держался как-то обособленно от них. На обед и ужин он приходил в столовую, и здесь тоже старался не сливаться с массой «зимогоров». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 181–181 об.
2. Там же: «...точнее — над предбанником, а над самой баней жили сторожа. Там же. Л. 181.
3. В очерке «Сапожник» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Среди семинаристов находились иногда желающие изучить какое-либо ремесло не с целью сделаться ремесленниками, а просто потому, что сами руки у них как бы просили работы, как говорят,

«чесались». Это было здоровое явление и похвальное для юношей».

ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 68 об.

4. В очерке «Иван Иванович» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Говорили, что у него в городе где-то была не то жена, или просто дама сердца, которая изредка приходила к нему, и он позволял себе выпить.

Главную работу И. И. приходилось выполнять во время наших летних каникул, когда производился широкий круг ремонтных работ. Мы наблюдали уже результат искусной работы И. И. за этот период времени».

ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 182 об.

Михаил [ламповщик]

Под таким лаконичным названием работал у нас ламповщиком молодой совсем парень, вернувшийся с японской войны. Был он из «зимогоров». Самое замечательное было в нём то, что он вернулся с войны с душевной травмой. Нервная система его была потрясена, и он внушил себе, что его вот-вот должна настигнуть смерть. Жизнь его казалась ему пустой, тщетной, и всё внимание его было направлено на спасение души. Чуть оказывалось свободное время, он устремлялся в церковь, у него была постоянная потребность в покаянии. Он чуждался людей, был бледным, с тусклым взглядом, и среди «сторожей» стяжал репутацию «святоши», подвижника. Жил он в одиночестве в комнате, которая была складом керосина.

Скоро эта особенность Михаила была замечена, и он был переведён в церковные сторожа, однако во время империалистической войны (в 1915 г.) его в семинарии уже не было, а должность церковного сторожа в семинарии исполнял эвакуировавшийся из восточной Галиции псаломщик-униат, а Михаил, вероятно, был призван в армию, если только не прикрылся одеянием монаха (1).

Усиленная миссионерская деятельность в стенах семинарии.

После русско-японской войны в Перми наблюдался большой приток эвакуированных откуда-то корейцев. Чем они занимались и на что существовали, нам было неизвестно. Не было известно нам также и то, кто вёл среди них пропаганду или, выражаясь на богословском языке, миссионерскую деятельность, но в семинарской церкви несколько раз совершилось крещение взрослых уже корейцев, иногда целыми семьями. В западной части церкви между колонн ставились большие баки с водой, защищённые ширмами. Здесь после обедни и совершалось крещение, причём восприемниками были кто-либо из благочестивых посетителей церкви. Говорили, что, принимая крещение, крестившиеся преследовали материальные интересы: их шефы, крёстные, как их называли, брали на себя обязательство устраивать их на работу (2).

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний имеется очерк «Михаил», в котором автор добавляет, что он ещё прислуживал в семинарской церкви: ставил свечи, производил уборку в ней. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 178–179.
2. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует. Информация о крещении корейцев добавлена автором в очерк о ламповщике Михаиле, который устраивал в семинарской церкви купели для их крещения. Кроме того, автор добавляет, что восприемниками при крещении выступали постоянные посетители семинарской церкви — купчихи, вроде вдовы семинарского старосты С. Е. Кусакина. Там же. Л. 178–179.

«Сторожа»

«Сторожами» в семинарии называли тех людей из обслуживающего персонала, которые выполняли самые разнообразные работы, относящиеся к хозяйству её во всём разнообразии их. Это были люди, не имевшие специального назначения, люди, не имевшие определённой производственной физиономии. Из состава их по мере раскрытия их талантов выделялись уже люди специального назначения, как то: ламповщик, банщик, помощник повара, буфетчик и т.д. Но это мало что давало им в смысле повышения заработка: в лучшем случае он повышался на один рубль. Всё-таки положение таких людей улучшалось уже в силу того обстоятельства, что работа у них была определённое, а не «мотали» их, как они сами выражались, по разным работам.

Все они были вятские зимогоры и чаще всего они являлись в семинарию на зиму из года в год. Если же некоторые из них являлись вновь, то не иначе, как из живущих в одной деревне с кем-либо уже из осевших на работе в семинарии. Все они чаще всего были бородатые, очевидно, обременённые семьями, что и побуждало их ехать в город на заработки. «Сторожей» общего назначения, т.е. разнорабочих, коих теперь называют, было человек десять. Для житья их отведена была большая комната над баней. Здесь стояли их кровати в длину комнаты, как в спальне семинаристов. Кровати были из разных выбывших из строя, но приспособленных для спанья с разными деревянными приспособлениями — ножками, подставками, перекладинами. На них лежали разные списанные в расход матрацы, но как-нибудь слатанные, перевитые шнурами и т.д. А всё прочее было уже, как кто мог украсить своё ложе. В комнате было всегда тепло, а в банные дни жарко. Чистота в комнате вверялась самой комнате, т.е. так, как это делалось в ночлежках. Жили только мужчины; женского пригляда не было. Атмосфера была, как в «жилых» помещениях.

Рабочий день «сторожей» не был нормирован, а работы были постоянного типа и авральные, к последним относились, например, уборка снега, чистка на кухне картофеля, когда его нужно готовить в большом количестве. Постоянными работами были: прислуживать во время обеда и ужина — разносить на подносах блюда, хлеб, т.е. выполнять функцию официанта; топить печи в главном корпусе — колоть дрова, поднимать их на второй и третий этажи; носить воду в умывальник на третий этаж, мести полы швабрами в главном корпусе и ходить на промывку швабр на ручей, расположенный в полугоре, недалеко от семинарии. Из всех этих работ самой кропотливой была работа официантом, потому что она требовала ловкости и подвижности, что для деревянного бородача требовало некоторого навыка. Колоть дрова помогали иногда семинаристы, любители физического труда, но это было явление случайное. Физические работы «сторожей» распределялись по некоторому, правда очень грубому, «на глазок», принципу «равновесия», т.е. примерно по равной нагрузке на рабочую силу.

За свой труд «сторожа» получали по шести рублей в месяц и питание. Что входило в рацион «сих малых»? Нужно отдать справедливость нашему шеф-повару Кириллу Михайловичу: он не обижал их. Хлеба они получали сколько угодно. От всего, что готовилось не порционно, они за обедом и ужином получали вдоволь супа, каши, киселей, разных приправ и гору костей от супа, причём кости это были не те, про которые сказано «*Sero venientibus ossa*», а такие, что около них можно было «пожиться» мяском. Кирилл Михайлович опять-таки не обижал своих земляков и поступал он правильно.

Из всей этой, можно сказать, безликой массы выделялись уже отдельные личности, а среди них были даже такие, которых можно назвать *persona grata*. Такой *persona grata*, например, был буфетчик. Это было лицо, которое находилось в непосредственных отношениях с семинаристами, и которые именовали [его] по имени и отчеству. В наше время на этой должности из года в год был Иван Степанович, тоже из вятских, очень степенный, обходительный человек.

По своей деятельности он стоял близко к повару, но не имел такой квалификации, как тот, и поэтому труд его оплачивался значительно ниже. В его обязанности входило ежедневно утром и днём готовить кипяток к чаю, для чего согревать куб с водой, причём воду ему приносили «сторожа», и распределять булки к чаю, которые составлялись из булочной Шпиловского. Кроме того, в начале каждого месяца он должен был под расписку распределять сахар по два фунта в кульках и чай в пачках по восьмушке.

Такое его служебное положение давало ему возможность иметь некий личный «интерес», т.е. подторговывать, что не возбранялось. Поэтому у него на столе всегда имелись в запасе «плюшки», что теперь называют венскими, которые он продавал по три копейки, имея полкопейки прибыли. Он отпускал и в кредит. На этот счёт у него существовала солидная тетрадь, в которую вносились кредитные операции. Не было слышно, чтобы кто-нибудь его обманул. По роду своей деятельности он хорошо знал всех семинаристов. Любопытная деталь: был один год, когда Иван Степанович почему-то не явился в семинарию, и на его месте подвизался некий Иван Антонович, тоже из вятских (1). Когда в следующем учебном году я поступил в Казанскую дух. академию, к своему большому удивлению, я встретил там Ивана Антоновича в «сущем сане», т.е. буфетчиком, причём он тоже торговал «плюшками», как это было в семинарии, а дополнительно яблоками, фруктовой пастилой и т.д. Очевидно, торговля имела «смысл».

Иосиф был помощником повара. Он был принят на кухню специально для выполнения тяжёлых работ, например, для проверчивания через машинку мяса на котлеты. Он был моложе других «сторожей», бритый, очевидно, со времён «солдатчины». Имел пышные усы, причёску ёжиком. Казалось, надеть только на него солдатскую «бескозырку» и тужурку, и перед вами появится «служивый». Сила у него была большая, и он не прочь был иногда похвастаться своими бицепсами, а то и показать свою силу. Был ли он семейный человек или нет, никто не знал, но натура у него была

страстная, и когда позднее в семинарии был учреждён штат поломоек, он доставил им немало «забот». Кирилл Михайлович по своей физической консистенции был полной противоположностью Иосифу, но как ближайший его начальник любил подшучивать над ним, особенно над его страстными порывами. Платили ему 7 или 8 руб. в месяц.

Кондратий. Его часто незаслуженно небрежно называли «Кондрашка». Он выполнял две хозяйственные функции: был банщиком и кормил свиней. Баня топилась через десять дней, и всякий раз функционировала в течение двух дней. За это время в ней мылись семинаристы и весь служебный персонал, связанный своим жильём с территорией семинарии. Кондратий приходил на квартиры жильцов и приглашал в баню, и в этом случае ему, очевидно, перепадали кое-какие чаевые. Был он в отличие от других своих земляков жгучий брюнет. Невысокого роста, сухощавый, жилистый, он был очень подвижным. Лицо его было густо покрыто волосами, чёрными, как смола; глаза карие западали глубоко. Он производил впечатление человека с хитрецей. Любил пошутить. ... Нам почему-то казалось унижением для Кондратия то, что заставили его кормить свиней. Нам также казалось, что он должен быть одиноким бобылём вроде тургеневских Касьяна или Сучка (2). С таким наружным видом, какой был у Кондратия, автору сего представляется наружный вид Емельяна Пугачёва и думается, что он мог бы позировать для зарисовки портрета последнего (3).

Петя больничный (4). Он сначала был обычным «сторожем», а потом перевели его в «больничные». Он был высокого роста, сильный. Лицо у него было в карявинах, почему его называли ещё карявым. Кто его рекомендовал на эту работу — было неизвестно. Непонятно было также, как он согласился на эту работу, на жизнь в одиночестве да ещё вдобавок с больными. А жить ему приходилось больше, чем кому-либо другому, в одиночестве. Правда, дважды в день он ходил в столовую за обедами и ужинами, но это были мимолётные встречи, а всю остальную часть дня он был на кухне больницы,

где за занавеской у него стояла кровать. К нему никто не должен был приходить, и он не мог никуда отлучаться на продолжительное время. В какой-то степени он должен был быть и за больничную кастаньяну, и за медицинскую сестру.

К счастью, серьёзных больных в семинарской больнице почти не бывало. За всё время нашего обучения в семинарии было два или три случая заболевания брюшным тифом и столько же случаев заболеваний пневмонией. Да и больных враз было обычно немного, так что и уборка комнат сокращалась до *minimum*а. Может быть, это и привлекало на эту работу. Во всяком случае он ежегодно являлся на работу в больницу, так что мы привыкли его видеть в ансамбле наших «эскулапов». Петя потом значительно освоился со своей «специальностью» — настолько, что, например, научился отличать среди больных симулянтов, но «тайны» не выдавал. В вечерние часы, когда заведомо было известно, что никто в больницу не заглянет, больные любили посидеть в кухне около топящегося камина, поболтать на злобу дня. И для Пети это тоже было развлечением. Иногда он при случае просил кого-либо из больных написать для него письмо семье в деревню (5).

Платон. Он был сменным швейцаром. Должность эта была учреждена, когда стало ясно, что работа бессменно для одного непосильна. На Платона была возложена обязанность, кроме сменных дежурств, топить печи в квартире помощника инспектора. Он был молодым, холостым. Почему-то не был взят ещё в армию. Странность его состояла в том, что он имел пристрастие к знакам отличия не по работе в случае награждения, а по принадлежности к разным организациям, скажем, физкультурным или каким-либо другим. И он обращался за советом о том, как бы ему приобрести тот или иной значок. Иногда он сам говорил, что вот такой-то значок можно получить, но нужно сделать большой взнос.

Боже мой! Сколько разнообразных людей, разнообразных характеров встречали мы в семинарии, людей милых, добрых, которые своим скромным трудом давали нам возможность расти,

учиться, о которых память сохранила самые лучшие воспоминания! И теперь, когда уже много пережито разных невзгод, образы их возникают в памяти наряду с другими светлыми картинами юношеских лет.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется отдельный очерк «Иван Антонович», в котором в образе буфетчика семинарии автором представлен только Иван Антонович. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 172–173.
2. Персонажи из сборника рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника»: «Касьян с Красивой Мечи» и «Льгов».
3. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора очерк «Кондратий» включает информацию и из очерка «В бане», который помещается во второй части. ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 175–177 об.
4. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Петя карявый». Там же. Л. 183–185.
5. В очерке «Петя карявый» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Как на Петю влияла новая среда? Несомненно, в лучшую сторону: Петя как-то стал больше следить за собой — чище и аккуратнее одеваться, стал собраннее, и было заметно, что он стал на самом деле походить на «брата милосердия» желанием угодить больному...» Там же. Л. 184 об.–185.

Яша
[(швейцар)]

Когда мы возвращались в семинарию после длительных летних каникул, мы знали, что у входа в учебный корпус нас встретит Яша. Мы также знали, что если в это время будут официальные часы занятий, то он нас встретит в ливрее, а если неофициальные, что бывает от двух до пяти часов дня, то мы увидим его в обычном домашнем облачении. Яша — наш семинарский швейцар. Обычно с представлением о швейцаре связывается представление о человеке солидного сложения и даже с бородой в виде лопаты. Ничего подобного не было в фигуре Яши. Он был среднего роста, несильного сложения, с русыми волосами, подстриженными «под польку», без бороды, с бледноватым оттенком лица. Всё обыденное, нет ничего особенного. В его лице и фигуре не было даже ничего «мужланского»: не поймёшь, то ли он из крестьян, то ли он из мещан, известно было только, что он «вятский».

Все прочие наши сторожа жили и работали вместе — коллективно. Над баней были рядами расположены их лежа — подобие кроватей — в одной комнате. Вместе они выходили колоть дрова, топить печи, убирать снег. Вместе со швейцарами на плечах, толпой, подобно грузинкам в опере «Демон» (1), спускались к ручью в полугоре, чтобы промыть эти орудия своего производства.

У Яши были совершенно другие условия жизни. Он жил одиноко подобно раку-отшельнику: у вешалки для семинаристов, налево от входа, была у него маленькая каморка. От вешалки она отделена была небольшой деревянной стенкой, не доходящей до потолка: для света и воздуха. Здесь между печкой и стеной зажата была его кровать, покосившаяся, покрытая чем-то вроде одеяла; стоял столик, с чайником и мисочкой, а у дверей висела его ливрея. Не в укор будет сказано Яше, несмотря на то, что как будто бы было достаточно предоставлено средств для обмена воздуха, в комнате припахивало «жилым».

Все остальные сторожа подчинены были только эконому, человеку по характеру своему мягкому. Редко, когда приходилось чистить картошку, были в распоряжении нашего повара Кирилла Михайловича, человека тоже «вятского». Они имели возможность при случае и «улизнуть» с глаз грозного главы семинарии — ректора К. М. Добронравова. У Яши в этом отношении было совсем иное положение: он был на «бойком» месте, им мог всякий командовать, а по отношению к главе семинарии он, наоборот, был обречён на постоянные встречи и различные поручения. Все остальные сторожа могли в свободное время поболтать, пошутить добродушно даже над собой: «вятский народ хватский, семеро одного не бояться, а ежели один на один, то все котомки отдадим». Яша был лишён такой возможности. Его положение в некотором отношении напоминало положение Герасима из «Муму» Тургенева. Правда, он иногда и семинаристам рассказывал о своей военной службе на Кавказе: рассказывал, как там выпекают чуреки, как дружат между собой кунаки и т.д. Но разве эти рассказы могут заменить разговоры собравшихся в кружок вятских зимогоров?

Три звонка, как неотвратимый рок, властвовали над Яшей: один у входной двери, другой в комнате ректора и третий, который был у него в руках с утра до вечера. Первый звонок не давал Яше заснуть с вечера: возвращались семинаристы из театра, мог возвращаться откуда-то кто-нибудь из проживающих в учебном корпусе начальственных лиц — инспектор, его помощник и т.д. Звонок в этом случае подавался в полную силу: настойчивый и энергичный. Но он мог быть и слабым, просительным: «Пропустите!» Яша знал значение этого звонка: это кто-то из незаконно отлучившихся из семинарии возвращался, «яко тать в нощи». Яша с риском для себя, предварительно осмотревшись, не наблюдает ли за ним «недрёманное око», пропускал.

Второй звонок, резкий и нетерпеливый, был крепко знаком Яше. Это значило, что нужно было немедленно сорваться с места, с любого положения и бежать к двери ректорского кабинета, а оттуда

опять куда-либо стремительно мчаться с поручением. И вот мы видим Яшу стремительно поднимающимся по лестнице, робко входящим в какой-либо класс со словами к кому-либо из семинаристов: «Вас отец «лектор» требует». Горе Яше, если почему-либо явка вызываемого задержится: звонки становятся всё нервнее, а Яша, заплетаясь в своей длинной ливрее, стремительнее подбегает и удаляется от двери ректорского кабинета.

Третий звонок превращал Яшу в «ходячие часы». Этот звонок уже не к нему шёл, а от него, но всё равно он властвовал над ним: он держал его в постоянном напряжении. С шести часов утра и до девяти часов вечера, с перерывом от двух до пяти часов, этим звонком Яша должен направлять жизнь по определённому руслу, ежедневно, с точностью до минут. К этому звонку в часы занятий присоединяется ещё звонок из ректорского кабинета, и для Яши начинается нечто вроде игры на двух досках для шахматиста. Уже около девяти часов утра Яша, кроме того, что он должен следить за часами, время от времени припадает к окну и смотрит, не прогуливается ли по панели перед семинарией «грозный»: нужно не прозевать открыть ему наружную дверь, стремительно пробежать и открыть дверь для входа ректора в кабинет, принять одежду его и повестить её на вешалку. Но бывает и так, что «грозный» даст звонок для открытия для него входной двери, хотя она и не замкнута на замок. Яша знал и такие случаи.

Началась официальная часть учебного дня, и мы видим Яшу в ливрее. Нет, она не делала его величественнее. Казалось, что в ней он был, как в футляре, и, наоборот, вид его становился похожим на вид какого-либо служки, который надел на себя кафтан с чужого плеча, более широкого, отчего казалось, что кафтан висит на нём, как на манекене. Полы, длинные не по росту Яши, явно затрудняли его движение. Это особенно было заметно, когда он бежал открывать дверь «грозному» для входа на урок в шестом классе. Сгорбившийся, немного боком, вприскок на лестнице, разбрасывая в стороны длинные фалды ливреи, бежал он впереди «грозного», открывал ему

дверь, затем закрывал и только в этом случае, чувствуя, очевидно, что «грозный» в данную минуту не может его куда-то погнать, позволял себе «роскошь» спокойно с перевалкой спускаться вниз. Бывали ли случаи, что «часовой» механизм Яши «сдавал»? Передавали, что был случай, что Яша однажды дал звонок с урока на десять минут раньше срока. Что с ним случилось тогда — неизвестно, но говорили, что с Яшей тогда поступили гуманно: без штрафа и взыскания.

Когда после обеда мы возвращались из столовой, то нам на встречу попадал Яша с мисочкой и тарелочкой: он шёл к Кириллу Михайловичу за «рационом». Шёл он как-то бочком, около стенки, и так же возвращался в свою каморку. Помимо служебных «перипетий», о чём сказано выше, на Яше ещё лежал надзор за сохранностью одежды семинаристов, а во время богослужений и за сохранностью одежды приходящих в церковь. Номеров на вешалках не было, и это как бы снимало с Яши ответственность, но случись что-либо, едва ли его оставили в покое; благо, как говорят, бог хранил, и о случаях пропажи одежды с вешалок было не слышно, по крайней мере, в серьёзной форме.

Будучи свидетелями «жития» Яши, мы как-то никогда не задумывались над тем, были ли у него жена и дети: мы привыкли видеть его анахоретом. Но вот в семинарии произошла большая перемена в её санитарном состоянии: уборка швабрами была заменена мытьём полов, и появились поломойки. С Яшей приехала из деревни его жена. Казалось бы, следовало только радоваться за Яшу, но дело с приездом жены обернулось против Яши. Как передавали злые языки сторожей, а мы ведь не были отгорожены от них глухой стеной, Яшина жена была из тех, кого, говоря о муже, отмечают словами: «она ему не пара», или «взял дерево не по себе». Рядом с ней Яша явно проигрывал: она имела подвижной темперамент, привлекательный наружный вид, и в ней, по рассказам сторожей, было что-то такое, что в нашем представлении роднило её с горьковской Мальвой.

И вот пошли слухи, намёки, в которых никак не разберёшь, где кончается правда и где начинается ложь. Надо полагать, что повод

к этому подавала и сама «благочестивая Яши». Мойка полов производилась ночами по всему необъятному пространству семинарии. Сторожа семинарии, среди которых были и безбородые, оторванные от нормальной семейной жизни, приглядывались к новым своим товарищам далеко не по служебным только делам. А помощник повара Кирилла Михайловича, здоровенный детина Иосиф, явно переживал «томление» природы и, как говорили, не раз закручивал свой ус в присутствии Яшиной жены. Бедный Яков явно оказался в двусмысленном положении. Жена Якова приходила иногда в его каморку... Но не было ли это только приездом Мальвы на остров к Василью...?

...Как-то мы увидали Якова в тёмных очках, а потом, говорят, он совсем ослеп. Дальнейшая судьба его нам не известна. Если он уже умер, то от всей души хочется сказать ему: «Мир праху твоему!»

3/IX [1960] 9 ч. 53 м. время свердловское (2)

Примечания:

1. «Демон» — опера А. Г. Рубинштейна в трёх действиях, семи картинах, на либретто П. А. Висковатова, по одноимённой поэме М. Ю. Лермонтова.
2. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется развёрнутый очерк «Яша», датированный «19/III [1964. — *Ред.*] 5 ч. вечера». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 70–79.

Scriba
[(секретарь)]

Так мы называли секретаря семинарии Александра Ивановича (1). Мы застали его уже в возрасте за сорок лет. Утрами мы видели, как он шествовал по коридору на работу в учительскую комнату, где ему была отделена для работы небольшая комната против вешалки, а в 3–4 часа видели его возвращающимся домой. Запомнилась его плотная фигура. Иногда он приходил и в вечерние часы, порой с неуверенной, покачивающейся походкой. В этом случае он позволял себе вольность заговорить даже с кем-либо из встретившихся семинаристов несколько фамильярно, обычно же он придерживался сухого официального тона в границах служебных отношений.

Никто из нас ничего не знал о его личной жизни, и казался он нам каким-то посторонним придатком к семинарии, постоянным, но не относящимся к её основной линии. С ним мы соприкасались только при получении почты и по случаю заверки денежных переводов на предмет получения денег. Мы видели в этом случае его сидящим у окна, выходящего на соборную площадь, спиной к входящим в комнату. Он молчаливо поворачивался, так же молчаливо вручал почту или брал перевод, заверял фамилию адреса, ставил печать и вручал его владельцу перевода.

Мы знали, что А. И. давно уже работал в семинарии, с юношеских лет, и был в известном смысле живой её летописью. Так, стоило заговорить только о ком-либо из бывших питомцев семинарии, как он оживлялся и извлекал из кладовой своей памяти яркие картины из былого. С особенным удовольствием он вспоминал об А. С. Попове. Какова была дальнейшая судьба А. И., осталось для нас неизвестным (2).

Примечания:

1. Некрасов Александр Иванович — письмоводитель правления Пермской духовной семинарии, мещанин г. Перми. Автор не указывает фамилию в «пермской коллекции», а в «свердловской» — указывает, но ставит под вопрос.
2. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «По-прежнему работал в семинарии *Scriba*, «человек двадцатого числа» — Александр Иванович Некрасов (?). Человек угрюмый, неразговорчивый, двадцатого числа каждого месяца (день выдачи жалованья) он оживлялся, любил вспомнить старину и всегда при этом повторял, что он хорошо помнит по семинарии Александра Степановича Попова». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 123.

Трагическая гибель

С. Е. Кусакина

С. Е. был в нашей семинарии церковным старостой. Он пришёл на смену Демидову, одному из последних отпрысков могущественных когда-то Демидовых, владельцев заводов (1). Старостой С. Е. избран был, очевидно, потому, что был влиятельным купцом и жил неподалёку от семинарии. Он торговал различными сортами кожи, и, надо полагать, очень успешно, потому что, будучи ещё совсем молодым, он был уже владельцем двухэтажного кирпичного дома неподалёку от семинарии. При нём были сделаны литые серебряные царские врата; сделаны новые чехлы на подсвечники и аналой для Великого поста из чёрного бархата и белые на Пасху и другие торжественные праздники; сменены старые ковры на новые; кое-что новое поступило в ризницу.

Главное же, что было предметом особенной гордости Семёна Епимаховича, это — проведение в церковь электричества. Главным средоточием электричества было паникадило, и вот когда за все-нощной хор пел «Слава в вышних Богу и на земли мир» и когда он с особенной силой пел слова «Во свете Твоём узрим свет», С. Е. включал электричество на паникадиле, и церковь озарялась ярким светом. Так было и на первых порах пользования электричеством в церкви, но потом, очевидно, было обращено внимание на то, что получалось это слишком театрально, натуралистической бутафорией, этот номер был снят.

Подошла революция 1905 года, и С. Е. насторожился. Нам не было известно, состоял ли С. Е. в какой-либо монархической организации (2), но он сам не скрывал того, какие он предпринял меры предосторожности. Он всегда имел при себе браунинг и, не стесняясь, говорил, как он намерен защищаться. Он говорил даже семинаристам: «Пусть кто-нибудь ясным днём зайдёт ко мне в магазин и в шутку или всерьёз скажет «руки вверх», не сходя с места, застрелю». И вот случилось так... Пришёл как-то С. Е. домой на обед в самом благодушном настроении и решил для возбуждения аппетита «пропустить единую», наклонился за бутылочкой, из кармана жилета выпал браунинг, приготовленный к стрельбе (такова была бдительность для внезапной защиты!), раздался выстрел... Вызванный вскоре врач посмотрел рану и сообщил, что речь может идти самое большее о двух часах жизни. За это время можно было только оформить завешание, что и было сделано.

На третий день гроб был поставлен на ночь в семинарской церкви. В церкви был полумрак. Глухо одна монашка читала псалтырь у изголовья покойного. В полночь три семинариста спустились к гробу, вглядываясь в лицо умершего. Один из них заметил какое-то отступление в причёске покойного, достал гребешок и поправил причёску.

Среди сторожей был один, который был истопником бани, по имени Кондратий. Он оказался участником похорон, а именно

был вызван обмывать труп умершего. Он потом рассказывал любопытным людям со свойственным ему юмором. «Мы обтирали», — рассказывал он, покойника вином. Вина было дано порядочно. Мы и покойника как следует обмыли, и ещё осталось». «Ну, и что?» — спросили слушатели. Кондратий блаженно ухмыльнулся и сказал... «а остаток выпили». Как после этого не сказать, что в жизни бывают случаи, когда смешиваются в одно и трагическое, и комическое.

Примечания:

1. Бывший до С. Е. Кусакина церковным старостой П. П. Демидов не имел отношения к горнозаводской династии Демидовых.
2. В одноимённом очерке в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «С. Е. был членом организации «Михаила Архангела», т.е. сторонником крайнего реакционного течения среди консерваторов». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 179 об.

*Посвящается моим бывшим
соученикам-семинаристам (1)*

В июне 1909 года Пермскую духовную семинарию окончили тридцать человек, тридцать индивидуальностей, которые в течение нескольких лет объединены были в одну группу, в один класс и подчинены были одной системе воспитания, существовавшей тогда в духовных семинариях. Теперь прошло уже более полу столетия с того момента, но память живо хранит их образы, а воспоминания настойчиво требуют ещё и ещё раз запечатлеть их в словесном рисунке. Таков закон юношеских лет! Вот эти юноши.

1. Мавровский Николай

С детских лет он остался без отца, бывшего священника. Его мать — вдова работала учительницей. Он и его сестра учились в духовных учебных заведениях на казённый счёт. Он последовательно закончил весь цикл духовных учебных заведений: Камышловское дух. училище, Пермскую духовную семинарию и Казанскую дух. академию. На его судьбе ярко отразилась та положительная сторона духовных учебных заведений, что сиротам духовенства обеспечивалась

возможность получить образование на казённый счёт. В течение всего курса обучения Н. Мавровский жил в интернатах, т.е. в течение четырнадцати лет. Это, естественно, не могло не наложить на его личность некоторые своеобразные особенности, черты бурсной, бурсацкой жизни. Так, у него была какая-то странная наблюдательность за одеждой других. Бывало так, что он вдруг подойдёт к кому-либо из товарищей и заявит: «Ты эти брюки носишь уже третий год». Привычка получать казённую одежду по определённым срокам, очевидно, воспитала в нём такого рода наблюдательность. Уже в шестом классе семинарии он завёл тетрадку со списком товарищей и в неё делал отметки о состоянии причёски у кого-либо из товарищей и кому-либо объявлял: «Я тебе сегодня поставил пять» (2). Но это были мелочи, странности, результат своеобразного быта «общежитников».

Главной же чертой его характера была общительность, стремление организовать других, руководить или в известной степени командовать другими. В этом отношении он был незаменимым организатором посещений театра, организатором вечеров, на которых он всегда красовался в сюртуке с красным бантом, пышно развешивавшимся при ходьбе. В этот момент он имел величественный вид и, как видно, чувствовал себя на высоте своего призвания. Организаторская деятельность его была разнообразной: он организовывал, например, трио певцов для церкви женской гимназии в Великом посте, для совершения всенощной в губернском земельном учреждении; организовывал семинаристов на продажу ромашки в день 1-го мая в пользу туберкулёзных и т.д. Неудивительно поэтому, что при поступлении в академию он сейчас же выдвинулся среди других и избран был студенческим деканом курса (3).

Здесь он выступал посредником между студентами и профессорами по оформлению лекций для подготовки к экзаменам, между студентами и администрацией по организации традиционной ёлки для детей служащих академии на Новый год и т.д. Одним словом, он был душой студентов курса и всегда был в их окружении.

Он откуда-то разузнал о юбилейных датах наших бывших учителей и организовывал нас на чествование их. Так, ещё в семинарии по его именно инициативе мы посылали приветственную телеграмму смотрителю Камышловского духовного училища Михаилу Николаевичу Флорову по случаю двадцатипятилетия его педагогической деятельности. Когда же в академии было чествование профессора Ф. А. Курганова, то он именно выступал с приветственной речью (4).

Известно, что Мавровский Николай Николаевич по окончании академии был назначен преподавателем в Белгородское дух. училище. Последнему его замыслу в академии — о встрече с академическими друзьями в Казани через десять лет после окончания — очевидно, не суждено было совершиться.

2. Харин Евфимий

Он был первым по результатам учения, *primus*ом (5), как принято было у семинаристов называть таких учеников. В то же время у него была удивительная черта — быть незаметным среди других. Он учился на казённый счёт и жил всё время в общежитии, но как-то он ухитрился так вести себя, что его нигде не видно было, или он как бы стоял в стороне и наблюдал что-либо издали. Завязывался ли какой-либо горячий спор, собиралась ли компания в театр, собиралась ли группа певцов или музыкантов, он стоял как-то в стороне, наблюдал и молчал. На вечерах, когда все включались в общий поток гуляющих, он как-то пытался соединиться с массой, но всё стороной, боком. Он не примыкал к кружку проповедников и не проявлял особенных признаков увлечения религиозными, богословскими науками, но ему как-то удивительно легко удавалось постигать ту премудрость и особенно писать сочинения на богословские темы. Нельзя сказать, чтобы он много читал и вообще увлекался чтением, как это было у некоторых других, которые читали «запоем», но он как-то умел подобрать самое необходимое ему для сочинения и

искусно использовать его (6). Когда он отвечал урок, то как-то не то стеснялся, не то нервничал, но не умел произвести внешне хорошего впечатления, хотя ответ был очень содержательным и исчерпывающим вопрос.

Не была ли его некоторая отчуждённость от других товарищей проявлением гордости? Нет! Иногда товарищи позволяли себе по отношению к нему более фамильярные выходки, чем это полагалось по принятым обычаям взаимных отношений между «братвой», например, подшучивали над его фамилией «Харин», то он не реагировал на это, как надлежало бы человеку гордому, а снисходительно и добродушно говорил, что его фамилия происходит от греческого слова *charis* (7). Нет, он не был гордым, но своеобразным типом человека, выражаясь на философском языке, «*an sich*» (в себе). Никто из нас точно не знал его происхождения, и прошёл он семинарию как-то боком, стороной, но *primus*ом, что он блестяще подтвердил при поступлении в Киевскую духовную академию, заняв в ней на приёмных экзаменах по конкурсу первое место.

После окончания академии он работал в Пермском епархиальном училище преподавателем. Показательно, что, кончивши семинарию в том городе, где он работал, и, очевидно, зная, что в семинарии подвизались на педагогической работе его товарищи по ней, он не бывал в семинарии. Как прошёл её боком, стороной, так и остался в стороне от неё. Теперь его уже нет в живых: он [рано] умер от тифа. Мир праху его!

3. Иваницкий Николай

Он был из духовного сословия. До пятого класса он ничем не отличался в ряду своих товарищей, но потом ударился в мистику. Как это получилось, никто не заметил, а обнаружили, когда уже стали проявляться внешние признаки этого: куда бы он ни заходил, где есть икона, и сколько бы раз ни заходил, он обязательно творил

«умную» (умственно) молитву и крестился (8). По окончании семинарии он принял священный сан. В 1913 году он поступил учиться в Казанскую духовную академию и, очевидно, окончил её в 1917 году. Дальнейшая судьба его неизвестна (9). Любопытно, что в семинарии одновременно с ним учился его брат, Пётр, моложе его на три-четыре года, который по характеру был полной противоположностью ему: он был певец, щеголеватый, совершенно чуждый всякого рода религиозности. Впоследствии он поступил учиться в Казанский ветеринарный институт.

4. Пономарёв Виталий

Товарищи называли его «Витилло» (10). Его любимой манерой было «мудрить», т.е. принимать мудрый, «заумный» вид. Казалось что-либо всем простым, понятным, а он старался на всё взглянуть глубже, мудрёнее. В этом случае он принимал вид мудреца и развивал свою мысль, выглядывая сверх своих очков. Он любил пение, хотя в хоре и не состоял. Любимым его романсом был: «Я пережил свои желанья». Этот романс когда-то исполнялся на семинарском вечере под «немой» аккомпанемент хора, и он так понравился Виталию, что он его часто пел, причём у него был неплохой баритон. За год до окончания семинарии Виталий начал готовиться для поступления в Петербургский историко-филологический институт (11), в 1909 году поступил в него и окончил его [в] 1919 году по классическому отделению.

До революции он работал преподавателем в одной из петербургских гимназий, а потом переехал в Оханск, где работал вместе со своей женой в школе II ступени (12). В 1924 году он был на областных курсах по переподготовке учителей [школ] II ступени в Свердловске, где встречался с автором этой статьи. Внешне он так и остался прежним «Витиллой». Он, между прочим, рассказывал, как начало первой империалистической войны застигло его за границей

и как с большим трудом он пробирался домой через Италию. Теперь его уже давно нет в живых (13). Как бывшему специалисту по классическим языкам приличествует ему по этому поводу сказать: «*Sit tibi terra levis!*»

5. Богословский Сергей

Он был сын священника Стефана Богословского. Он непродолжительное время жил в общежитии семинарии, а с переездом отца в Пермь жил у родителей, был, как тогда выражались у нас, «приходящим». Из детей он был старшим в семье. У «приходящих» во многом условия жизни отличались от живущих в общежитии: они только наполовину испытывали семинарский режим учения. Сергей среди нас больше назывался Серёжей Богословским. Три черты преобладали в его характере, поскольку он (характер) раскрывался в отношениях с товарищами, а именно: скромность, стеснительность, доверчивость. Будучи сами по себе не отрицательными или не столь отрицательными чертами, они у него представлены были в излишней форме и по закону диалектики о переходе количества в качество обернулись к нему своей отрицательной стороной в том смысле, что они поставили его в несоответствие с окружающей средой, которая не склонна была или мало склонна была рассматривать их как положительные качества, иначе говоря, не умела по достоинству ценить эти качества, а, наоборот, склонна была пользоваться ими во вред их обладателю.

Конечно, было мелочью, когда за обедом в семинарии, при потреблении третьего сладкого блюда, не распределённого по отдельным тарелкам, а подлежащего дележу на столе, вдруг раздавалось: «Серёжа, расскажи что-нибудь», чтобы отвлечь его от дележа; конечно, это делалось, в конце концов, в шутку, без злого умысла, но сводилось всё-таки к тому, чтобы подчеркнуть вот эти излишние скромность, стеснительность, доверчивость. А в академии нашёлся

один «товарищ» — прохвост (иначе назвать нельзя), который взял на себя роль Фигаро — диктовал письма и давал советы и той и другой стороне и об этом выбалтывал другим. Вот к чему привела доверчивость! А вот изнанка стеснительности: после женитьбы Сергей скрывал это — не носил кольцо. Он слишком долго оставался Серёжей Богословским, даже тогда, когда уже обстановка совсем не соответствовала этому. При этом всё он обладал редкой трудоспособностью, настойчивостью и трезвым умом. Это были его основные внутренние качества. Благодаря им он блестяще окончил семинарию, академию и впоследствии и университет. Ведь сумел же он перестроиться на исторические научные работы в университете!

Но скромность и стеснительность иногда становились в противоречие с его основными качествами: **они мешали внешнему проявлению его внутренних основных качеств**, за ними не видно было его упорной настойчивости в труде и его трезвого ума, что не давало возможности другим людям дать ему полную и правильную оценку, сам же он снижал свою самооценку. Вот почему в общественной и трудовой деятельности он занял место ниже того положения, которое соответствовало его природным задаткам, достигнутой им степени развития и научной эрудиции. Трагическая гибель его — был раздавлен трамваем 1/IV 1958 г. (14) — последовала раньше, чем он проявил все свои способности: он мог бы ещё немало сделать для науки. Чистотой своей души и высокими нравственными порывами он в какой-то степени напоминал светлый образ Алёши Карамазова. Спи спокойно, дорогой друг!

6. Козельский Григорий

Он рано остался сиротой на попечении своей больной матери и брата, псаломщика села Катарач Шадринского уезда. Моложе несколько был у него брат Феликс. Григорий учился на казённый счёт

в Камышловском духовном училище и в Пермской духовной семинарии. Перед экзаменами в четвёртом классе духовного училища он заболел воспалением лёгких, благодаря чему ему пришлось отстать от своих товарищей, и в семинарию он поступил только через год. В дух. училище он начинал учиться игре на скрипке, но потом забросил обучение. Он был большим любителем оперы, но сам не пел. Любил поспорить, причём в спорах упорствовал даже после того, как его оппонент доводил его мысль или отстаиваемый им тезис *ad absurdum*.

После окончания семинарии он непродолжительное время служил каким-то чиновником, а потом принял священный сан и служил в с. Стриганском Камышловского уезда. В своей деятельности священником он старался осуществить идеал «доброго пастыря», но рано умер от туберкулёза. В семинарии он показал себя хорошим товарищем, и поэтому заслуженно пользовался любовью многих семинаристов.

7. Бережнёв Пётр

Он был сыном Сарапульского протоиерея и поступил в нашу семинарию по окончании Сарапульского духовного училища. Он был пианист, что было редкостью среди семинаристов. Естественно, как своего рода «*unicum*» он был окружен особым почётом певцов и музыкантов (15). Как не прошедший особых условий «бурсацкой» жизни и живущий при обучении в семинарии в условиях отдельной квартиры, лично ему предоставленной, он отличался несколько независимым поведением, более тонкой и деликатной манерой обращения, однако не нарушая хороших товарищеских отношений с другими. Он всегда был элегантно одет с некоторой претензией на артистический манер. Так, он любил носить пышные галстуки, и причёска у него всегда была в идеальном порядке с применением соответствующей косметики. Мы считали его баловнем судьбы (16). Через год после окончания семинарии он поступил в Казанскую дух.

академию и, будучи уже студентом, женился и принял священный сан (17). Дальнейшая судьба его неизвестна.

8. Черепанов Леонид

Его все звали Лёничка Черепанов, наш красавец. Он на самом деле выделялся среди других товарищей правильными и тонкими чертами лица, стройной фигурой и чуть кудрявыми волосами. Конечно, нельзя его сравнивать с Аполлоном Бельведерским (18). Главное же его качество было в том, что до конца семинарии он сохранил чистоту своего сердца, мягкость и деликатность в отношении к товарищам. Уже в пятом классе он, очевидно, решил готовиться к принятию священного сана, принимал участие в проповедническом кружке, выступавшем в Стефановской часовне под руководством Н. И. Знамировского. После окончания семинарии он принял священный сан, но, по словам Н. И. Хмельнова, неудачно женился на купеческой дочери (19). После революции постригся в монахи и был епископом в Нижнем Тагиле с именем Льва. Пользовался популярностью и любовью у верующих, но потом был выселен, и на этом сведения о нём прекратились (20).

9. Михайлов Филагрий

Кратко его называли «Филат». Был очень сердечный товарищ, жизнерадостный, энергичный. Сейчас же после окончания семинарии женился в своём селе на дочери священника Смышляева, а осенью с женой они приехали в Казань, и он поступил в ветеринарный институт, который он блестяще окончил в 1913 году. В 1924 году автору этих заметок удалось встретиться с ним в Свердловске. В это время он был научным сотрудником Омского ветеринарного института и читал лекции по курсу ковки лошадей.

10. Хмельнов Николай

Тоже был очень сердечным товарищем и мечтал выучиться на врача, но судьба его сложилась иначе. Пришлось принять священство. После разного рода перемен и передрыг он всё-таки окончил Пермский университет по историческому факультету (21), а позднее — Московский заочный институт иностранных языков и работал преподавателем немецкого языка в Нижне-Тагильском филиале Свердловского политехнического института, а позднее в школе. В настоящее время он на пенсии и ведёт большую общественную работу в детском клубе, который он сам же создал в доме, где он живёт. На его судьбе ярко видно, насколько упорно и живуче семинарское племя (22).

11. Словцов Семён

Он как-то незаметно «прошёл» семинарию, и дальнейшая судьба его автору сего неизвестна.

12. Юмин Константин

13. Юмин Александр

Они поступили в нашу семинарию по окончании Сарапульского духовного училища. Они были дети какого-то административного начальника, кажется, пристава. Старший — Константин, младший — Александр. Жили они очень дружно. Александр прихрамывал, был небольшого роста и слабого сложения. Милые, сердечные товарищи! Они были жизнерадостные юноши, особенно Александр любил посмеяться, пошутить. Как передавали некоторые товарищи, с которыми приходилось встречаться, Константин по окончании семинарии принял священный сан, а Александр, как это уже достоверно известно, работал в Каменске-Уральском учителем сначала в так называемом четырёхклассном училище, а потом в школе второй сту-

пени, где преподавал литературу с большим успехом, но в известный момент «ят бысть» (23), после чего сведения о нём прекратились.

14. Павлинов Михаил

Он был элегантный молодой человек, приятной наружности. Надо полагать, был знаком с некоторыми так называемыми «злачными» местами. Учением себя не утруждал. В общем, был неплохой товарищ. После окончания семинарии работал надзирателем в Пермском дух. училище. В 1915 году был мобилизован, прошёл школу прапорщиков. В 1916 году, будучи контужен, лечился в Перми, где с ним и виделся автор сего. Дальнейшая судьба его неизвестна.

15. Чернавин Георгий

Его звали «Геря». Он был из тех милых товарищей, простецкая душа которых манила к себе, с которыми всегда хочется перекинуться словом, пошутить, посмеяться, немножко «подтрунить» над ними. Он был очень скромным, ничем не выделялся среди других. Как сложилась его дальнейшая жизнь — неизвестно.

16. Яковкин Александр (24)

Он выделялся среди других более высоким ростом: когда все стояли кучкой, то его голова главенствовала над другими. Голова его была вверху сужена, примерно так, как Гоголь описал строение головы Ивана Никифоровича, причём негустые волосы на ней торчали вихорком, что придавало ему несколько комичный вид.

Его наружный вид соответствовал и его внутреннему миру: он был природный комик. Любимой манерой его было рассмешить других. За это его все любили. Как он устроился в жизни — неизвестно.

17. Кочнев Михаил

В классе он ничем не выделялся. Были слухи, что по окончании семинарии он работал учителем.

18. Первушин Николай

К нашему классу Коля Первушин примкнул со второго класса, после перерыва в его учении в семинарии в течение двух или даже трёх лет, и поэтому среди других он был на положении «старичка». Сам Коля вроде как бы даже гордился этим и старался подчеркнуть, что он уже имеет кое-какой опыт в жизни. И в самом деле наружный вид его как бы подтверждал этот его тезис: лицо его было не-свежим, а на висках было что-то похожее на седину — не то волосы выцвели, не то он загрязнял их от частого потирания ушей. Чем Коля занимался во время перерыва в учении, он не говорил, но туманно намекал на какую-то историю в его жизни, роковой случай, вследствие которого ему пришлось оставить семинарию. Он рассказывал, будто в порыве мести инспектору П. С. Потоцкому за преследование его, он, встретивши во дворе его мальчика, так его «тряхнул», что с ним еле-еле отводились, молва же распространилась о том, что он убил мальчика. Об этом Коля рассказывал строго конфиденциально и не всем, а только тем, кому он доверял (25). Так ли это было или не так, но Коля любил показывать себя в таинственном виде *a la* Печорин. Хотя на самом деле он был, может быть, только Грушницким (26). Товарищи по классу, однако, смотрели на него как на человека [с] житейским опытом и при случае обращались к нему за советом, что он с достоинством принимал как должное. **Дальнейшая судьба его не известна (но в связи со слухами о каком-то священнике-математике, члене Парижской академии наук, возникает мысль, не он ли был этим математиком?) (27).**

19. Коровин Марин

Он пел в архиерейском хоре, тенор. Он не был солистом, а, выражаясь образно, «рабочей пчелой» в этой области. Таких певцов среди семинаристов было большинство, и они-то по существу и были главной основой хоров. Среди других Марин выглядел более взрослым. У него была какая-то сердечная болезнь, и однажды с ним случился сильный припадок истерики. Было это во время рождественских каникул. Вместе с другими он был на вечере в епархиальном училище. Как передавали, он там провёл время в беседе с одной «епархиалкой», на семинарском жаргоне это называлось «смаковал», а когда вернулся в семинарию, то ему стало казаться, что его кто-то преследует. Он стал прятаться сначала за вешалку с криком: «Он меня убьёт, он меня убьёт», а потом с этими же словами явился в спальню, стал закрываться одеялом, прятаться. Дело было в полночь. Все сбежались, стали прыскать ему в лицо холодной водой: он на момент приходил в сознание, а потом опять начинал своё. С час с ним возились, пока он уснул. Утром бледный, как покойник, он явился в класс. С ним же на почтении какого-то произведения не то Андреева, не то Куприна случился какой-то странный «идеологический» казус: вдруг он стал развивать тезис, что если есть в мире явления безнравственные, например, «падшие» души, типа Виолетты-Травиаты, то другие люди (он говорил в данном случае о себе) «не имеют права» (*sic!*) быть честными.

Боже мой! Какой только хаос царил иногда в головах у некоторых из нашей «братвы» в тот бурный период реакции после 1905 года!

Товарищи с уважением относились к Марину и в отличие от других называли его Марином Александровичем. Говорили, что у него была склонность к принятию священного сана. Дальнейшая его судьба, однако, осталась неизвестной.

20. Удинцев Александр

21. Удинцев Иван

Братья жили дружно. Старше был Иван. Александр был блондин, а Иван — брюнет. Иван был ростом ниже и очень подвижный, юркий, Александр вёл себя более солидно, и по всему было видно, что был авторитетом для старшего. У Ивана была шевелюра кудрей и излюбленная манера — встряхивать головой. Душа у него была какая-то простецкая, нараспашку. Он не любил мудрить и был весь на виду — жизнерадостный, приветливый, отзывчивый. Иван Павлович — так его все звали по привычке. Брат же его был более сдержанным, любил декоративное искусство и при организации пасхальных украшений был правой рукой Александра Борчанинова. Иван любил при групповом пении «подтянуть» вторым тенором.

Автору сего удалось встретиться с Иваном Павловичем в 1924 году на областных курсах по переподготовке учителей в Свердловске. Прошло пятнадцать лет после окончания семинарии, но он не изменился. Он сообщил печальную новость о том, что Александр умер (28). Рассказал и о своей «одиссее»: был псаломщиком до революции, а в момент встречи являл собой персону преподавателя обществоведения в школе II ступени. Ох и живуче это семинарское племя, живуче! Вот уж действительно — «Ванька-встанька»! Дальнейшая история И. П. неизвестна. Он был, кажется, по какой-то линии родственником Д. Н. Мамина-Сибиряка.

22. Попов Николай

Товарищи его называли Николай Николаевич. Он, помнится, был в классе единственным из «братвы», кто культивировал усы, и поэтому его, кажется, называли «моржиком». Он любил иногда «помудрствовать», но у него получалось всё-таки «лукаво» — невразумительно. Трудно было определить его интересы, вернее всего он

«проходил» семинарию, случайно в ней оказавшись. При всём том он был хороший товарищ. Впоследствии высказано было предположение, что оперный певец в Перми — сын его, но Н. И. Хмельнов говорил, что он детально исследовал этот вопрос (писал письмо-запрос по этому поводу артисту), и оказалось, что это предположение не подтвердилось. Дальнейшая судьба его для автора сего осталась неизвестной (29).

23. Старцев Анект

Товарищи его звали «Анефа». Передавали, что он был активным участником в революции 1905 года и будто бы однажды, возвращаясь с тайного собрания, чуть было не попал в руки полиции: был схвачен, но вырвался, получив ранение руки. Из учеников нашего класса тогда активистом был Костя Ламзин, который потом так и скрылся куда-то. Говорили также, что будто бы обыск, который производила в семинарии полиция, был вызван тем, что кто-то из семинаристов проболтался шпику о том, что у семинаристов много нелегальной литературы. Ко всей этой истории приплетали и Анекта, но в конце обучения в семинарии у него не было уже ничего, что свидетельствовало бы о его таком прошлом. Он, скорее всего, являл собой довольно распространённый тип «отбывателя» семинарии, а по окончании её, как говорили, принял священный сан.

24. Хохлов Александр

Его называли иногда в шутку «Фирма», потому что он торговал папиросами. «Чичиков в школьные годы» — так можно было бы охарактеризовать Александра Ивановича. Откуда у него взялась эта коммерческая жилка? Во всяком случае, не от того, что будто бы его не обеспечили родители. Часами он сидел за набивкой папирос, а

торговал с утра и до ночи, до отхода ко сну, в любое время приход к нему покупателя. О своих доходах никому никогда не говорил. Допускал небольшой кредит. Иногда можно было видеть его в глубокой задумчивости: он обдумывал торговые дела. Купец... и всё!

По окончании семинарии, говорят, он принял священный сан. О великий Овидий Назон! Твои «Метаморфозы» бледны по сравнению с тем, чему мы были свидетели.

25. Никитин Александр

Он был из тех «входящих» и «исходящих», которые проходили семинарию «не бросивши векам...», незаметно, стороной. Звали его товарищи «Никитой». И это было всё, что о чём осталось в памяти. Обидно, но так!

26. Максимов Андрей

Он тоже «отбывал» семинарию. По существу, она была для него «ни к чему», да и он для неё тем же. Он играл на мандолине. Его коронным и, кажется, единственным музыкальным исполнением был марш из «Нормы» (30). Он явно страдал от изучения богословской премудрости и был и мучеником, и мучителем учителей, для которых трудно было вытягивать его на «тройки». Зато полнокровной и интересной жизнью он жил в летние каникулы в с. Верх-Теченском Шадринского уезда, где отец его был священником. Здесь он был душой общества: организатором спектаклей, концертов, сам играл и был завзятым танцором, даже, можно сказать, кумиром деревенских барышень, хотя не имел привлекательных наружных данных. На свадьбах он являлся завзятым шафером, так сказать, неизбежным представителем или со стороны жениха или невесты. По окончании семинарии женился на девушке — агенте компании Зингер,

женился скоропалительно, как бы в отместку девушке-епархиалке, на которую он давно уже имел виды, но был отвергнут, переехал в Шадринск, здесь работал каким-то чиновником и рано умер.

27. Шкляев Александр

Он был из «приходящих». Имел странную окраску волос — пепельного цвета. Был отменный «джентльмен», всегда аккуратно одет. К учению относился «прохладно». Был очень общительный человек и неплохой товарищ. Казалось, что он больше был занят своей наружностью, чем внутренним совершенствованием. Так, он никогда не обнаруживал каких-либо особых интересов, скажем, к чтению, к каким-либо литературным и общественным событиям, но зато был любителем посещения вечеров и, вероятно, был ревностным участником в танцах. Как сложилась его дальнейшая жизнь — неизвестно.

28. Третьяков Константин

Он был низкого роста и несильного сложения, голова же у него была большая, не в пропорции с корпусом, вследствие чего он походил немного на гнома. Всем было известно, что он потихоньку служил Бахусу, и вообще ему не чужда была Мамона. Он был из «приходящих», и всё это было вне стен семинарии, как говорят, «шито-крыто». Во всяком случае, он был не из тех служителей Бахуса, которые любили пошуметь, «развернуться», проявить внешне свое «блаженное» настроение, а он удовлетворялся внутренним блаженством, своего рода погружением в какую-то нирвану. Он был эпикурейцем. Что же касается его отношения к богословским наукам, то он был не просто «отбывателем», а скептиком, т.е. активно сомневающимся в необходимости их изучения. Его отношение к ним можно было бы выразить словами: «мне это ни к чему». Самой боль-

шой ошибкой в жизни для него было бы принять священный сан, а зато он мог бы быть хорошим чиновником (31). Какова же была его дальнейшая судьба, автору сего неизвестно.

29. Затопляев Михаил

Он был из «приходящих» и во многом был похож на Шкляева Александра. По окончании семинарии он поступил учиться в Петербургский коммерческий институт. Институты этого типа были открыты недавно, и в них принимались кончившие семинарию (32). В 1914 году автор сего встречался с ним, причём он говорил, что он был субрегентом в Казанском соборе у известного композитора Архангельского, что показалось для автора удивительным, потому что Михаил ничем не проявил себя в области пения в бытность семинаристом. Дальнейшая судьба его неизвестна.

30. Игнатьев Василий

Сын сельского дьячка, он последовательно учился в духовном училище в Камышлове, в дух. семинарии в Перми и в дух. академии в Казани. Ещё со времени учения в духовном училище увлёкся пением, сначала церковным, а потом и светским. Он мог бы сказать, «что любил, как душу» — это было пение. Однако на всю жизнь в силу сложившихся обстоятельств он остался дилетантом и далеко не использовал тех голосовых средств, которые у него были от природы. Судьба его направила по педагогической стезе, на которой он находился сорок три года, из которых восемнадцать лет пало на работу в высших учебных заведениях в качестве преподавателя латинского яз. До 1938 года с 1919 года его преподавательская деятельность проходила в учебных заведениях самого разнообразного типа: реальном училище, мужской и женской гимназиях, коммер-

ческом училище, духовном училище и духовной семинарии, Ф.З.У., в Вечернем Комвузе, на разного рода рабочих курсах. В возрасте 69 лет он вышел на пенсию.

Самым светлым периодом своей жизни, с которым связаны у него лучшие воспоминания, он считает годы учения в семинарии.

Кончаю и могу сказать: «*Dixi et animam levavi!*»

Но, Боже мой! Какое же пёстрое разнообразие мы представляли в 1909 году, выходя из семинарии!

Сколько теперь уже нет в живых; а о скольких ничего не известно, а как хотелось бы узнать!

9.X.[1960] 10 ч. 08 м. вр. сверд.

Примечания:

1. Автор вспоминает своих соучеников в порядке разрядного списка всех окончивших Пермскую духовную семинарию в 1909 г., при этом в «пермской коллекции» замыкает собой список, а в «свердловской» упоминает себя 5-м, без указания сведений о себе.
В 1908/1909 учебном году Пермскую духовную семинарию окончили:
по 1-му разряду: Мавровский Николай, Харин Евфимий, Иваницкий Николай, Пономарёв Виталий, **Игнатъев Василий**, Богословский Сергей, Козельский Григорий, Бережнёв Пётр — признаны достойными звания студента семинарии;
по 2-му разряду: Черепанов Леонид, Михайлов Филагрий, Хмельнов Николай, Слобцов Семён, Юмин Константин, Юмин Александр, Павлинов Михаил, Чернавин Георгий, Яковкин Александр, Кочнев Михаил,

Первушин Николай, Коровин Марин, Удинцев Иван, Попов Николай, Удинцев Александр, Старцев Анект, Хохлов Александр, Никитин Александр, Максимов Андрей, Шкляев Александр — признаны окончившими полный курс семинарии;

по 3-му разряду: Третьяков Константин и Затопляев Михаил.

// ПЕВ. 1909. № 19 (1 июля) (офиц.). С. 165–166.

2. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции»: «Я тебе сегодня поставил за причёску четыре — снизил оценку: тут у тебя торчит какой-то вихорок». Там же автор добавляет: «Любил грешник попариться в бане и обязательно, чтобы «бздануть» квасом». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 190.
3. В то время декан не являлся должностью преподавателя или руководителя факультета, это был старший среди равных или староста, как в классах современных учебных заведений.
4. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Теперь дело прошлое, и можно вспомнить и о том, что Мавровский именно старался помогать кое-кому из студентов на экзамене: организовывал подготовку шпаргалок. «Быль молодцу не укора», — гласит по этому случаю пословица. Не чужд он был и кавалерских увлечений, и с этой стороны ему на семинарском жаргоне было присвоено название «балахоник». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 190 об.–191.
5. Евфимий Харин был первым по результатам обучения во 2-м, 3-м и 5-м классах и вторым — в 4-м и 6-м классах; Николай Мавровский — вторым по результатам обучения в 1-м и 3-м классах, четвёртым — в 5-м классе и первым — в 4-м и 6-м классах. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор исправляется и называет Николая Мавровского этим почётным званием, а Евфимия Харина называет «вторым *primus`ом*».
6. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «У него был талант писать сочинения, некоторые семинаристы в порядке домашней работы писали до десяти в течение учебного года. Приходилось наблюдать, что он как будто и

не особенно много затрачивает времени на писание сочинения, а получает «пять». Он умел как-то подобрать необходимый материал к теме: то что-нибудь использует из произведений святых отцов, то из какой-либо другой литературы...». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 191–191 об.

7. *Χάρις* — имя греческого происхождения, однокоренное со словом «харизма» — достоинство, подарок, благодать.
8. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...цветущий, румяный, красивый парень, не замкнутый в себе, не чуждавшийся смеха, шуток и всего прочего, что свойственно здоровому юноше, но вот поди-ты!». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 192 об.
9. Там же: «По слухам, некоторое время священствовал где-то около Свердловска, а потом исчез...» Там же. Л. 163 об.
10. Там же: «Из коренных жителей Прикамья, он имел несколько грубоватые черты лица: «курносый» нос, вдавленный с морщинкой посредине лоб, нависший на глаза». Там же. Л. 193.
11. Там же автор добавляет, что «он начал готовиться тайком от других, и только перед самым окончанием семинарии объявил товарищам о своём намерении». Там же. Л. 193–193 об.
12. Там же: «вместо латинского стал преподавать русский язык». Там же. Л. 193 об.
13. Там же: «В скором времени после этой встречи я узнал, что «Витилло» скончался». Там же. Л. 194.
14. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора ошибочно указан 1948 г.
15. В очерке «Семинаристы-музыканты» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «...учился приватно. Он мог аккомпанировать только для самых элементарных музыкальных произведений». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 107 об.–108.
16. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «К чести его надо сказать, что он, несмотря

- на это последнее обстоятельство, ни на то, что он был в некотором отношении персоной привилегированной, не поставил себя выше других, не «возгордился», а держался в составе общей семинарской «братвы». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 196 об.
17. Там же: «Студентам академии не разрешалось жениться, а он отступил от этого правила и вынужден был принять священный сан». Там же. Л. 163.
18. Аполлон Бельведерский — римская мраморная копия бронзового оригинала работы древнегреческого придворного скульптора Александра Македонского Леохара (ок. 330–320 до н. э.).
19. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...но неудачно, непродуманно женился на девушке из купеческой среды со специфическими привычками быта, которые она не смогла и, очевидно, не хотела преодолеть на положении «матушки». Семейный конфликт закончился разводом...» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 197 об.
20. Там же: «Был «во время оно» изъят...» Там же. Л. 164.
21. Там же: «...ему предложена была должность законоучителя в одном высшем начальном училище при условии надеть рясу, что он и сделал. Позднее он учился в Пермском ун-те, вторично надевал рясу [из-за материальных соображений — *Ред.*]». Там же. Л. 163–163 об.
22. Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 16 ноября 1960 г.: «Он вспоминает о семинарии, но его восприятие семинарии было иным, чем у нас с Вами. Он о семинарии отзывается сухо. Однажды он подчеркнул, что он теперь атеист. Однако он мне писал, что он очень хотел бы почитать мои мемуары... Я думаю, что отношение его к семинарии и учению в ней **очень противоречивое**». ГКБУ «ГАПК». ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 30.
23. «Ят бысть» — по церк.-слав. «взят был». Автор имеет в виду — репрессирован.
24. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Мы звали его «Якушкой». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757.

Оп. 1. Д. 376. Л. 200.

25. Там же автор добавляет: «Коле пришлось распрощаться с семинарией до того момента, когда Потоцкий не покинул семинарию, и только спустя три года после этого, когда, образно выражаясь, «изомроша ищущие отрочате», Коля вернулся в семинарию». Там же. Л. 201.
26. Печорин и Грушницкий — персонажи романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».
27. Текст вычеркнут И. С. Богословским по просьбе В. А. Игнатьева. Под священником-математиком имеется в виду Первушин Иван Михеевич (1826–1900).
28. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...работал не то учителем, не то каким-то чиновником». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 203.
29. Там же: «Не так давно один из моих знакомых передавал мне, что у него есть сведения, что Николай скончался в Харькове, где он жил у своего сына. Это всё, что мне известно о его судьбе». Там же. Л. 203.
30. Опера В. Беллини.
31. Из «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «человеком двадцатого числа».
32. В очерке «Нас было тридцать» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Жил, кажется, у родственников и был на положении баловня. Учился «из кулька в рогожку», благодаря чему и оказался замыкающим окончивших список семинаристов в 1909 г. Но он был в числе тех, «кому ворожила бабушка», т.е. в числе тех, кому родители могли обеспечить возможность дальнейшего обучения в высшем уч. заведении. Он поступил учиться в только что открытый в Петербурге психоневрологический ин-т.» ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 205.

ПОЛТОРА ГОДА ЖИЗНИ И РАБОТЫ В ПЕРМИ (1)

Патриотизм пермяков всем был известен. Всем известна была их приверженность Перми. Где бы ни учился кто-либо из пермяков — в духовной академии, педагогическом институте или университете, по окончании их всё равно устремлял свои «стопы» «к знакомым берегам». Повинуясь этому «закону», решил и я спланировать свою жизнь и деятельность на Пермь даже при том условии, что должность помощника инспектора семинарии и не была столь заманчивой, как хотелось бы.

Шесть лет юности, всегда и всем памятных, семинария, Пермь, Кама предоставляли мне всё, что так дорого бывает в жизни, и поэтому тяга к «домашним пенатам» была так повелительна.

Пять лет отсутствия из Перми, однако, не приглушили юношеских впечатлений, но сознание ясно говорило о том, что возвращаясь я в Пермь уже не романтической юношей, а зрелым мужчиной, и поэтому не покидала мысль о том, как-то встретят меня и семинария, и Пермь, и Кама. А возвращаться в Пермь пришлось в тяжёлых условиях войны.

Лишь только вышли мы с парохода на дебаркадер, сразу же бросилась в глаза картина военного времени: всюду люди в военных формах, в военном строе и без строя, а на улицах, особенно же на вокзалах, первые эшелоны раненых. Суровые лица. Первые испытания на войне: гибель армии Самсонова и Пестеля (2) в мазурских

болотах. Нет, Пермь совсем не та, какой мы её привыкли видеть, да и мы уже не прежние романтики, беспечные мечтатели, перед которыми жизнь раскрывалась как широкое море, в которое мы входили, как показано было на знаменитой картине, где студент и курсистка, взявшись за руки, направляются в простор моря, жизнерадостные, счастливые. Всё уже воспринимается иначе: пойдёшь ли на «Сибирку», в театр, в скверик около театра, нет, не то! Всё представляется в другом виде: не сквозь романтические очки. К тому же везде военные, медицинские сёстры, врачи. Резкий звук сирены режет воздух. В городе начинается усиленное движение: встреча раненых и распределение их по лазаретам. На площадях повсюду соломенные чучела, при помощи которых обучают колоть штыком. Раздаётся команда, и вот «они» в серых шинелях и шапках срываются с места, с криком «ура» устремляются к чучелам и колют их по положенному артикулу. Или слышится: «ать-два, ать-два», первый, второй, первый, второй и вдруг резкое — «пирвый», свидетельствующее о том, что среди солдат есть кто-то из татар, для которых военная наука была сугубо тяжёлой.

Шли поражения за поражениями, а количество раненых возрастало и возрастало. Бывали случаи побед: взятие Львова, падение Перемышля, и по этому поводу устраивались торжества, молебны, а потом всё сводилось к новым поражениям. Оставили Польшу, значительную часть Белоруссии и перешли к позиционной войне. Брусиловский прорыв был последним взлётом русского военного искусства. Город был в плену какого-то немого ожидания. Были патриотические вспышки среди молодёжи в семинарии, в гимназиях. С помпой проводили из мужской гимназии сына известного в Перми афериста, изобретателя электролитной воды, секретаря губернаторской канцелярии Кобяка и с ещё большей помпой встречали его в оцинкованном гробу для похорон.

Для поднятия настроения у населения однажды было организовано городским духовенством во главе с архиереем торжественное шествие по городу с иконами (3). Городская знать отказалась от тра-

диционных визитов в праздники и заменила из взносов на войну. Масленицу, однако, праздновали по-прежнему с катанием на тройках по Кунгурской улице. Золото утекало и утекало из употребления: на вокзале билеты продавались без очереди на золото.

Что было новостью в Перми по сравнению с тем временем, когда мы учились в семинарии, то это целая сеть кинематографов: «Триумф» (4), «Колибри» (5), «Мираж» (6) и «Аквариум» (7). В них жизнь была ключом (8).

В 1915 году и в начале 1916 года на рынках города ещё не чувствовалось колебания и неустойчивости. Общая картина города была такова, что жизнь шла по заведённому порядку, и внешне не было заметно, что где-то, в глубине, нарастают новые веяния, новые настроения, которые вот-вот должны прорваться и направить жизнь по новому руслу. Война нависла над страной как что-то роковое, безнадёжное. В прессе неизвестные люди, или, наоборот, очень известные представители господствующего класса старались делать вид, что всё обстоит благополучно и даже что чуть ли «мы» не победили. Так, некий поэт так изображал нашего врага: «Не видать теперь Вильгельма: на глазах у него бельма», и что Германия заговаривает о мире, но «мы» не дадим его и будем биться до победного конца. Но всё это обозначало только: делать весёлую мину при плохой игре. Объявление Николая II о том, что он становится во главе Верховного командования, было только подтверждением безнадёжного положения на фронте... (9).

ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 63–71.

Примечания:

1. В «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует. В «свердловской коллекции» воспоминаний находится в составе очерков «Пути

и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»).

2. Вероятно, автор имеет в виду не Пестеля, а Пестича Евгения Филимоновича.
3. Патриотические мероприятия Пермской епархией проводились неоднократно. См. ст. «Епархиальная хроника. Патриотический праздник в г. Перми». // ПЕВ. 1914. № 27 (21 сентября) (неофиц.). С. 524–527; «Епархиальная хроника. Трезвенно-патриотический праздник в г. Перми 14 мая 1915 г.» // ПЕВ. 1915. № 16 (1 июня). С. 523–528; «Епархиальная хроника. Крестный ход 19 июля 1915 года». // ПЕВ. 1915. № 26 (11 сентября) (неофиц.). С. 829–841; «Епархиальная хроника. Трезвенно-патриотическое торжество в г. Перми 29 августа». // ПЕВ. 1915. № 26 (11 сентября) (неофиц.). С. 841–845.
4. Кинотеатр «Триумф» находился на ул. Покровской (Ленина), 44.
5. Кинотеатр «Колибри» находился на ул. Петропавловской, 39.
6. Кинотеатр «Мираж» находился на ул. Кунгурской (Комсомольский пр.), 11.
7. Кинотеатр «Аквариум» находился на углу ул. Монастырской и Ирбитской (Матросова), 5.
8. В очерке «Старая Пермь» в «пермской коллекции» воспоминаний автор пишет: «Вспоминается, как в «Мираже» шла картина «Все люди рабы, только море свободно» и играл на скрипке «Баркароллу» П. И. Чайковского Григорий Кузьмич Ширман». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 1–12 об.
9. Далее автор рассказывает о педагогическом составе Пермской духовной семинарии в период 1914–1916 гг., о чём ранее уже писал в очерках «Наша семинария в период первой империалистической войны» в «пермской коллекции» воспоминаний и «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний (см. ниже). Также в этом очерке у автора имеется информация о частной мужской гимназии Циммерман и Пермской мужской гимназии им. Александра I.

НАША СЕМИНАРИЯ

В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 ГГ.) (1)

В самом начале войны (август-сентябрь 1914 г.) две трети главного корпуса семинарии были взяты для военных целей, а именно: второй этаж почти весь был превращён в казармы для мобилизованных и готовящихся к отправке на фронт, а третий этаж под лазарет. Оставшаяся в распоряжении площадь потерпела следующие изменения: гардеробная комната была превращена в спальню, а ящики и шкафы из неё были перенесены в коридор, связывающий главный корпус со столовой. Под спальную комнату была арендована большая комната в одном из ближайших к семинарии домов (2). Классы были размещены следующим образом: два класса (III и IV) в образцовой школе, один класс в коридоре при входе в столовую, один — в столовой, один в больнице и один — в ректорской квартире. В арендованную комнату на ночь ходили дежурить преподаватели.

Второй этаж всегда был до отказа заполнен мобилизованными. В комнатах были устроены нары в два этажа. Изолированы были только две комнаты: фундаментальная и ученическая библиотеки. Лазарет на третьем этаже тоже был полностью загружен больными. Изолирована была только квартира помощника инспектора. Доступ семинаристам на второй и третий этажи был ограничен шефской работой: кое-какими культурными мероприятиями. Инспекторское око особенно бдительно следило за теми юношами-семинаристами, взгляды которых больше, чем следует, задерживались

на младшем медицинском персонале женского рода. И не безосновательно. С другой стороны, связь населяющих второй и третий этаж как между собой, так с семинаристами была строго ограничена: разрешалось только стоять на площадке у церкви во время богослужений. Что касается преподавательского состава семинарии, то учителям разрешалось приходить в палаты для беседы с больными, но на строго ограниченное время.

В семинарии были две организации в связи в военное время: а) бригады по разгрузке поездов с ранеными, которыми руководил Н. И. Знамировский (3), и б) попечительный совет по обслуживанию выписываемых из лазарета больных, во главе которого стоял о. Леонид Зубарев. Бригада по разгрузке раненых из вагонов вызывалась на вокзал сиреной. В задачу попечительного совета входило выдавать выписываемым из лазарета обувь, нижнее бельё, полотенца. Склад этих вещей находился в раздевалке образцовой школы, а вещи получались со складов союза городов. В тех случаях, когда выздоровевшие отправлялись снова на фронт, устраивались торжественные проводы их с подношением простеньких подарков. Хор семинаристов на лестнице исполнял гимны союзных государств, например Сербии. Несмотря на торжественную обстановку, которая при этом создавалась, картина проводов была грустной (4).

Был случай, когда семинария провожала в армию трёх семинаристов — добровольцев. Проводы были обставлены сугубо торжественно: во время литургии перед чтением евангелия три патриота подошли к амвону, им на головы, как на аналой, наш протоиерей [«Маттафия»] возложил евангелие и прочитал положенный по уставу текст. Картина эта по замыслу её учредителей, очевидно, должна была чем-то напоминать известную картину благословения Сергием Радонежским Димитрия Донского на бой с татарами (5).

В остальном жизнь в семинарии шла своими обычными темпами. Произошла перемена только руководства семинарии: вместо архимандрита Иллариона (6) был назначен архимандрит Пимен, выпускник Киевской дух. академии. Он приехал в Пермь из Закав-

казья — из района Джубары, где он был миссионером (7). Он привёз с собой в качестве служки какого-то казачка-юношу, который одет был в национальный костюм: на голове папаха, за поясами клинок. Было очень оригинально. Злые языки говорили, что о. Илларион пал жертвой увлечения, противопоказанного монашескому чину (8). О. Пимен стяжал симпатии и семинаристов и учителей своей простотой и доступностью, внимательным отношением к нуждам тех и других (9). В составе учителей от прежних времён — времени первого десятилетия нового столетия — остались: Н. И. Знамировский, А. И. Добролюбов, В. А. Кандауров, П. Н. Серебренников (10). Из новых были: преподаватель словесности Соколов (11), философии — Н. И. Колосов, церковной истории Н. Н. Хильтов, и из новейших — [основного богословия] А. К. Рыбаков и [Библии] С. С. Богословский (12).

Из новых — самой сложной личностью был Н. И. Колосов. Он объединял несколько должностей: преподавательскую, пом. инспектора в половину нагрузки и редактора «Епархиальных ведомостей». И везде он успевал. Рассказывали, что первые его выступления в роли преподавателя философии были сплошным триумфом: с уроков он уходил только под аплодисменты (13). Он не проявлял себя ревнителем веры, благочестия, как, например, Н. И. Знамировский. Глядя на него, как-то невольно в голове рождалась мысль: «наверно, хитёр и интриган». Хильтов как-то рассказывал автору сего, что он (Колосов) приходил к нему на экзамены специально за тем, чтобы снижать оценки. Нет, ему нельзя было доверять! (14)

В семинарии всё ещё командовал на кухне наш шеф-повар Кирилл Михайлович (15). Банщиком был Кондратий. Не было уже Эскулапа — Вениамина Ивановича Селиванова (16), в церкви не было Михаила — трапезника. Вместо него был какой-то эвакуированный из Галиции псаломщик. И, наконец, не было Яши. Вместо него были два швейцара, а один из них совсем молодой парень — Платон (17).

Изменилась совсем площадь перед Кафедральным собором и архиерейской церковью: на ней стояли чучела из соломы для обуче-

ния солдат[скому] искусству колоть штыком. То и дело на площади раздавалось «Ура!» и шеренга солдат стремительно неслась к чучелам и колола их.

В тёплые летние и осенние дни по семинарскому двору и саду разгуливали выздоравливающие воины, беседующие друг с другом.

Резкие звуки сирены чаще и чаще раздавались над городом, тревожащие душу, будящие беспокойство. А на фронт уходило всё больше и больше людей. Надвигалась гроза, и раскаты её уже доносились издалека (18).

6.XII [1960] 10 ч. вр. св.

Примечания:

1. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора — «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции».
2. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» автор уточняет: «наискосок от мечети». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 113 об.
3. См. «Раненые в Пермской духовной семинарии». // ПЕВ. 1915. № 2 (11 января) (неофиц.) С. 42–46; «Епархиальная хроника. Развлечение для больных и раненых воинов». // ПЕВ. 1915. №3–4 (21 января – 1 февраля) (неофиц.) С. 91; «Епархиальная хроника. Развлечение для больных и раненых воинов». // ПЕВ. 1915. № 7 (1 марта) (неофиц.). С. 205; «Епархиальная хроника. Патриотическая беседа (сообщение о проведении патриотической беседы для расквартированных в семинарии нижних чинов). // ПЕВ. 1915. № 7 (1 марта) (неофиц.) С. 206; «Епархиальная хроника. В семинарском военном госпитале». // ПЕВ. 1915. № 8–9 (11–21 марта) (неофиц.) С. 268; «Епархиальная хроника. Архипастырь среди раненых

- воинов и учащихся». // ПЕВ. 1915. № 8–9 (11–21 марта) (неофиц.) С. 271; «Епархиальная хроника. В Пермской духовной семинарии (сообщение о прибытии новых воинов и раненых)». // ПЕВ. 1915. № 13 (1 мая) (неофиц.) С. 414–415; «Новая лепта воспитанников Пермской духовной семинарии на нужды войны». // ПЕВ. 1915. № 14 (11 мая) (неофиц.) С. 442.
4. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А «они», для кого это делалось, стояли в глубокой задумчивости, мрачные, безучастные ко всему этому «параду». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 116.
5. См. «Епархиальная хроника. Семинаристы-добровольцы». // ПЕВ. 1914. № 29 (11 октября) (неофиц.) С. 569–574; «Проводы раненых на театр военных действий». // ПЕВ. 1915. № 3–4 (21 января – 1 февраля) (неофиц.) С. 92; «Флотский священник. (О священнике Аристархе Пономарёве)». ЕЕВ. 1915. № 5 (1 февраля) (неофиц.) С. 99–100; «Это наш. (Страничка из психологии современной семинарской жизни). (О добровольце — воспитаннике семинарии Б. И. Сусанине)». // ПЕВ. 1915. № 14 (11 мая) (неофиц.) С. 438–440.
6. Автор имеет в виду Виссариона (Зорина). В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» автор исправляет имя, но ставит под вопрос. Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова»): «Большую сенсацию вызвало то, что П. А. женился не на русской, а на немке. Это стало известно, когда на адрес П. А. пришли документы А. Ф. и на конверте значилось её имя и отчество. Больше всех это занимало, кажется, Николая Ивановича Колосова. Он всё рылся в родословной русских царей и выяснял «крови», но тогда ещё, правда, с опаской. На это же обратил внимание ректор семинарии архимандрит Илларион. Когда П. А. обратился к нему с просьбой разрешить взять уроки в гимназии Циммерман, то он заметил, что ему (П. А.) вообще приличнее было бы работать в этой

гимназии, чем в семинарии». ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 83–87 об.

7. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор исправляет: «работал миссионером в Урмии на границе с Ираном». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 114.
8. Там же автор добавляет об архимандрите Виссарионе: «...не лишённый мании величия, гордый и не совсем чистоплотный по отношению к прекрасному полу, за что его и направили в монастырь...». Там же. Л. 114.
9. Там же: «...отличался простотой, доступностью и корректностью во всех случаях обращения со всеми людьми, даже, можно сказать, демократизмом. ... был он человеком нетребовательным и производил на всех впечатление благоприятное, в том числе и на семинаристов, которым вообще было трудно угодить. Архимандрит Пимен весь погрузился в патриотические мероприятия, которые возложены были в связи с войной на семинарию». Там же. Л. 114–114 об.
10. Там же автор добавляет: «Павел Николаевич Серебренников по-прежнему читал семинаристам лекции по гигиене и медицине и проповедовал о чистоте отношений к женщине. По-прежнему энтузиаст музея, но как-то заметно отяжелел, и не стало у него гнедка, на котором он раньше так торжественно подъезжал к семинарии». Там же. Л. 121–121 об.
11. Соколов Михаил Михайлович. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Литературу преподавал Соколов... человек солидный, почтенного возраста, как видно, достойный преемник В. А. Фаминского». Там же. Л. 122 об.
12. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Преподавателем латинского языка

- и пом. инспектора работал автор сего. Состав преподавателей был пёстрый и недружный». Там же. Л. 123.
13. Там же: «Во время войны излюбленной темой разговора у него была тема о том, что в роду Романовых было много немецкой крови». Там же. Л. 122.
14. В очерке «Полтора года жизни и работы в Перми» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Весь педагогический коллектив являл собою нечто пёстрое, что связывал воедино, а вернее — старался связать Николай Иванович Знамировский. С уходом ректора Добронравова ушло и прежнее величие коллектива, да, пожалуй, и величие семинарии. Новостью в учебном плане семинарии было введение иностранных языков: французского и немецкого, но поставить их надлежащим образом так и не удалось. Старые учителя заметно старились. Особенно это было заметно на П. Н. Серебренникове». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 72–73.
15. В очерке «Кирилл Михайлович» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Мы встретились с ним как старые друзья и вспоминали о тех временах, когда я был семинаристом и мне приходилось дежурить на кухне». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 170 об.–171.
16. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Не стало его [П. Н. Серебренникова — *Ред.*] соратника по больнице Вениамина Ивановича Селиванова, нашего Эскулапа. Особенно заметно было его отсутствие в семинарии в престольный праздник «День Иоанна Богослова», когда он, бывало, появлялся на площадке у церкви весь в «заслугах» — в медалях, сиял, а семинаристы почтительно поздравляли его с праздником. Теперь вместо него был средних лет фельдшер, и при старой фигуре врача больницы П. Н. Серебренникова казалось, что в боль-

нице нарушено равновесие». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 121 об.

17. Там же: «Был новый эконо́м, и не было уже в скверике у главного уч. корпуса породистых кур «кохинхин», которых разводил прежний эконо́м Славнин.

Оскудела конюшня ректорских лошадей, а ректорская квартира из «чертога бога живаго», как было при К. М. Добронравове, стала общедоступной, потому что в ней проходили уроки». Там же. Л. 123 об. В очерке «Полтора года моей жизни и работы в Перми» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Украшением церкви был б. архиерейский протоиерей — Матвей Попов, именуемый семинаристами «Маттафией». Он был как бы отголоском прежнего величия церкви от времён протоиерея К. М. Добронравова». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 75.

Там же: «Семинаристы щеголяли теперь в форме: наконец дождались. Как и прежде, они являли собой в массе что-то загадочное — сфинкса. Их питали, не особенно изнуляли науками, особенно — в старших классах; ходили они в театр, немного «жуировали», а о чём каждый из них помышлял, это было тайной каждого из них. Были с амбицией и немного либеральничали». Там же. Л. 77.

18. Очерк «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» автор заканчивает словами: «А война шла и шла. В лазарете семинарии то и дело отнимали руки, ноги... Лица тех, кого провожали на фронт, были суровее и суровее. Казалось, что «на Шипке всё спокойно», но это только казалось. «Крот истории» творил свою работу. Был канун Великой Октябрьской социалистической революции». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 124 об.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
«ПРОФЕССОР, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
ИВАН СТЕПАНОВИЧ БОГОСЛОВСКИЙ»
И «СЕМЕЙСТВО БОГОСЛОВСКИХ»

19–20 октября 1960 г.

Профессор, доктор медицины
Иван Степанович Богословский

И. С. Богословский был сыном пермского священника Стефана Михайловича Богословского. Семья Богословских была очень дружной, культурной и гостеприимной. В семье отношения между родителями и детьми были проникнуты взаимным уважением и доверием. Родители во всём показывали детям пример. В семье был строгий порядок, основанный на внутреннем убеждении всех членов семьи в необходимости его. Воздержание от употребления спиртных напитков, от курения — было непреложным законом для всех членов семьи.

Отец семьи — Стефан Михайлович — по окончании курса обучения в Пермской духовной семинарии сначала работал учителем в сельской школе, а потом священником в Прикамье — в области Соликамска, Усолья и Березников.

Мать — Екатерина Фёдоровна, урожденная Антипина — тоже сначала работала учительницей в сельской школе. В 1904 году семья Богословских переехала в Пермь. Детство И. С. прошло в Прикамье и было богато массой впечатлений от его природы. Особенно

он полюбил Каму, и это обстоятельство отразилось на его дальнейшей судьбе: его деятельность проходила во многом на Каме. Мальчик рано узнал многое из истории Прикамья, полюбил его историю и в дальнейшей жизни всегда интересовался прошлым этого края.

По окончании начальной школы И. С. продолжил образование в Соликамском духовном училище. Здесь он пристрастился к церковному пению и на всю жизнь сохранил любовь к нему. Вспоминая это время учения, И. С. с увлечением рассказывал о том, как со своим учителем пения Н. Е. Собяниным они пели по Октоиху богородичны.

В 1908 году семью Богословских постигло большое горе: трагически погиб (утонул) сын и брат — Николай, летом, при переходе во второй класс семинарии. Чтобы как-нибудь впечатление от поразившего всю семью горя отвлечь, рассеять, отец организовал поездку в Москву и Петербург через Нижний Новгород. Поездом семья побывала в Сарове, откуда происходил дед братьев Богословских.

По окончании духовного училища И. С. поступил в Пермскую духовную семинарию, прошёл в ней все шесть классов и по окончании её поступил по конкурсу в 1914 году на медицинский факультет Варшавского университета, хотя ему семинарией была предложена командировка для поступления в [духовную] академию.

В 1915 году в связи со сдачей Варшавы перевёлся в Казанский университет, был мобилизован в V Красную армию, откуда откомандирован в Томский университет. Было много профессуры. Когда начиналась эвакуация Пермского университета профессора, главным образом профессор Иван Петрович Коровин (бывший пермский семинарист), предложили ему поехать с ними в Пермь, что он и сделал.

И. С., будучи ещё студентом Казанского университета, летами служил медиком на пароходах. В голодные годы плавал на Волге (Казань, Н.-Новгород). Первым местом его врачебной работы была больница водного транспорта в Перми, которой он заведовал. Был первым лечебным врачом в Камском бассейне и организатором

Камского водного здравоохранения. Работал в Пермском университете ординатором и ассистентом, затем в Пермском медицинском институте — ассистентом и доцентом. В 1936–1940 гг. по командировке работал в Ижевске, где организовал факультетскую терапевтическую клинику и руководил ей.

По постановлению Высшего квалификационного комитета в 1936 году ему была присвоена степень кандидата медицинских наук, а в 1937 году эта степень была вторично присуждена постановлением Учёного Совета Казанского медицинского института. В 1939 году при I Московском медицинском институте защитил диссертацию на тему: «Сужение левого венозного отверстия», и ему была присуждена степень доктора медицинских наук. По возвращении из Ижевска руководил в Пермском медицинском институте кафедрой пропедевтики внутренних болезней, а позднее — факультетской терапевтической клиникой. В период Великой Отечественной войны на мобилизации был назначен главным терапевтом эвакогоспиталей в Пермской области с оставлением на педагогической работе (был ускоренный выпуск врачей).

В последний период своей деятельности заведовал объединённой факультетской терапевтической кафедрой. В своих воспоминаниях о студенческих годах И. С. называет имена профессоров, которые были его учителями, и в их числе профессора С. С. Зимницкого по Казанскому университету, М. Г. Курлова, ведущего терапевта Сибири, по Томскому университету и особенно лучшего кардиолога Петербургского университета Владимира Флавиановича Симоновича, приехавшего в Пермь в связи с открытием Пермского государственного университета.

В связи с тем, что И. С. продолжительное время работал врачом на водном транспорте, писал по этому поводу в своих мемуарах: «Я с детства увлекался рекой, пароходами. Будучи учеником Пермского духовного училища, летом ежедневно посещал пристань и вскоре (изучил и) знал все пассажирские пароходы не только по имени и окраске, но и по свистку, знал, где какой пароход построен,

сколько у него сил, какова грузоподъёмность, длина судна и т.д. А будучи семинаристом, знал о волжском флоте».

В настоящее время И. С. на пенсии. И. С. Богословский — человек высокой культуры, исключительной доброты, сердечности и такта. Он воплотил в себе лучшие черты характера Богословских и пользовался заслуженным уважением сослуживцев и студенчества.

20.X[1960] — 60. 5 ч. 37 м. вр.

ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–4 об.

Семейство Богословских

Если вспомнить по отдельности кого-либо из Богословских, то тут же перед своим умственным взором предстанет и вся семья их, как говорится, *«in corpore»*. И это совершенно закономерно, потому что редко можно найти другую такую семью, в которой у детей при всех их индивидуальных особенностях сохранились в характерах специфические черты семейного уклада. При воспоминании же обо всём семействе Богословских в целом, о его возникновении и жизненном пути, воображение нас переносит в Прикамье, в ту его часть, где расположены Усолье, Березники, Соликамск, Дедюхин. В нашей памяти воскреснут также исторические события, связанные с этими местами. Наконец, в нашем воображении предстанут величественная Кама, Пермь и обязательно Пермская духовная семинария. И это совершенно закономерно, не только в силу того, что в этих местах проходила жизнь семейства Богословских, но и в силу того, что всё это сочетание природных условий наложило тот или иной отпечаток на характеры членов этого семейства. Это можно заметить хотя бы на том, что у всех Богословских был развит интерес к истории своего края, к изучению его и археологическим исследованиям, а Кама и вообще любовь к воде, по признанию одного из них, во многом определили направление его деятельности.

Известный период в жизни всех Богословских связан был с учением в Пермской духовной семинарии. Она предстала пред нами в благородном названии *alma mater*. Как выше уже было указано, семейство Богословских было дружным, крепко спаянным коллективом. Возникает вопрос: что связывало, цементировало этот дружный коллектив? Один из членов этой семьи — Павел Богословский — так начинал воспоминания о своих родителях: «У нас были хорошие папа и мама». Можно ли на основании этого короткого выражения сделать вывод о том, что в семье была взаимная любовь между родителями и детьми? Очевидно, да! Иначе никто из детей не стал бы хвалить своих родителей, а предпочёл просто промолчать об этом, так в жизни это, с одной стороны, часто бывает. С другой стороны, если бы родители не любили детей, то едва ли бы кто-либо из них отозвался о родителях так, как здесь указано. Однако можно ли сказать, что в замечании Павла Богословского говорится только о любви. Слово «любовь» имеет многочисленные оттенки и смысла, и трактуется в различном понимании. Простакова любила своего Митрофана. Это зоологическая любовь. Иудушка Головлёв тоже по-своему любил свою «матушку». В рассказе Л. Андреева об Иуде из Кариота даётся очень оригинальное трактование предательства Иуды, а именно, что Иуда продал Христа из любви к нему, чтобы прославить его как искупителя человечества через страдания и смерть. Отсюда видно, насколько неопределённым получается понимание выражения Павла Богословского, если считать, что в нём говорится только о любви детей к родителям и наоборот.

В самом же деле в этом выражении говорится больше, чем о любви, говорится об уважении родителей. Можно было бы сказать ещё так, что говорится о любви, но основанной на уважении. Что такое уважение? Уважение — это признание в человеке его лучших человеческих качеств; это значит, указывать на человечность человека. Уважение к кому-либо может естественно на известной степени переходить в гордость этим человеком, и это такое проявление гордости, которое законно, проникнуто высокой моралью и заслуживает

похвалы. Это мы и находим в воспоминаниях Павла и Ивана Богословских о родителях. Павел с явной гордостью за своего отца говорит о том, что он (отец), «несмотря на свой 55-летний возраст, поступил вольнослушателем на юридический факультет, усердно посещал лекции». И тот и другой брат отмечают, что отец работал в университете бухгалтером и пользовался уважением. У Павла встречаем в воспоминаниях об отце: «Он был прекрасный бухгалтер и пользовался в профессорской среде большим уважением. Вообще папа делал нам, сыновьям, очень много, был ярким примером культурной жизни и упорного труда, а главное — воспитал нас в отращивании к вину и курению».

Иван Богословский в своих воспоминаниях об отце рассказывает о его высокой трудоспособности, о его многогранной деятельности по строительству церковных и гражданских объектов. «Под его личным руководством, — указывает он, — в Перми построено было новое здание женского епархиального училища, каждый день он посещал стройку 1–2 раза». Он говорит в своих воспоминаниях о «способности Стефана Михайловича (отца) к строительству». Имея частую связь с окружающим техническим миром, Стефан Михайлович пользовался большим уважением с их стороны... много читал специальных книг и был, как говорили, «знатокстроек». Иван Богословский говорит, что его отца считали примерным пастырем. Он упоминает и о том, как его отец был инициатором и любителем общенародного пения в храме. В своих воспоминаниях об отце он рисует его моральный облик в тоне самого глубокого уважения к нему.

В воспоминаниях Павла Богословского находим короткое замечание о матери, свидетельствующее о глубоком уважении к ней: «Мама в молодости была учительницей с культурными интересами... работала в коми-пермяцкой школе, перевела для учебных целей «Родное слово» Ушинского на пермяцкий язык». Воспоминания братьев друг о друге тоже свидетельствуют об их взаимном уважении. Как относились родители к детям? Можно ли говорить об уважении

родителей к детям, и если можно, то в чём может выражаться это уважение? Очевидно, опять-таки в том, что касается человеческого достоинства у детей, т.е. уважения законных потребностей детей, их запросов. Павел Богословский в своих воспоминаниях говорит о том, как он выразил желание изучать иностранные языки у частного учителя, и ему предоставлена была возможность: родители дали на это средства. Он также замечает о том, как встречено было в семье его желание выйти после окончания четвёртого класса семинарии и поехать учиться в Петербург: «Оно не встретило никаких возражений». Детям была предоставлена полная свобода в выборе их будущности.

В этом отношении в семье подтверждался тот принцип, которым руководствовался в юности их отец: несмотря на предложение ему поехать после окончания семинарии учиться в академию, он предпочёл руководствоваться своим желанием и пошёл в учителя. Кстати сказать, аналогично в этом отношении поступил и сын его Иван: вместо предложения поступить в академию он предпочёл поступить в Варшавский университет. Уважение к детям в семье Богословских выражалось также в том, что родители не позволяли себе унижать их достоинство подозрительностью в их недобросовестности. В воспоминаниях Павла Богословского указывается такая бытовая деталь: на пасхальные и рождественские праздники по традиции ставился праздничный стол с батареей разных вин для «визитёров», «а мы, все пятеро, не испытывали никакого соблазна **и совершенно не пили**, говорится в воспоминаниях; нужно добавить: а могли ведь пить, но им доверяли. Автору сего известна другая семья одного сельского священника, в которой тоже выставлась по традиции в этих случаях «батарея», но под наблюдением «недрёманного ока», а то и под замком. Речь идёт, таким образом, о том, что взаимное уважение — детей к родителям и родителей к детям — было основой семейного уклада Богословских.

В воспоминаниях Ивана Богословского есть такое краткое замечание: «в доме были строгость и порядок». Как понять это короткое

замечание? Строгость, как и любовь, о чём говорилось выше, понятие сугубо диалектическое, т.е. в различных опосредствованиях приобретает различные оттенки значения и смысла. Строгость в семье Кабановой — «Кабанихи» — это гнёт над другими, издевательство над другими. Мы встречали такие семьи, в которых временное оставление семьи главой её воспринималось детьми как свободный вздох от тяжести. «У нас теперь вольготно» — объявляли в этом случае дети и переходили на «вольготно». Упоминание о строгости в доме у Ивана Богословского находится совсем в другом контексте, а именно — в ряду положительных сторон семейного уклада и имело значение осознанного морального императива: добровольно принятого на себя порядка в семейном быту. В этом случае принято о ком-либо говорить так: он (имярек) требователен по отношению к другим, но требователен и по отношению к себе. Строгость и порядок в доме, таким образом, были одним из устоев семьи.

В своих воспоминаниях братья Богословские несколько раз по разным поводам отмечают, что в семье не были в почёте выпивки: дети были хладнокровны к вину. Это было величайшим достижением в семье, которое укрепляло, цементировало её как дружный коллектив. Ещё библейская легенда о Ное и проклятие им Хама говорят о том, какие драмы в семьях могут разыгрываться на этой почве. Но какую крепость духа нужно иметь, чтобы идти вразрез с вековыми оправданиями этого порока. «Руси есть веселие пити — не можем без того быти», ... и другие подобные сентенции, которыми оправдывалось пьянство. Отвратительное вообще в быту, оно особо отвратительным было среди духовенства и было поводом для насмешек и издевательств над ним, увы! заслуженным поводом. Кому не известна картина, изображающая хождение с иконой Богоматери в деревне в пасхальные дни. Жестокая картина! (1)

А вот другая картина. Старший брат наш поступил священником на место о. Василия К., страдавшего пороком пьянства, который даже «священнодействовал» в «сущем виде». Однажды он, потеряв равновесие, ударился головой об угол престола, и на нём запеклись

капли его крови. Так рассказывал наш брат. Жестокий рассказ. После такого рода картин как не отметить великие подвиги в семье, отказавшейся от традиционного порока. Павел Богословский в своих воспоминаниях говорит: «Зимой у нас в городе бывали семейные дружеские коллективные чтения книг с обсуждением, всегда оживлённым.... Читали вслух, по очереди»... (Отец) «с 1880 года выписывал такой популярный журнал, как «Нива», с прекрасными приложениями — произведениями классиков. В результате у нас составила домашняя ценная библиотека (Тургенев, Гоголь, Гончаров и др. классики — полное собрание сочинений). Мы читали все — родители и сыновья, до ночи часто»!.. В семье у нас часто музицировали, пели, у нас был свой домашний оркестр».

И тот и другой брат в своих воспоминаниях говорят о гостеприимстве как семейной традиции. «Это наша семейная традиция — гостеприимство, искреннее, даже дружеское. Мы так воспитаны», — так говорится в воспоминаниях Павла Богословского. Вспоминая студенческие годы, он пишет о товарищеских студенческих встречах: «Хорошо было. Всё было интересно, оживлённо, читали, спорили. Я приезжал из Петербурга под впечатлением философских лекций своих профессоров. Харин из Киева, казанцы-академисты во главе с братом Сергеем Степановичем вели на меня наступление по линии метафизики, опираясь на своего профессора Несмелова...» Вновь и вновь Павел Богословский в своих воспоминаниях пишет о своих родителях и отношениях их к детям: «Родители наши придавали большое значение в воспитании нас — коллективу друзей. Вот чем объясняется их стремление создать около нас кружок хороших друзей, хорошей молодежи, на это они не жалели средств, почему у нас не было никаких сбережений, всё расходовалось на семью и на друзей».

Итак, следующие черты семейного быта составляли особенности семейства Богословских:

- 1) высокие нравственные черты характера родителей;
- 2) взаимное уважение, существовавшее между родителями и детьми;

- 3) строгость и порядок в организации семейного быта;
- 4) высокая культура семьи и рациональная система воспитания детей;
- 5) полный отказ от всего «горючего» — от «служения Бахусу».

Вместе с этим нужно отметить следующие частные черты быта семейства Богословских:

1. Как указывает в своих воспоминаниях Павел Богословский, отец по окончании семинарии студентом (по I разряду) отказался от поездки в академию, куда ему предложили, и пошёл в народные учителя и через несколько лет — в иереи, хотя, как сам потом говорил, **мечтал о светской службе**. (*Sic!* Подчёркнуто автором сего.)

2. Мать, по замечанию его же, «была больна тяжёлым пороком сердца с частыми припадками, — это были тревожные дни и ночи».

3. В семье было несколько случаев детской смертности. Иван Богословский в своих воспоминаниях указывает на смерть первенца Бориса и двух близнецов. Но особенно тяжёлая трагедия в семье произошла в 1908 году, когда утонул брат Богословских Николай. Павел Богословский в своих воспоминаниях так описывает этот момент семейной жизни: «Эта трагедия семьёй переживалась очень тяжело, чтобы как-нибудь рассеять горе и успокоить маму и нас, папа занял денег и отправился с нами в двухмесячную поездку до Н.-Новгорода (на пароходе), дальше поездом до Москвы и Петербурга. Мы посетили музеи, Кремль, Эрмитаж и с богатыми впечатлениями вернулись в Пермь к учебным занятиям».

4. Все, оставшиеся в живых, четыре брата Богословских учились в Пермской духовной семинарии: Павел — четыре года, а остальные — шесть лет.

5. В семье не было блудного сына — неудачника, как это было почти правилом в семьях духовенства.

6. В семье только один — самый младший, Семён, кстати сказать, как его рисует в своих воспоминаниях Иван Богословский, был в юности наиболее со светскими манерами (танцор), пошёл по стопам отца, а трое остальных пошли в разных направлениях.

7. Счастливым моментом в семейной жизни Богословских нужно отметить то, что семье удалось продолжительное время жить компактно, вместе. Это было в течение почти всего периода жизни в Перми, когда дети учились в семинарии, и потом, когда они уже устроились на работу. Это очень важный фактор, который наложил отпечаток на облик всей семьи и отдельных её членов. Важно также отметить, что дети при учении в духовном училище и семинарии жили на квартирах; были «приходящими», не вкусили полностью жизни на бурсе. В семье, таким образом, сильны были факторы интеграции, и, тем не менее, нужно отметить сильную дифференциацию в судьбах трёх братьев: Сергея, Павла и Ивана.

Говоря о Сергее Богословском, прежде всего нужно отметить противоречивость его характера: его излишние скромность, застенчивость и доверчивость скрывали от других людей его настойчивость, упорство в достижении цели, огромную трудоспособность и светлый ум. В его отношении к другим проглядывала какая-то детская наивность, «*sancta simplicitas*». В нём было что-то от Алёши Карамазова. Таким он был в семинарии и академии, да, вероятно, и в жизни. Ему больше, чем кому-либо из его братьев, пришлось «менять вехи», но он с честью вышел из положения: окончил Томский университет (2), работал в высших учебных заведениях. Его научная работа о Северном крае получила высокую оценку академика Грекова. Трагическая гибель его последовала в тот период его жизни, когда он мог бы ещё многое сделать для науки. В характере Сергея Богословского ярко отразились черты семейного уклада Богословских: уважение к другим, выдержка и строгость в поведении, высокая культура и трезвенность, отцовская трудоспособность. Что же касается других черт его характера, то они в какой-то степени, вероятно, унаследованы были от матери — в виде мягкости душевного склада.

В воспоминаниях Павла Богословского есть указание на эту именно черту характера матери. Он говорит, что его заявление о поездке в Петербург учиться не встретило возражений, «**только мама**

нервничала ввиду предстоящей разлуки» (подчёркнуто автором сего). Читаешь эти слова, а воображение рисует картину из «Тараса Бульбы» Гоголя, как «мать — слабая, как мать», готовилась к разлуке с сыновьями, и в воспоминаниях Ивана Богословского отмечается исключительная нежность отношения Сергея к матери: даже в выборе невесты он полагался только на маму — «какую мама выберет». Если учесть, что мать потеряла рано своего первенца, о чём выше говорилось, то можно предположить, что Сергею была отдана с избытком материнская нежность, сказавшаяся потом в излишней мягкости характера.

В характере Павла Богословского уже в юношеском возрасте сказалась независимость решения и упорства, и настойчивость в достижении цели. По тем временам принять решение выйти из четвёртого класса семинарии и поступать по конкурсу в высшее учебное заведение нужно признать смелым: для этого требовалась уверенность в своих силах. Поступление же в институт при наличии большого конкурса свидетельствовало об одарённости юноши. Поступление в Археологический институт и настойчивость в борьбе за научное знание в двух институтах свидетельствуют как о широте научных интересов, так и о трудоспособности. Эта черта, свойственная всем трём братьям — Сергею, Павлу и Ивану, унаследована, очевидно, от отца. Любовь к истории края решительно проглядывает у них у всех трёх: у Павла — в том, что под его редакцией издавался в Перми журнал об истории и археологии Прикамья; у Ивана — в том, что, о чём бы он ни рассказывал и писал, он обязательно подчеркивал исторические события. Так, рассказывая в своих воспоминаниях об Усолье, он отмечает, что здесь, в Усолье, родился Воронихин, строитель Казанского собора, упоминает о Строгановском соборе.

Наконец, предпринятая в настоящее время Павлом Богословским работа по истории Урала, являющаяся как бы заключительным моментом в его жизни, образно выражаясь — «лебединой песней» его, как нельзя лучше подчёркивает эту черту характера Павла Богословского. Настоящая статья не ставит своей задачей осветить

подробно весь научный подвиг Павла Богословского, но то, что он продолжительное время является профессором первого в России — Московского университета, свидетельствует о славном пути в науке, пройденном им. Широкие связи его с представителями науки свидетельствуют о широких научных интересах и эрудиции его. Он является человеком высокой культуры и видным учёным. То, что он отмечал в своих воспоминаниях в характере своего отца («Папа жил, помимо службы, научными и культурными интересами»), во всей полноте отразилось в его характере и его деятельности.

Иван Богословский избрал путь врача и научного медицинского работника. Никто из Богословских так тесно не был [связан] в своей работе с Камой и Пермью, как он. Ещё студентом летами работал медиком на пароходах. Первое врачебное место — зав[едующий] больницей водного транспорта в Перми. Сам о себе в воспоминаниях говорит: «Имею с детства страсть к воде и пароходам и до последних лет службы по совместительству на водном транспорте». Последовательно достиг степени кандидата и доктора медицины. На его счету значатся 52 научные работы. Он занимал много ответственных постов на самых разнообразных участках медицинской работы. Чем объясняется то, что он избрал своей специальностью медицину? Сам Иван Богословский указывает в своих воспоминаниях о том, что ещё в семинарии, слушая лекции П. Н. Серебренникова, он избрал себе специальность медика. Брат его, Павел, в своих воспоминаниях указывает на то, что указанная уже выше болезнь матери — *vitium cordis* — была причиной повышенного интереса к медицине у всех членов её, а избранная Иваном Богословским тема докторской диссертации — «Сужение левого верхнего отверстия» обусловлена была именно этим обстоятельством.

Иван Богословский всегда проявлял интерес к истории, о чём уже сказано выше, и это у него, как и у его братьев, очевидно, вызвано было тем, что их детские годы проходили в местности, насыщенной историческими событиями. Он любил и сейчас любит природу Прикамья. В его памяти сохранилось много картин и видов Прикамья,

навсегда оставшихся в ней. Будучи учёным большого калибра и заслуженным деятелем, Иван Степанович сохранил удивительную простоту и доступность в обращении. В его характере сохранилась та простота учёного, которая свидетельствует о его высокой культуре.

Семья Богословских внесла большой вклад в науку и в этом отношении прославила Пермскую духовную семинарию, где учились Богословские. Настоящая статья и рассчитана на то, чтобы в материалах о деятелях, вышедших из Пермской семинарии, семья Богословских была представлена *in corpore*. Кроме того, история этой семьи должна быть во многих отношениях поучительной для потомков в том отношении, что не всё уж было так безнадежно отрицательным в быту у представителей духовного сословия, как это склонны изображать некоторые бытописатели (3).

19.X[19]60. 12.40. вр. св.

ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223. Л. 5-17.

Примечания:

1. Автор имеет в виду картину В. Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасхе» (1861), на которой на первый взгляд изображён пьяный священник и пьяные же участники крестного хода с иконами и хоругвями. Имеется другой взгляд на содержание картины: картина представляет собой изображение жалкого состояния материально и духовно расстроенного прихода, священник которого вынужден совершать обход для унижительных натуральных сборов во время славления на Пасху, что самого автора сильно беспокоило в детстве в жизни его собственного отца.

2. Так в тексте, правильно — Пермский университет.
3. Очерк «Семейство Богословских» в «пермской коллекции» воспоминаний написан автором в период активной переписки с П. С. и И. С. Богословскими и под впечатлением от неожиданной новости о трагической смерти С. С. Богословского. Одноимённый очерк в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, более позднего происхождения, имеет другую структуру и содержит простую фактографическую информацию о каждом члене семьи, и, по-видимому, по какой-то ошибке включён в состав «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище». ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 25–46.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Алхутов Михаил Георгиевич — священник, эконо́м Пермской духовной семинарии с 28 сентября 1893 г. // ПЕВ. 1903. № 46 (6 декабря) (офиц.). С. 545.

Амвросий (Гренков) (1812–1891) — иеромонах Оптиной пустыни. Почитался при жизни как старец. Прообраз старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель.

Андриевский Тихон Петрович — сын священника Терской области. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1900 г. В 1900–1903 гг. наблюдатель церковно-приходских школ Северной Осетии; в 1903–1905 гг. настоятель Карсского собора и благочинный I округа; 30 января 1903 г. возведён в сан протоиерея; в 1903–1904 гг. председатель Карсского отделения Грузинского Епархиального училищного совета и наблюдатель церковно-приходских школ Карсской области; в 1904–1905 гг. окружной миссионер Карсской области; 27 ноября 1905 г. по прошению уволен за штат. С 14 июля 1906 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 12 октября 1907 г. преподаватель логики, психологии, краткой истории и начальных оснований философии и дидактики в той же семинарии. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 251.

Антоний (Храповицкий) (1863–1936) — сын дворянина Новгородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1888 г. В 1891–1894 гг. ректор Московской духовной академии, в 1894–1900 гг. ректор Казанской

духовной академии. Епископ с 1897 г., архиепископ с 1906 г., митрополит с 1918 г. Богослов, философ. Один из организаторов Союза русского народа. Основатель и глава Русской православной церкви за границей в 1920–1936 гг.

Антонин (Капустин) (1817–1894) — архимандрит. Обучался в Пермской духовной семинарии в 1831–1836 гг. В 1869–1894 гг. — начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Аркадий (Ершов Александр Павлович) (1878–1937) — сын священника г. Красноуфимска. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1901 г. Священник с 1902 г., протоиерей, архимандрит. Епископ Кунгурский в 1924–1929 гг. Архиепископ с 1935 г. Священномученик Русской православной церкви.

Бажов Павел Петрович (1879–1950) — сын горнозаводского мастера. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Учитель приготовительного класса и учитель чистописания в 1-м и 2-м классах Екатеринбургского духовного училища в 1899–1902 гг., учитель русского и церковно-славянского языка в 1-м классе того же училища в 1902–1906 гг., учитель чистописания и черчения того же училища в 1906–1907 гг. Преподавал русский язык в Екатеринбургском епархиальном женском училище в 1907–1914 гг., затем в Камышловском духовном училище. Русский писатель, фольклорист, публицист, журналист, революционер. Автор уральских сказов.

Баранов Алексей Григорьевич (1844–1911) — русский педагог, автор книги для классного и домашнего чтения в сельских народных школах с трёхлетним курсом под названием «Наше родное», 1888.

Бебель Август (1840–1913) — деятель германского и международного рабочего движения, марксистский социал-демократ.

Беллини Винченцо (1801–1835) — итальянский композитор.

Бережнёв Пётр Вячеславович (1898–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

Бирюков Владимир Павлович (1888–1971) — окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г., Казанский ветеринарный институт в 1912 г. и Московский археологический институт в 1915 г. Обучался в Московском сельскохозяйственном институте и был вольнослушателем историко-филологического факультета Томского университета. Заведующий музеем древностей Пермского государственного университета в 1920–1923 гг. Действительный член Центрального бюро краеведения при Академии наук СССР. В 1930–1938 гг. работал в Свердловском областном бюро краеведения, в 1940–1950 гг. работал в Шадринске. Член Союза писателей СССР с 1955 г. Директор Уральского архива литературы и искусства с 1964 г. Краевед, музеевед, архивовед, историк, археолог, фольклорист.

Богословский Иван Степанович (1893–1979) — обучался в Соликамском духовном училище в 1903–1904 гг., окончил Пермское духовное училище в 1908 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1914 г., Казанский университет и медицинский факультет Московского государственного университета в 1922 г. Штатный ординатор, ассистент факультетской терапевтической клиники Московского государственного университета до 1932 г., ассистент 1-й терапевтической клиники Московского медицинского института до 1936 г. В 1936–1940 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии, заведующий факультетской терапевтической клиникой Ижевского медицинского института. После переезда в г. Молотов до 1945 г. заведующий кафедрой инфекционных болезней и заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней, профессор

кафедры факультетской терапевтической клиники в 1945–1946 гг. и профессор кафедры госпитальной терапии Молотовского медицинского института в 1946–1948 гг. Затем заведующий кафедрой внутренних болезней Молотовского медицинского стоматологического института. В 1952–1957 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии Молотовского государственного медицинского института. Кандидат медицинских наук 1936 г., доктор 1940 г. Депутат Молотовского городского совета. Краевед.

Богословский Николай Степанович (1892–1908) — обучался в Соликамском духовном училище в 1902–1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1906 г. и 2 класса Пермской духовной семинарии в 1908 г.

Богословский Павел Степанович (1890–1966) — обучался в Соликамском духовном училище в 1902–1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1909 г. и историко-филологический факультет С.-Петербургского университета и С.-Петербургский археологический институт в 1913 г. Преподаватель русского языка, литературы и латинского языка в Пермской 2-й мужской гимназии в 1913–1916 гг. Преподаватель и заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Пермского государственного университета в 1916–1931 гг., профессор, в 1922 г. руководил Пермским губернским архивом, в 1924 г. директор Пермского научного музея, краевед. В 1932 г. был переведён в Московский центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы и Центральное бюро краеведения. В 1935 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отбывал наказание в Карагандинском исправительно-трудовом лагере, где первые два года руководил Музеем полупустынно-степной части Центрального Казахстана, потом работал метеорологом в Карлаге, освобождён в 1940 г. В 1940–1946 гг. заведующий кафедрой языка и литературы Кара-

гандинского учительского института. В 1947–1948 гг. заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Молотовского государственного университета. После переезда в Москву в 1956 г. работал над личным архивом, который впоследствии был передан в Пушкинский дом (Институт русской литературы) Российской академии наук.

Богословский Семён Степанович (1889–1940) — окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1911 г. Священник с 1912 г. Служил в Полазне, Оханске, Очёре. Протоиерей с 1927 г. Арестован в 1935 г. и приговорён к 6 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении в Карелии.

Богословский Сергей Степанович (1887–1958) — сын протоиерея г. Перми. Окончил Соликамское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Священного Писания Ветхого Завета и еврейского языка, классный воспитатель в Пермской духовной семинарии в 1913–1917 гг. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета, в 1938–1958 гг. — заведующий научной библиотекой Пермского государственного фармацевтического института. Историк-краевед.

Богословский Стефан Михайлович (1862–1943) — окончил Пермскую духовную семинарию в 1882 г. Протоиерей Вознесенской церкви г. Перми в 1904–1918 гг. Окончил юридический факультет Пермского университета.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) — российский композитор, дирижёр, певец, считается создателем классического типа русского хорового концерта.

Василенко-Левитон Мария Львовна (1856–1948) — певица, организатор частной школы по постановке голоса.

Верди Джузеппе (1813–1901) — итальянский композитор.

Верхоланцев Владимир Степанович (1879–1947) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1905 г. Окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета в 1922 г. Пермский педагог и краевед.

Виссарион (Зорин) (1878–1937) — архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии с марта по октябрь 1914 г. В 1920–1930-х гг. один из лидеров Григорианского раскола в Русской православной церкви.

Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814) — русский архитектор и живописец.

Гааз Фридрих-Иосиф (Фёдор Петрович) (1780–1853) — московский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор».

Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) — историк русской литературы, автор «Русской хрестоматии».

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) — священник, политический деятель и профсоюзный лидер.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель, драматург, поэт, критик, публицист.

Городцов Александр Дмитриевич (1857–1918) — российский оперный певец и общественный деятель, сделавший значительный вклад в организацию народных хоров в Пермской губернии.

Губкинский Иван Ермилович — сын священника Рязанской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1886 г. В 1886–1887 гг. преподаватель гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Минской духовной семинарии; в 1887–1895 гг. преподаватель тех же предметов в Рязанской духовной семинарии; в 1895–1897 гг. преподаватель тех же предметов в Симбирской духовной семинарии; в 1897–1901 гг. преподаватель латинского языка в той же Симбирской семинарии; в 1901–1903 гг. преподаватель латинского языка в Ранненбургском духовном училище; с 28 августа 1903 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. // ПЕВ. 1906. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 437.

Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867–1963) — русский писатель. Автор повести «В стране отцов» (1904). После 6 лет в сане священника отказался от сана и посвятил свою жизнь карьере писателя. Был одним из наиболее популярных авторов дореволюционного периода.

Дарий Гистасп или Дарий I (550–486 до н.э.) — персидский царь-завоеватель в Азии.

Делич Фридрих (1850–1922) — немецкий ассириолог, автор книги «Вавилон и Библия».

Дергачёв Алексей Иванович — сын протоиерея Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии

1898 г. В 1899–1900 гг. преподаватель греческого языка в штатных классах Вятского духовного училища; с 16 ноября 1900 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 августа 1903 г. преподаватель Священного Писания; с 1 октября 1903 г. преподаватель еврейского языка. Надворный советник. Имел орден св. Станислава 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 251.

Державин Гавриил Романович (1743–1816) — русский поэт эпохи Просвещения.

Добролюбов Алексей Иванович — сын священника Ярославской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1882 г. В 1882–1883 гг. преподаватель латинского языка в Архангельском духовном училище; в 1883–1889 гг. помощник смотрителя того же училища; в 1889–1900 гг. смотритель Шенкурского духовного училища; с 7 сентября 1900 г. преподаватель гражданской истории (всеобщей и русской) в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 250.

Добронравов Константин Михайлович (1853–1933) — протоиерей, сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1880 г. В 1880–1883 гг. помощник смотрителя Соликамского духовного училища; в 1883–1889 гг. — смотритель того же училища; с 11 января 1889 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии; с 5 февраля 1889 г. священник Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора; с 9 февраля 1891 г. ректор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 6-м классе. Имел ордена: св. Владимира 3 и 4 ст., св. Анны 2 ст. и св. Станислава 3 ст. и палицу. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 249. «О 25-летнем юбилее педагогической деятельности ректора семинарии протоиерея К. М. Добронравова» см. ПЕВ. 1905. № 37 (11 октября) (неофиц.). С. 543–547.

Находился в обновленческом расколе с 1922 г. и имел сан протопресвитера с 1930 г. Скончался в 1933 г. в г. Перми.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) — русский писатель, мыслитель, философ и публицист. Классик русской литературы и один из лучших романистов мирового значения. Автор романов «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879–1880).

Дроздов Арсений Алексеевич — сын священника Симбирской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 21 августа 1903 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии. // ПЕВ. 1906. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 438.

Евлогий (Георгиевский) (1868–1946) — митрополит, управляющий приходами Русской православной церкви в Западной Европе. Автор воспоминаний «Путь моей жизни». Париж, 1947; Москва, 1994.

Затопляев Михаил Владимирович (1889–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 3-му разряду в 1909 г. «По окончании семинарии учился в Петербургском психоневрологическом институте. Работал субрегентом у Архангельского в Казанском соборе. Хормейстер, скрипач». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 25.

Зимницкий Семён Семёнович (1873–1927) — русский терапевт, доктор медицины.

Знамировский Николай Иванович (1878–1942) — сын чиновника Пермской губернии. Окончил Пермское духовное училище в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1904 г. С 16 сентября

1904 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 апреля 1906 г. преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей; с 8 мая 1908 г. инспектор Пермской духовной семинарии. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 249. См. «Из епархиальной хроники. Чествование Николая Ивановича Знамировского». // ПЕВ. 1913. № 18 (21 июня) (неофиц.). С. 471–472. Был членом Поместного Собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. от мирян Пермской губернии, ректором Пермской духовной семинарии в 1919 г. Священник с 1919 г., протоиерей с 1921 г. В монашестве — Стефан. Епископ Шадринский с 1924 г. В 1924–1927 гг. временно управлял Пермской и Свердловской епархиями. Архиепископ Вологодский в 1934–1936 гг. Несколько раз арестовывался и сидел в лагерях. Был расстрелян 18 марта 1942 г. Священномученик Русской православной церкви.

Зубарев Леонид Васильевич (1881–1952) — сын священника Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1902 г. Священник с 1903 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1912 г. Протоиерей с 1912 г. Преподаватель гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей, помощник инспектора Пермской духовной семинарии. После закрытия Пермской духовной семинарии пытался восстановить в г. Перми духовное образование, предлагая на базе Пермской духовной семинарии открыть Православный богословский институт с трёхгодовичным сроком обучения, но получил разрешение только на открытие восьми-месячных пастырско-богословских курсов, которые просуществовали до конца 1922 г. Служил в Успенской церкви на старом Егошихинском кладбище в г. Перми в 1919–1932 гг. В 1932–1933 гг. находился в заключении за антисоветскую агитацию. Настоятель Всехсвятской церкви г. Молотова с 1943 г. Председатель Молотовского епархиального совета с сентября 1945 по май 1947 г.

Иероним (Лаговский Иоанн Евгеньевич) (1827–1884) — сын священника Костромской губернии. Окончил Костромскую духовную семинарию в 1849 г. Магистр богословия С.-Петербургской духовной академии 1853 г. Преподаватель логики и психологии в Пермской духовной семинарии в 1853–1858 гг., 1861–1868 гг. Священник с 1856 г., протоиерей с 1858 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1868–1879 гг., архимандрит с 1874 г. Член С.-Петербургского духовно-цензурного комитета с 1879 г. См. Лаговский И. Е., прот. Открытие Пермской семинарии и история её до преобразования, бывшего в 1818 г. Пермь, 1867–1868 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 581; Лаговский И. Е., прот. История Пермской семинарии после преобразования, бывшего в 1818 г. Пермь, 1870–1873 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 583; Иероним (Лаговский), архим. История Пермской семинарии после преобразования, бывшего в 1840 г. Пермь, 1874–1877 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 582; Иероним (Лаговский), архим. История Пермской духовной семинарии. Изд. свящ. И. Шестакова. Екатеринбург, 1900 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 588.

Илиодор (Труфанов) (1880–1952) — иеромонах, духовный и политический деятель, авантюрист.

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк, публицист. Автор пятитомной «Истории России».

Иннокентий (Коровин Яков Максимович) (1778–1840) — сын пономаря. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1804 г. Преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии в 1805–1813 гг. Архимандрит Соликамского Свято-Троицкого монастыря в 1813–1818 гг. Преподаватель истории и инспектор Пермской духовной семинарии в 1818–1824 гг. Епископ с 1827 г., архиепископ с 1832 г. Архиепископ Волынский в 1832–1840 гг.

Иоанн (Алексеев) (1862–1905) — епископ Пермский и Соликамский

в 1902–1905 гг. Ардонская семинария — неофициальное название Александровской миссионерской духовной семинарии, ректором которой он был в 1887–1899 гг.

Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич) (1829–1909) — протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный и социальный деятель правоконсервативных монархических взглядов. Святой праведник Русской православной церкви.

Иона (Капустин Ипполит Леонтьевич) (1790–1867) — сын протоиерея г. Камышлова. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1808 г. Преподаватель Пермской духовной семинарии в 1809–1818 гг. Магистр богословия Московской духовной академии 1824 г. Инспектор Пермской духовной семинарии в 1825–1829 гг. В монашестве с 1826 г., иеромонах, архимандрит с 1829 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1829–1830 гг. Епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии в 1846–1859 гг.

Кандауров Владимир Александрович (1868–1949) — сын дворянина Курской губернии. Окончил курс в Харьковском университете с дипломом I степени в 1892 г. С 17 сентября 1892 г. преподаватель физики и математики в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена св. Станислава 2 и 3 ст. и св. Анны 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 250–251. «О 25-летней службе В. А. Кандаурова в Пермской духовной семинарии» см. «Юбилей педагога» // ПЕВ. 1917. № 33–34 (1–21 декабря) (неофиц.). С. 463–464.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Кантемир Дмитрий Константинович (1673–1723) — российский государственный деятель и учёный.

Карл Великий (742–814) — франкский король-завоеватель в Западной Европе.

Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1899 г. Последний обер-прокурор Святейшего Синода и министр исповеданий Временного правительства в 1917 г., обеспечивший передачу церковной власти Поместному собору Русской православной церкви 1917–1918 гг.

Качалов Василий Иванович (1875–1948) — русский актёр, мастер художественного слова, педагог.

Кобяк Георгий Игнатьевич (1864–1918) — потомственный дворянин, предприниматель, изобретатель, редактор официальной части газеты «Пермские губернские ведомости» в 1896–1909 гг. Почётный гражданин Перми.

Козельский Феликс Михайлович (1891–1937) — сын псаломщика Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г. В 1928–1930 гг. протоиерей Успенского собора Верх-Исетского завода г. Свердловска.

Колосов Николай Иванович (1883–1938) — кандидат богословия Киевской духовной академии 1907 г. В 1907–1911 гг. преподаватель русского языка и литературы в Симбирской чувашской учительской школе, в учебных заведениях Симбирска; преподаватель Пермской духовной семинарии, одновременно обучался на историко-филологическом факультете Пермского университета (до 1918 г.). Работал в Симбирске и Алатыре Чувашской АССР в 1920–1930-х гг. Репрессирован.

Кони Анатолий Фёдорович (1844–1927) — российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор. Автор биографического очерка «Фёдор Петрович Гааз».

Коровин Иван Петрович (1865–1927) — сын священника Камышловского уезда. Окончил Далматовское духовное училище в 1880 г. и Пермскую духовную семинарию в 1886 г. «Служил учителем в Камышловском приходском училище. Окончил Томский университет в 1893 г. Работал проректором по кафедре судебной медицины в Томском университете. С 1894 г. профессор патологоанатомии Петербургской военно-медицинской академии. С 1916 г. заведующий кафедрой патологической анатомии, затем в Днепропетровске. И. П. Коровин многократно бывал за границей. В Петербурге он был очень известным специалистом, имел собственную большую, хорошо организованную лабораторию, где работали квалифицированные специалисты. Это была хотя и частная, но лучшая клинико-химическая лаборатория в столице. При переезде в Пермь он перевёз почти всё оборудование лаборатории, которое легло в основу кафедры патологической анатомии и судебной медицины. По Петербургу у него много учеников, чтущих его память, то же и по Пермскому университету. Как человек он, по отзывам проф. И. С. Богословского, был замечательный. Когда он был председателем Государственной экзаменационной комиссии, его студенты называли «Папа Коровин». Скончался в Днепропетровске, имея степень доктора медицинских наук (с 1897 г.). Ещё будучи студентом, участвовал в борьбе с холерой в Томской губернии». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 219–220 об.

Коровин Марин Александрович — священник Богородице-Казанской церкви г. Осы Осинского уезда с 1915 г.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — русский публицист, поэт, баснописец.

Куприн Александр Иванович (1870–1938) — русский писатель и переводчик.

Курганов Фёдор Афанасьевич (1844–1920) — сын священника Пензенской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1870 г., магистр богословия 1872 г., доктор богословия 1880 г.; профессор кафедры общей церковной истории. Русский православный богослов и историк церкви.

Курлов Михаил Георгиевич (1859–1932) — русский терапевт, доктор медицины.

Кусакин Семён Епимахович (?–1908) — Пермский 2-й гильдии купец, староста семинарской церкви с 7 мая 1902 г. // ПЕВ. 1907. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 510. Скончался 29 января 1908 г. от огнестрельной раны.

Кушелевский Борис Павлович (1890–1976) — учёный, терапевт, доктор медицинских наук, профессор.

Ламзин Константин (189? –1908) — окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1903 г. Обучался в Пермской духовной семинарии в 1903–1905 (выбыл из 3-го класса) и 1906–1907 гг. (поступил вновь, 3-й класс не окончил, оставлен на переэкзаменовку по Священному Писанию и литературе). «В годы первой русской революции учился в средних классах Пермской духовной семинарии, часто отсутствовал на занятиях, учился плохо, был скрытным, дерзким, грубым. Иногда появлялся в семинарии в подряснике, конечно, не на глазах инспекции, с немного пробившейся бородкой и усами, вероятно, это служило ему иногда в целях конспирации. Он участвовал в революционном движении 1905–1906 годов, состоя в

боевой дружине, и как-то сразу исчез из семинарии, оказавшись потом в одной из террористических дружин А. Лбова». Записано со слов семинариста Б. Н. Чечулина. «3 июня (1908 г.) в Пашийском заводе полиция обнаружила склад боеприпасов и устроила засаду. В последовавшем за этим вооружённом столкновении погиб участник боевой группы А. Давыдова пермский семинарист Константин Ламзин и шесть человек было схвачено». ... Среди семинаристов и в воспоминаниях о нём Ламзин был известен под кличкой «Костя». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1–2.

Ласин Сергей (1892–1950-е) — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г. «Обладал лёгким и приятным баритоном, пел в семинарском хоре. Усиленно занимался повышением культуры своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон. Участвовал на семинарских вечерах и в городских концертах, а также в квартете с Шестаковым П., Кузнецовым К. и Ива-ницким П. Учился на экономическом отделении Киевского коммерческого института и одновременно в Киевской консерватории по классу Ипполитова-Иванова. В 1930-х гг. работал экономистом в тресте «Востокоруда», вместе с Кузнецовым К. М. Одно время был в труппе Пермского оперного театра. В Свердловске участвовал в концертах, передаваемых по радио, а также в капелле Ишутиной. Скончался в Свердловске в 1950-х гг.». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 11–11 об.

Лбов Александр Михайлович (1876–1908) — известный террорист и экспроприатор времён первой русской революции 1905–1907 гг.

Лев (Черепанов Леонид Всеволодович) (1888–1937) — сын священника Екатеринбургского уезда. Обучался в Екатеринбургском духовном училище в 1899–1901 гг. Окончил Пермское духовное учи-

лище по 2-му разряду в 1903 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1910 г. Овдовел в 1918 г. Епископ Нижнетагильский в 1923–1927 гг. (находился в ссылке в Средней Азии), Алма-Атинский в 1927–1929 гг., арестован и сослан, Кавказский и Ставропольский в 1933–1935 гг., арестован, сидел в Соловецком лагере. Расстрелян в 1937 г.

Луканин Александр Матвеевич (1821–1889) — сын пономаря Осинского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1842 г. Священник с 1842 г., протоиерей с 1862 г., благочинный. Председатель Пермского епархиального училищного совета. Редактор «Пермских епархиальных ведомостей» в 1879–1889 гг. Духовный писатель, археолог и историк.

Луканин Стефан Александрович (1841–1904) — протоиерей, миссионер. Основатель Свято-Николаевского Белогорского православно-миссионерского мужского монастыря, духовник Пермской духовной семинарии. Скончался 12 марта 1904 г. См. «Последние дни, смерть и погребение духовника духовной семинарии протоиерея С. А. Лукина». // ПЕВ. 1904. № 12 (20 марта) (неофиц.). С. 135–144.

Мавровский Николай Николаевич (1888–1960) — сын священника г. Далматова Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Белгородской духовной семинарии, член Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. от мирян Курской губернии. После революции преподаватель географии в педтехникумах и средних школах Белгорода и Москвы.

Макушин Пётр Иванович (1844–1926) — сын причетника Оханского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1863 г. Обучался в С.-Петербургской духовной академии. Деятель народного просвещения в Сибири.

Медведев Иван Панфилович — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1905 г.

Мельников-Печерский Павел Иванович (1819–1883) — русский писатель, публицист, этнограф-беллетрист.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель.

Мешков Николай Васильевич (1851–1933) — известный российский купец, меценат, общественный деятель, основоположник высшего образования на Урале, предприниматель, спасший Пермскую губернию от голода и обеспечивший транспортную открытость Перми.

Миролюбов Александр Павлович — сын протоиерея Саратовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1896 г. В 1896–1897 гг. профессорский стипендиат Казанской духовной академии. В 1898–1899 гг. преподаватель богословских наук в Александровской миссионерской духовной семинарии. Магистр богословия 1899 г. С 20 ноября 1902 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 5-м классе. Коллежский советник. Имел ордена: св. Анны 3 ст. и св. Станислава 3 ст. // ПЕВ. 1907. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 508.

Михайлов Филагрий Александрович (1889–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г.

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — русский публицист, социолог, литературный критик, литературовед, теоретик народничества.

Можгинский Виктор Михайлович — сын диакона Вятской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 4 сентября 1903 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 251.

Морозов Николай Александрович (1854–1946) — русский революционер-народник, участник покушений на Александра II, до 1905 г. находился в заключении в Шлиссельбургской крепости. Автор ряда книг, в которых пытался пересмотреть некоторые проблемы всемирной истории, в частности истории христианства. Его произведения подвергались резкой критике со стороны профессиональных историков и представителей других наук, его историческая концепция и методология исследования были признаны ошибочными. В конце XX века идеи Морозова нашли своё продолжение в так называемой «новой хронологии» — псевдонаучной теории радикального пересмотра истории, созданной группой авторов под руководством А. Т. Фоменко.

Наумов Александр Петрович (1862–?) — Пермский губернатор в 1903–1905 гг. 18 октября 1905 г. после объявления манифеста о предоставлении гражданских свобод толпа железнодорожных служащих и мотовилихинских рабочих выдвинула требование об освобождении всех политических заключённых. Губернатора А. П. Наумова заставили пойти вместе с толпой к тюрьме.

Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) — русская и советская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог. Народная артистка СССР (1936). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943). Доктор искусствоведения (1944).

Некрасов Александр Иванович — письмоводитель правления Пермской духовной семинарии, мещанин г. Перми.

Никанор (Надеждин) (1858–1916) — епископ Пермский и Соликамский в 1905–1908 гг.

Никитин Андрей Алексеевич (1837 – после 1917) — окончил Пермскую духовную семинарию в 1860 г. Протоиерей Успенского собора Пермского Успенского женского монастыря в 1901–1916 гг., духовник градо-Пермского духовенства.

Никитин Иоанн Алексеевич (1842–1918) был родом из села Покчи Чердынского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1862 г. Регент архиерейского хора в 1868–1871, 1874–1875, 1883–1894 гг. Протоиерей Мотовилихинской Свято-Троицкой церкви в 1902–1906 гг., Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора в 1906–1918 гг. Автор называет протоиерея И. А. Никитина то своим дедушкой, то дядей, по всей видимости, он приходился В. А. Игнатьеву двоюродным дедом.

Новиков Николай Николаевич (1875–1943) — сын мещанина г. Перми. Окончил Пермскую мужскую гимназию в 1893 г. Кандидат С.-Петербургской духовной академии 1897 г. Преподаватель русского и церковно-славянского языков в Пермском духовном училище в 1897–1898 гг. Преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей в Пермской духовной семинарии в 1898–1906 гг. Преподаватель еврейского языка в Пермской духовной семинарии в 1899–1903 гг. Преподаватель Закона Божия в Пермской Мариинской женской гимназии в 1900–1901 гг. Редактор «Пермских епархиальных ведомостей» в 1900 г. Член и архивариус Пермской учёной архивной комиссии. См. «Историческая записка о Пермской духовной семинарии (1800–1900)». Екатеринбург, 1900; «Очерки по истории Пермской духовной семинарии со времени преобразования её по уставу 1867 г. Пермь, 1900–1902 // ГКБУ «ГАПК». Ф, печ. изд. № 587; «Роль Пермской духовной семинарии в изучении прошлого Пермского края (краткий очерк)» Труды Пермской учёной архивной

комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 520.

Остроумов Иван Григорьевич (1861–1939) — окончил Пермскую духовную семинарию в 1880 г. Хранитель Пермского научно-промышленного музея.

Пазовский Арий Моисеевич (1887–1953) — советский дирижёр, народный артист СССР.

Палладий (Пьянков Павел Георгиевич) (1816–1882) — сын протоиерея г. Оханска. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1834 г. Кандидат богословия Московской духовной академии 1840 г., магистр богословия 1841 г. Священник с 1844 г., иеромонах с 1846 г., архимандрит с 1854 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1854–1860 гг. Епископ Олонецкий и Петрозаводский в 1877–1882 гг. Духовный писатель.

Перов Василий Григорьевич (1834–1882) — русский живописец.

Пестич Евгений Филимонович (1866–1919) — генерал-майор, начальник штаба 13-го армейского корпуса. Участвовал в Восточно-Прусской операции, попал в плен при окружении остатков своего корпуса. Сын генерал-майора, участника Крымской войны Филимона Васильевича Пестича (1821–1894), учёного артиллериста, начальника артиллерии Кронштадта в 1865–1877 гг., конструктора 20-дюймовой морской пушки («Пермская Царь-пушка», 1868).

Петров Григорий Спиридонович (1866–1925) — священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник, широко известный в предреволюционной России.

Пешков Алексей Максимович (Максим Горький) (1868–1936) — русский писатель, прозаик, драматург. Автор пьесы «На дне».

Пётр (Лосев) (1833–1902) — епископ Пермский и Соликамский в 1892–1902 гг.

Пилюкин Николай Васильевич — окончил курс учения в придворной певческой капелле, преподаватель пения в Пермской духовной семинарии.

Пимен (Белоликов) (1879–1918) — сын священника Новгородской губернии. Кандидат богословия Киевской духовной академии 1904 г. Иеромонах с 1904 г., игумен с 1908 г., архимандрит с 1911 г. В 1906–1908 и 1912–1914 гг. помощник начальника Урмийской миссии на северо-западе Ирана. В 1914–1916 гг. ректор Пермской духовной семинарии. Епископ с 1916 г. Епископ Семиреченский в 1917–1918 гг. Священномученик Русской православной церкви.

Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) — русский публицист и литературный критик, революционный демократ.

Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881) — русский писатель и драматург.

Плетнёв Дмитрий Иванович — кандидат богословия Киевской духовной академии 1902 г. Надворный советник.

Плетнёв Пётр Александрович (1791–1866) — критик, поэт, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — русский государственный деятель консервативных взглядов, в 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода.

Пономарёв Константин Петрович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1906 г. Преподаватель русского языка, сло-

весности и истории литературы в Пермском епархиальном женском училище.

Попов Александр Степанович (1859–1906) — сын священника Верхотурского уезда. Обучался в Далматовском духовном училище в 1868–1870 гг., окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1873 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1877 г. Кандидат физико-математических наук С.-Петербургского университета 1882 г. Преподаватель кафедры физики С.-Петербургского университета. Преподаватель физики, математики и электротехники в Минном офицерском классе в Кронштадте, преподаватель физики в Техническом училище Морского ведомства в Кронштадте в 1890–1901 гг. Почётный инженер-электрик 1899 г. Профессор физики Императорского электротехнического института в 1901–1905 гг., ректор в 1905–1906 гг. Изобретатель радио.

Попов Евгений Алексеевич (1824–1888) — сын священника г. Красноуфимска. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1844 г. Священник с 1844 г., протоиерей с 1869 г. Духовный писатель и общественный деятель. Основатель просветительского братства святителя Стефана Великопермского.

Попов Матфей Яковлевич (1858–?) — протодиакон с 1895 г.

Потоцкий Павел Семёнович — сын причетника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1875 г. В 1875–1886 гг. преподаватель Священного Писания в Тифлисской духовной семинарии; в 1886–1888 гг. инспектор Тифлисской духовной семинарии; с 31 марта 1888 г. по 1902 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 5-м классе. Статский советник. Имел ордена: св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // ПЕВ. 1901. № 20 (16 октября) (офиц.). С. 295.

Предтеченский Сергей Александрович — кандидат богословия Казанской духовной академии 1889 г., позднее магистр богословия. Профессор кафедры новой гражданской истории и кафедры литургики. Русский духовный писатель.

Пьянков Георгий Антипович (ок. 1779–1858) — один из первых выпускников Пермской духовной семинарии 1802 г. Священник с 1802 г., протоиерей с 1820 г. Служил в г. Оханске.

Ракшинский Василий Иванович — ветеринарный врач, проживал по адресу: ул. Вознесенская (Луначарского), 90.

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — русский учёный, педагог, просветитель. В 1880-х гг., оставив должность профессора Московского университета, стал главным идеологом открытия церковно-приходских школ в сельской местности.

Ренан Эрнест (1823–1892) — французский философ и писатель, историк религии.

Решетников Фёдор Михайлович (1841–1871) — русский писатель.

Ринальдини Ринальдо — атаман разбойников, персонаж романа немецкого писателя Кристиана Августа Вульпиуса (1762–1827).

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.

Рыбаков Александр Константинович (1887–1930-е) — окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1901 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1907 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г., преподаватель основного богословия и секретарь правления Пермской духовной се-

минарии. «По окончании академии работал преподавателем в Пермской духовной семинарии и помощником инспектора. Преподавал без учебников, а по запискам, без заучивания цитат из Священного Писания. До 1917 г. готовился заочно и сдал экстерном за юридический факультет Казанского университета. Есть разговоры о том, что в 1917–1918 гг. А. К. Рыбаков считался кандидатом на должность Тобольского губернатора по протекции Распутина. В 1921 г. читал публичные лекции в Ирбите по марксизму. В 1934 г. работал юрисконсультантом в г. Сарапуле, потом перешёл преподавателем в железнодорожную школу на ст. Янаул. Как преподаватель считался прогрессивным». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279а. Л. 136–136 об.

Савонарола Джироламо (1452–1498) — знаменитый итальянский монах-проповедник и реформатор во Флоренции 1494–1498 годов.

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) — русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии, командующий 2-й армией во время Восточно-Прусской операции. Покончил с собой после поражения при Танненберге.

Сахаров Иван Кузьмич — окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1886 г. В 1886–1889 гг. канцелярский служащий в Тамбовском отделении Государственного Банка. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1893 г. В 1893–1895 гг. надзиратель в Тамбовской духовной семинарии. В 1895–1901 гг. помощник инспектора Пермской духовной семинарии. С 1901 г. определён учителем латинского языка в Камышловское духовное училище, с 7 сентября 1910 г. преподавал также русскую церковную и гражданскую историю в 3-м классе. Статский советник. Имел орден св. Анны 3 ст. ЕЕВ. 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2.

Светилин Александр Емельянович (1842–1887) — русский логик, профессор Петербургской духовной академии. Автор «Учебника логики», наиболее распространённого в учебных заведениях дореволюционной России.

Седых Николай Павлович (1862–1917) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1883 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1887 г. Преподаватель пения в Пермском духовном училище с 1888 г., затем делопроизводитель, бухгалтер, старший ревизор в Пермском губернском акцизном управлении. Библиофил, краевед. Автор «Очерков истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 гг.». Пермь, 1915.

Селиванов Вениамин Иванович — коллежский советник, фельдшер семинарской больницы с 1869 г., преподаватель гимнастики (до 1906 г.). // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 253.

Сергеев Фёдор Андреевич (1883–1921) — русский революционер и советский политический деятель, известный под псевдонимом Артём. Возглавлял Пермской комитет РСДРП, был арестован и сидел в Пермской тюрьме.

Серебренников Павел Николаевич (1849–1917) — сын священника Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1870 г. и курс в Императорской медико-хирургической академии в 1876 г.; доктор медицины 1885 г. С 20 февраля 1887 г. врач и преподаватель гигиены, анатомии и медицины при Пермской духовной семинарии. Коллежский советник. Имел ордена: св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 253. Общественный деятель и краевед.

Серов Валентин Александрович (1865–1911) — русский живописец.

Симонович Владимир Флавианович (1870–1929) — терапевт, доктор медицины, профессор. Основатель уральской школы кардиологов. Один из организаторов медицинского факультета Пермского государственного университета, где руководил кафедрой пропедевтики внутренних болезней и основал кафедру факультетской терапии.

Славнин Павел Петрович — диакон, эконо́м Пермской духовной семинарии с 20 декабря 1903 г. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 253.

Смирнов Александр Иванович (1884–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. «После окончания семинарии поступил в Казанский ветеринарный институт и пел в одном из Казанских хоров». (Из очерка «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора). ГКУСО «ГАСО». Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.

Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) — земский деятель, историк-краевед.

Собянин Николай Егорович/Георгиевич (1880–?) — сын священника Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. В 1900–1903 гг. надзиратель в Пермском духовном училище, в 1903–1908 гг. надзиратель в Соликамском духовном училище, где преподавал и пение. «Позднее служил в Перми в управлении железной дороги и пел в церковном хоре (бас)». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 120.

Спасский Сергей Павлович — сын протоиерея Владимирской губернии. Кандидат богословия Киевской духовной академии 1891 г. В 1891–1893 гг. преподаватель гражданской истории в 4–6-м классах и Закона Божия в 6-м параллельном классе Орловского епархиаль-

ного женского училища; в 1893–1896 гг. преподаватель арифметики и географии в параллельных классах Черниговского духовного училища; в 1896–1899 гг. преподаватель латинского языка в Задонском духовном училище; в 1899–1901 гг. преподаватель латинского языка в Тульской духовной семинарии; с 7 марта 1901 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии. Коллежский советник. // ПЕВ. 1902. № 37 (1 октября) (офиц.). С. 444.

Старцев Анект Антонович (1889–?) — сын священника Екатеринбургского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. «Учился хорошо, считался исключительно одарённым. Семинаристом старших классов активно участвовал в политических выступлениях и в одном случае преследовался казаками, был крепко ранен шашкой в правую руку, почему даже писать потом пришлось левой рукой. По окончании семинарии начинал учиться в университете, но вскоре в связи со смертью отца, не имея средств для продолжения образования, поступил священником на отцовское место в Билимбаевский завод, где перенёс тиф. Позднее, в 1940-х гг., был счётным работником в г. Первоуральске, тогда там его жена работала учительницей». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 140–140 об.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — русский философ, публицист, литературный критик. Автор книг: «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895), в которых высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм.

Струминский Василий Яковлевич (1880–1967) — сын псаломщика Каменец-Подольской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1903 г. С 9 августа 1903 г. преподаватель цер-

ковной и библейской истории и истории русской церкви в Пермской духовной семинарии; с 1 октября 1903 г. преподаватель немецкого языка. // ПЕВ. 1906. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 438. Советский теоретик и историк педагогики, профессор (1926), член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР (1945), доктор педагогических наук (1961).

Сумароков Александр Петрович (1717–1777) — русский поэт, драматург и литературный критик.

Тетюев Василий Иванович (1869–1904) — окончил Пермскую духовную семинарию в 1889 г., надзиратель и регент хора Пермского духовного училища, священник Васильевской церкви села Нердвенского Соликамского уезда в 1898–1904 гг. См. «Памяти священника Василия Ивановича Тетюева». // ПЕВ. 1904. № 35 (28 августа) (неофиц.). С. 426–427.

Тихомиров Александр Иванович — сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии. С 1885 г. преподаватель Священного Писания в Пермской духовной семинарии, в 1893–1896 гг. преподаватель еврейского языка. В 1896–1902 гг. секретарь семинарского правления. Имел ордена: св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. Скончался 10 июня 1906 г. // ПЕВ. 1906. № 27 (21 сентября) (неофиц.). С. 572–573.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — русский писатель и мыслитель. В 1901 г. был отлучён от Русской православной церкви.

Троицкий Алексей Иванович — сын диакона Псковской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1882 г. В 1882–1888 гг. преподаватель латинского языка в Бельском духовном училище; в 1888–1890 гг. помощник смотрителя Рославльского духовного училища; в 1890–1901 гг. смотритель Единецкого духовного

училища; с 14 декабря 1901 г. по 1902 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел орден св. Станислава 3 ст. // ПЕВ. 1902. № 37 (1 октября) (офиц.). С. 443.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель. Автор романа «Отцы и дети» (1860-е).

Успенский Александр Феодосиевич — сын протоиерея Костромской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. В 1887–1902 гг. преподаватель русского языка с церковнославянским в Солигаличском духовном училище. С 25 июля 1902 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и помощник инспектора в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 250.

Ушинский Константин Дмитриевич (1823–1871) — русский педагог, писатель, основоположник научной педагогики в России.

Фаминский Валериан Александрович (1851–1913) — сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1880 г. С 1 августа 1880 г. преподаватель теории словесности и истории русской литературы в Пермской духовной семинарии; одновременно с 22 сентября 1895 г. преподаватель французского языка. Статский советник. Имел ордена: св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 250. Скончался 11 декабря 1913 г. после продолжительной и тяжёлой болезни. Прослужил в Пермской духовной семинарии 33 года. Заупокойную литургию в семинарском храме 14 декабря и после её чин отпевания совершил епископ Пермский и Соликамский Палладий (Добронравов), в сослужении семинарского и городского духовенства. В. А. Фаминский погребён на кладбище у Кафедрального собора. // ПЕВ. 1913. № 35–36 (11–21 декабря) (неофиц.). С. 878.

Филарет (Дроздов) (1783–1867) — митрополит Московский в 1826–1867 гг. Крупнейший русский православный богослов XIX века. Составитель «Пространного христианского катехизиса Православной Кафолической Восточной церкви».

Флоринский Василий Маркович (1834–1899) — сын диакона Владимирской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1853 г. и С.-Петербургскую медико-хирургическую академию в 1858 г. Доктор медицины 1861 г. Известный врач, этнограф и археолог.

Флоров Михаил Николаевич (?–1917) — кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. Назначен учителем греческого языка в Далматовское, затем Камышловское духовное училище. В 1889–1891 гг. помощник смотрителя Камышловского духовного училища, в 1891–1913 гг. смотритель того же училища. Статский советник. Имел орден св. Анны 3-й ст. ЕЕВ. 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 1. В 1913 г. получил назначение на должность инспектора народных училищ Пермского уезда II района. ЕЕВ. 1913. № 36 (8 сентября). С. 847.

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) — русский литератор.

Хавский Пётр Васильевич (1865–?) — окончил Пермскую духовную семинарию в 1885 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1889 г. В 1889–1891 гг. учитель приготовительного класса Пермского духовного училища. В 1891 г. определён учителем греческого языка Камышловского духовного училища. С октября 1910 г. состоял преподавателем русской церковной и гражданской истории, с 7 сентября 1910 г. преподавал историю только в 4-м классе. Статский советник. Имел орден св. Анны 3-й ст. ЕЕВ. 1911 (№ 1) (1 января) (ос. прил.). С. 1.

Харин Евфимий Дмитриевич (1889–1920-е) — окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат Киевской

духовной академии 1913 г. Преподаватель Пермского епархиального женского училища до 1917 г.

Хильтов Николай Николаевич — кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1910 г.

Хмельнов Николай Иванович (1889–1970) — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1909 г., служил в Александро-Невской церкви Нытвенского завода Оханского уезда. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета. «Позднее заочно в I Московском пединституте. В 1936–1940 гг. работал педагогом в Кушве, где организовал музей. Позднее преподавал немецкий язык в Тагильском индустриальном институте и в Тагильском филиале Уральского политехнического института. Известен как методист своего предмета и как автор руководства игр на немецком языке, изданного Институтом усовершенствования учителей». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 233–233 об.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — русский поэт, художник, публицист, богослов, философ.

Хохлов Александр Иванович (1889–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1909 г., с 1914 г. служил в Благовещенском соборе г. Кунгура.

Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) — русский композитор, педагог, дирижёр и музыкальный критик.

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) — русский философ, логик, психолог, профессор Московского, затем Киевского университетов.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — русский философ-материалист, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, литературный критик, публицист и писатель. Обучался в Саратовской духовной семинарии.

Чирков Аркадий Яковлевич (1880 – ок. 1918) — сын священника Красноуфимского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. «Имея красивый баритон, пел в училищном хоре, усиленно занимался культурой своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон, участвовал солистом в училищных вечерах и городских концертах. По окончании семинарии поступил учиться по экзамену на медицинский факультет Томского университета, одновременно учился в музыкальной школе на вокальном отделении. После 3-го курса перевёлся на медицинский факультет Киевского университета, где одновременно учился в консерватории. Окончание университета совпало с началом Гражданской войны, и Аркадий Яковлевич в качестве врача был призван в армию, в составе армии отступал, попал в Турцию, там и погиб». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 132–132 об.

Шаляпин Фёдор Иванович (1873–1938) — русский оперный и камерный певец (высокий бас). Оказал большое влияние на мировое оперное искусство.

Шестаков Василий (1887–?) — окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1907 г.

Шестаков Иаков Васильевич (1858–1918) — сын священника Пермского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1873 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1879 г. Преподаватель в сельских школах в 1879–1887 гг. Священник в

1887–1899 гг. Писатель, краевед, строитель церквей и основатель монастырей. Член Пермской учёной архивной комиссии. Составитель «Юбилейной памятной книги для духовенства». Пермь, 1899 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 593; «Краткого исторического очерка столетия Пермской епархии (1799–1899)». Пермь, 1899 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 553; «Справочной книги всех окончивших курс Пермской духовной семинарии». Пермь, 1900 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 595. В начале 1900-х гг. создал собственное издательство «Кама». С 1909 г. постоянно проживал в г. С.-Петербурге, работал в цензурном комитете Святейшего Синода. В 1917 г. вернулся в Пермь. Убит большевиками. Священномученик Русской православной церкви.

Шестаков Константин Александрович — протоиерей, духовник и священник семинарской церкви с 10 апреля 1904 г. // ПЕВ. 1908. № 32 (11 ноября) (офиц.). С. 252.

Ширман Григорий Игнатьевич (?–1942) — дирижёр симфонического оркестра и оперы, концертмейстер, скрипач, приглашённый учитель скрипки в Пермской духовной семинарии и др. учебных заведениях.

Шишёв Александр Николаевич (1892–1970-е) — сын диакона Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1914 г. Обучался в Киевском коммерческом институте (не закончил). В 1915–1916 гг. надзиратель в Камышловском духовном училище. В 1917–1919 гг. заведующий отделом внешкольного образования Камышловского уездного земства и Камышловского уездного исполкома. В 1919 г. мобилизован в Армию Колчака, затем перешёл в Красную армию. В 1922–1923 гг. работал в политпросвете Каменского уездного отдела народного образования. Окончил Екатеринбургскую губернскую совпартшколу в 1923 г. В 1923–1924 гг. преподаватель экономических дисциплин и завуч Камышловского техникума

по подготовке кооперативных работников. В 1924–1927 гг. преподаватель экономических дисциплин и краеведения Свердловского среднего политехникума, промышленно-экономического, автомобильного и других техникумов. В 1927–1929 гг. заведующий кабинетом краевой экономики Урало-Сибирского коммунистического университета. В 1929–1934 гг. экономист, затем руководитель группы дорожно-экономических изысканий Уральского Облавтошосдора. В 1935–1956 гг. на разных должностях планово-экономической работы в Обь-Иртышском, затем Омском Облавтошосдоре. Последняя должность — начальник планово-экономического и финансового отдела Омского управления Министерства автомобильного транспорта и автомобильных дорог. Краевед, автор воспоминаний о подпольной библиотеке пермских семинаристов и семинарском театре. Составитель картотеки «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», которая содержит почти 1,5 тысячи персоналий семинаристов (в основном выходцев из духовного сословия, не ставших священнослужителями).

Шишонко Василий Никифорович (1831–1889) — пермский медик, педагог и краевед.

Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ.

Штраус Давид Фридрих (1808–1874) — германский философ, историк, теолог и публицист.

Щеглов Михаил Михайлович (1875–1972) — окончил Московское Синодальное училище церковного пения со званием регента в 1894 г. Учитель церковного пения и чистописания в Камышловском духовном училище в 1894–1918 гг. С октября 1907 г. состоял также учителем черчения. Коллежский асессор. ЕЕВ. 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2–3. Заведующий Камышловской музыкальной школой в 1944–1956 гг.

Юлиан Отступник — в христианской историографии имя последнего языческого римского императора в 361–363 гг. Юлиана II (331/332–363).

Юмин Александр Васильевич (1889–1920-е) — из г. Сарапула. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. «Преподаватель литературы в городском училище и школе II ступени Каменского завода. Был хромым. Умер в 1920-х гг.» Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 199.

Юмин Константин Васильевич (1889–?) — из г. Сарапула. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник Рождество-Богородицкой церкви Добрянского завода Пермского уезда с 1913 г.

Юрьев Александр Николаевич — сын диакона Курской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1879 г. С 22 сентября 1879 г. преподаватель логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии и дидактики в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Анны 2-й и 3-й ст. и св. Станислава 2-й и 3-й ст. // ПЕВ. 1906. № 27 (21 сентября) (офиц.). С. 436. См. «О 25-лети педагогической деятельности А. Н. Юрьева». // ПЕВ. 1904. № 41 (9 октября) (неофиц.). С. 474–478. Скончался 10 августа 1907 г. после продолжительной и тяжёлой болезни.

Яковкин Александр (1889–1943) — «чиновник в Перми, позднее служащий в Шадринске». Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. ГКБУ «ГАПК». Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 208.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

- *ad absurdum* — до абсурда, до нелепости;
- *alma mater* — буквально «мать-кормилица», старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование) как организаций, питающих духовно;
- *alma matris nostrae* — нашей родной школы;
- *Amicus Plato sed magis amica est veritas* — «Платон — друг, но истина бо́льший друг» (т.е. истина дороже);
- *an sich* — в себе;
- *animi mei* — моего ума;
- *ante mortem* — перед смертью;
- *antithesis* — антитезис;
- *apperception* — восприятие сознанием самого себя;
- *cagito ergo sum* — «мыслю, следовательно, существую»;
- *contra* — против;
- *contradictio in adjecto* — противоречие в определении;
- *credo* — буквально «верю», личное убеждение, основа мировоззрения;
- *de mortuis aut bene, aut nihil* — «о мёртвых или хорошо, или ничего»;
- *Deus sive natura* — «Бог или природа»;
- *Dixi et animam levavi!* — «Я сказал и облегчил душу»;
- *et cetera* — и так далее;
- *in corpore* — в полном составе, вместе;
- *lege artis* — по закону искусства;
- *memorialia* — воспоминания;
- *O sancta simplicitas!* — «О, святая простота!»;
- *patres nostri* — отцы наши;

- *perceptio* — бессознательное восприятие;
- *persona grata* — лицо, пользующееся доверием;
- *pia desideria* — благопожелания;
- *pro* — за;
- *salto mortale* — смертельный прыжок. В переносном смысле слова — отчаянный шаг, слишком рискованный поступок;
- *Sero venientibus ossa* — «Поздно приходящим [достаются] кости»;
- (*sic!*) — латинское слово, означающее «так», «таким образом», «именно так». В. А. Игнатъев часто использует это слово для того, чтобы показать, что предыдущее необычное написание является цитатой, а не ошибкой, а также для указания на важность данного места в тексте, согласия с ним или иронического отношения к нему;
- *Sic transit gloria mundi!* — «Так проходит мирская слава!»;
- *sillogismus* — силлогизм;
- *synthesis* — синтез;
- *Sit tibi terra levis* — «Пусть земля тебе будет пухом»;
- *Sit tibi terra levis, care magister noster* — «Пусть земля тебе будет пухом, ушедший наш учитель»;
- *status quo ante* — положение дел, которое было раньше;
- *tabula rasa* — чистая доска;
- *temperamentum* — темперамент;
- *tertium non datur* — третьего не дано (закон исключения третьего);
- *testamentum* — завет;
- *thesis* — тезис;
- *vitium cordis* — порок сердца;
- *volens-nolens* — волей-неволей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

б. — бывший;
в. — век, века;
вв. — веков;
ВИЗ — Верх-Исетский завод;
ВКИУ — Высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск и артиллерии;
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков);
вр. — время;
вр. св., вр. сверд., вр. свердл. — время свердловское;
ВТУЗ — высшее техническое учебное заведение;
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР;
вып. — выпуск;
ГКБУ «ГАПК» — Государственное краевое бюджетное учреждение «Государственный архив Пермского края».
ГКУСО «ГАСО» — Государственное казённое учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области»;
г. — год, город;
гг. — годы;
гл. — главный;
горком — городской комитет;
губоно — губернский отдел народного образования;
Д. — дело;
домзак — дом заключения;
др. — другое;
дух. — духовная, духовное, духовного, духовных;

ЕЕВ — «Екатеринбургские епархиальные ведомости»;
и т.д. — и так далее;
ин-т — институт;
камен. — каменный;
кл. — класс;
коп. — копейки;
Л. — лист, листы;
л. — лет;
м. — минуты.
н. вр. — настоящее время;
н. ст. — новый стиль;
неофиц. — неофициальная часть;
о. — отец;
об. — оборот;
обл. — областной;
окт. — октябрьская;
Оп. — опись;
офиц. — официальная часть;
ПЕВ — «Пермские епархиальные ведомости»;
пед. — педагогический;
ПО — производственное объединение;
пом. — помощник;
пр. — прочее;
рабфак — рабочий факультет;
Ред. — редактор;
руб. — рублей;
С. — страница;
с. — село, села, селе;

свердл. вр. — свердловское время;
свящ. — священник;
соц. — социалистический;
т.е. — то есть;
ул. — улица;
ун-т — университет;
уоно — уездный отдел народного образования;
уч. — учебный, учебное;
Ф. — фонд;
Ф. печ. изд. — Фонд печатных изданий;
ФЗУ — фабрично-заводское ученичество;
ч. — часы;
яз. — язык.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Александр I, *император* · 24, 244
Александр II, *император* · 286
Александр III, *император* · 143
Алхутов Михаил Георгиевич, *священник* · 189, 268
Амвросий (Гренков), *иеромонах* · 30, 268
Андреев Леонид Николаевич · 170, 176, 177, 180, 230, 257, 268
Андриевский Тихон Петрович, *протоиерей* · 35, 139, 162-182, 268
Андроник (Никольский), *архиепископ* · 35
Анисимов Александр Ильич · 44, 101, 102
Антоний (Храповицкий), *митрополит* · 32, 95, 268
Антонин (Капустин) · 77, 113, 269
Аркадий (Ершов), *епископ* · 27, 268
Архангельский Александр Андреевич · 235, 276
Афанасий (Малинин), *иеромонах* · 33

Б

- Бажов Павел Петрович · 28, 57, 269
Баранов Алексей Григорьевич · 74, 269
Барбатенко Любовь Васильевна · 61, 65, 145
Бебель Август · 144, 148, 269
Беллини Винченцо · 240, 270
Белоусов Владимир Семёнович · 42
Беляевский Иван · 192, 193
Бережнёв Пётр Вячеславович · 225, 236, 270
Бирюков Владимир Павлович · 8, 9, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 35, 40, 44, 45, 57, 101, 103, 107, 137, 140, 141, 181, 182, 270
Битнер · 116

Богословский Иван Степанович · 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 49, 57, 60, 62, 67, 75, 117, 137, 141, 181, 191, 192, 239, 240, 253-267, 270

Богословский Нестор Павлович · 23

Богословский Николай Степанович · 254, 262, 271

Богословский Павел Степанович · 8, 9, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 26, 38, 39, 40, 43, 57, 67, 91, 141, 256-267, 271-272

Богословский Семён Степанович · 262, 272

Богословский Сергей Степанович · 75, 223, 224, 236, 247, 261, 263, 264, 267

Богословский Стефан Михайлович, *протоиерей* · 223, 253, 256-267, 272

Богословская (Антипина) Екатерина Фёдоровна · 253

Бортнянский Дмитрий Степанович · 77, 272

Борчанинов Александр · 44, 231

Босх Иероним · 158

Будрин Иоанн Андреевич, *протоиерей* · 118

В

Василенко-Левитон Мария Львовна · 57, 273, 283, 300

Верди Джузеппе · 100, 273

Вересаев Викентий Викентьевич · 176

Верхоланцев В. С. · 28, 273

Висковатов Павел Александрович · 213

Виссарион (Зорин), *архимандрит* · 246, 247, 249, 250, 273

Воронихин Андрей Никифорович · 264, 273

Г

Гааз Фёдор Петрович · 136, 273

Галахов Алексей Дмитриевич · 106, 111, 273

Гапон Георгий Аполлонович, *священник* · 170, 273

Гегель Георг Фридрих Вильгельм · 68, 130, 273

Гоголь Николай Васильевич · 83, 159, 228, 261, 264, 273

Голиков Филипп Иванович · 177

Городцов Александр Дмитриевич · 57, 274

Горький Максим · 23, 54, 66, 70, 73, 80, 170, 176, 177, 194, 197, 212, 288

Греков Борис Дмитриевич · 263

Гроздский · 71
Губкинский Иван Ермилович · 88, 183, 184, 274
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович · 170, 176, 177, 274

Д

Дарий I · 121, 274
Делич Фридрих · 144, 148, 274
Демидов Пётр Демидович · 51, 59, 215, 217
Дергачёв Алексей Иванович · 108, 123-125, 143, 274-275
Дергачёв Иван Алексеевич, *протоиерей* · 123
Дергачёв Иван Алексеевич, сын Дергачёва А. И. · 123, 124
Державин Гавриил Романович · 111, 275
Джонсон Брайан · 62
Добролюбов Алексей Иванович · 113, 119-122, 247, 275
Добронравов Вячеслав Николаевич · 90
Добронравов Константин Михайлович, *протоиерей* · 35, 83-91, 116, 140, 141, 142, 193, 198, 210, 251, 252, 275-276
Добронравов Михаил Константинович · 90, 91
Добронравов Николай Константинович · 90, 91
Добронравова Александра Константиновна · 90
Добронравова Лия Константиновна · 86
Добронравова (Рихтер) Маргарита Яковлевна · 85, 90
Добронравова Рахиль Константиновна · 86, 90, 91
Достоевский Фёдор Михайлович · 92, 93, 98, 100, 164, 167, 268, 276
Дроздов Арсений Алексеевич · 142, 185, 276
Дубровин Николай Павлович · 88
Дубровина (Флорова) Ксения Михайловна · 88

Е

Евлогий (Георгиевский), *митрополит* · 29, 30, 47, 276

З

Затопляев Александр Владимирович · 42
Затопляев Михаил Владимирович · 235, 237, 276
Захаров Алексей · 87

Зимницкий Семён Семёнович · 255, 276
Знамировский Николай Иванович · 27, 28, 35, 104, 150-161, 165, 168,
170, 181, 182, 226, 246, 247, 251, 276-277
Зубарев Леонид Васильевич, *протоиерей* · 246, 277

И

Иваницкий Николай · 221-222, 236
Игнатъев Александр Алексеевич, *священник* · 48
Игнатъев Алексей Алексеевич · 22, 31, 41, 45, 48, 86
Игнатъев Алексей Иванович, *диакон* · 11, 12
Игнатъев Иван Алексеевич · 48
Игнатъев Николай Алексеевич · 42
Игнатъев Сергей Александрович · 42
Игнатъева (Тетюева) Александра Ивановна · 11
Игнатъева (Зигер) Анна Фридриховна · 24
Иероним (Лаговский), *архимандрит* · 28, 277-278
Илиодор (Труфанов), *иеромонах* · 170, 278
Иловайский Дмитрий Иванович · 119, 120, 121, 122, 278
Иннокентий (Коровин), *архиепископ* · 27, 278
Иоанн (Алексеев), *епископ* · 89, 98, 278-279
Иона (Капустин), *епископ* · 27, 279
Ишутина Зинаида Фёдоровна · 283

К

Каменские · 53, 60
Кандауров Владимир Александрович · 78, 115-118, 247, 279
Кандаурова (Будрина) Клавдия Ивановна · 116, 117, 118
Кант Иммануил · 18, 279
Кантемир Дмитрий Константинович · 106, 279
Капустин Борис · 112
Карамзин Николай Михайлович · 111
Карл Великий · 121, 280
Карташёв Антон Владимирович · 28, 280
Кассо Лев Аристидович · 178, 180
Качалов Василий Иванович · 152, 159, 280
Кобяк Георгий Игнатъевич · 52, 242, 280

Кобяк Константин Георгиевич · 52, 59, 242
Козельский Григорий Михайлович · 44, 177, 224-225, 236
Козельский Феликс Михайлович · 180, 178, 224, 280
Колосов Николай Иванович · 116, 151, 247, 249, 280
Кони Анатолий Фёдорович · 136, 281
Коровин Дмитрий · 101
Коровин Иван Петрович · 254, 281
Коровин Марин Александрович · 230, 236, 281
Кочнев Михаил · 229, 236
Крылов Иван Андреевич · 111, 123, 125, 282
Кузнецов К. М. · 283
Куприн Александр Иванович · 170, 176, 230, 282
Курганов Фёдор Афанасьевич · 220, 282
Курлов Михаил Георгиевич · 255, 282
Кусакин Семён Епимахович · 91, 202, 215-217, 282
Кушелевский Борис Павлович · 57, 282

Л

Ламзин Константин · 232, 282-283
Ласин Сергей · 116, 283
Лбов Александр Михайлович · 73, 283
Лепешинский Леонид Васильевич · 42
Лермонтов Михаил Юрьевич · 130, 213, 240
Ливанов · 111
Липин Павел Александрович · 42
Лихтинберг · 176
Ломоносов Михаил Васильевич · 111
Луканин Александр Матвеевич · 27, 284
Луканин Владимир Павлович · 42
Луканин Стефан Александрович, *протоиерей* · 114, 186-187, 284
Любимовы · 49, 52, 53, 60

М

Мавровский Николай Николаевич · 218-220, 236, 237, 284
Максимов Андрей Яковлевич · 233-234, 237

Макушин Пётр Иванович · 28, 284
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркиссович · 19, 57, 65, 66, 231
Матфей (Померанцев), *архимандрит* · 35
Медведев Иван Панфилович · 187, 285
Мельников-Печерский Павел Иванович · 57, 285
Мережковский Дмитрий Сергеевич · 144, 148, 285
Мешков Николай Васильевич · 52, 59, 60, 65, 70, 285
Миролюбов Александр Павлович · 35, 89, 92-104, 139, 145, 151, 152, 158, 160, 164, 167, 175, 176, 190, 285
Михаил Александрович, *Великий князь* · 62
Михайлов Филагрий Александрович · 226, 236, 285
Михайловский Николай Константинович · 177, 285
Можгинский Виктор Михайлович · 142, 178, 184, 285-286
Морозов Николай Александрович · 143, 144, 148, 286
Мутин · 160

Н

Нассонов Димитрий · 193
Наумов Александр Петрович · 55, 286
Наумов Владимир Александрович · 42
Нежданова Антонина Васильевна · 53, 286
Некрасов Александр Иванович · 214-215, 286
Несмелов Виктор Иванович · 156, 261
Никанор (Надеждин), *епископ* · 102, 103, 286
Никитин Александр · 233, 237
Никитин Андрей Алексеевич, *протоиерей* · 50, 287
Никитин Иоанн Алексеевич, *протоиерей* · 11, 27, 50, 287
Николай II, *император* · 243
Новиков Николай Николаевич · 28, 287

О

Остроумов Иван Григорьевич · 57, 287-288

П

Павлинов Михаил · 228, 236
Пазовский Арий Моисеевич · 57, 288

Палладий (Пьянков), *епископ* · 27, 288
 Первушин Иван Михеевич · 240
 Первушин Николай 229-230, 236
 Перов Василий Григорьевич · 266, 288
 Пестич Евгений Филимонович · 244, 288
 Петерсон · 57
 Петров Григорий Спиридонович · 168, 170, 176, 288
 Петровская Ольга Платоновна · 143, 148
 Пётр (Лосев), *епископ* · 87, 167, 187, 288
 Пиликин Николай Васильевич · 57, 289
 Пимен (Белоликов), *архимандрит* · 246, 247, 250, 289
 Писарев Дмитрий Иванович · 177, 289
 Писемский Алексей Феофилактович · 94, 289
 Плетнёв Дмитрий Иванович · 185, 289
 Плетнёв Пётр Александрович · 111, 289
 Победоносцев Константин Петрович · 99, 289
 Половников · 80
 Пономарёв Аристарх · 249
 Пономарёв Виталий · 222-223, 236
 Пономарёв Константин Петрович · 153, 289
 Попов Александр Степанович · 28, 57, 214, 215, 290
 Попов Евгений Алексеевич, *протоиерей* · 27, 290
 Попов Матфей Яковлевич, *протодиакон* · 187, 246, 252, 290
 Попов Михаил Васильевич · 14, 43
 Попов Николай Николаевич · 231-232, 236
 Потоцкий Павел Семёнович · 92, 151, 158, 229, 240, 290
 Предтеченский Сергей Александрович · 150, 155, 156, 290-291
 Протопопов Виктор Викторович · 177
 Пушкин Александр Сергеевич · 43, 59, 61, 106, 111, 115, 119, 151, 168, 176, 189
 Пьянков Георгий Антипович · 27, 291

Р

Ракшинский Василий Иванович · 58, 68, 193, 291
 Распутин Григорий · 292
 Рассохин Кирилл Михайлович · 194-198, 204, 206, 210, 213, 247, 251

Рачинский Сергей Александрович · 104, 291
Ренан Эрнест · 144, 148, 291
Решетников Фёдор Михайлович · 57, 66, 291
Рубинштейн Антон Григорьевич · 152, 213, 291
Рыбаков Александр Константинович · 33, 247, 291-292

С

Савонарола Джироламо · 152, 158, 292
Самсонов Александр Васильевич · 241, 292
Сахаров Иван Кузьмич · 183, 292
Светилин Александр Емельянович · 68, 129, 292-293
Седых Николай Павлович · 28, 47, 293
Селиванов Вениамин Иванович · 136, 191-193, 247, 251, 293
Сергеев Фёдор Андреевич · 67, 75, 293
Сергиев Иоанн Ильич, *протоиерей* · 168, 177, 279
Серебренников Павел Николаевич · 28, 75, 127, 134-141, 193, 197, 247, 250, 251, 252, 265, 293
Серебренникова Евгения Павловна · 137
Серов Валентин Александрович · 158, 293
Симонович Владимир Флавианович · 255, 293-294
Славнин Павел Петрович, *диакон* · 94, 187, 189, 191, 252, 294
Словцов Семён · 227, 236
Смирнов Александр Иванович · 72, 294
Смышляев Дмитрий Дмитриевич · 57, 294
Собянин Николай Георгиевич/Егорович · 254, 294
Соколов Михаил Михайлович · 247, 250
Спасский Сергей Павлович · 185, 294-295
Сперанский Михаил Михайлович · 59
Ставровский Иван Николаевич · 42
Старцев Анект Антонович · 232, 237, 295
Стефан (Знамировский) см. Знамировский Николай Иванович
Страхов Николай Николаевич · 68, 128, 130, 295
Струминский Василий Яковлевич · 104, 131, 142-149, 295-296
Сумароков Александр Петрович · 106, 296

Т

Тарновский · 98

Тетюев Василий Иванович, *священник* · 50, 296

Тетюев Иоанн Васильевич, *диакон* · 11, 42

Тетюева Антонина Ивановна · 49, 86

Тихомиров Александр Иванович · 123, 296

Толстой Лев Николаевич · 94, 95, 100, 168, 177, 296

Третьяков Константин · 234-235, 237

Троицкий Алексей Иванович · 110, 296-297

Тупицыны · 52, 60

Тургенев Иван Сергеевич · 65, 137, 141, 182, 206, 208, 210, 261, 297

У

Удинцев Александр Павлович · 231, 236-237

Удинцев Иван Павлович · 231, 236

Удинцев Константин Антонович · 66-67, 75

Успенская (Меркурьева) · 133

Успенский Александр Павлович · 193

Успенский Александр Федосеевич · 132-133, 297

Ушинский Константин Дмитриевич · 146, 258, 297

Ф

Фаминский Валериан Александрович · 77, 104, 105-114, 115, 123, 125, 141, 142, 143, 187, 250, 297

Феофан (Ильменский), *архимандрит* · 35

Филарет (Дроздов), *митрополит* · 19, 298

Флёров Иван Александрович · 112

Флоринский Василий Маркович · 28, 298

Флоров Михаил Николаевич · 84, 88, 220, 298

Фонвизин Денис Иванович · 106, 298

Х

Хавский Пётр Васильевич · 183, 298

Харин Евфимий Дмитриевич · 220-221, 236, 237, 298-299

Харитонов · 61
Хильтов Николай Николаевич · 247, 299
Хмельнов Николай Иванович · 38, 48, 226, 227, 232, 236, 299
Хомяков Алексей Степанович · 68, 69, 299
Хохлов Александр Иванович · 232-233, 237, 299

Ц

Царевский Алексей Александрович · 51
Циммерман, сёстры · 9, 65, 244, 249

Ч

Чайковский Пётр Ильич · 71, 244, 299
Челпанов Георгий Иванович · 129, 299
Черепанов Леонид Всеволодович · 161, 226, 236, 283-284
Черепанов Сергей · 83, 86
Чернавин Георгий · 228, 236
Чернышевский Николай Гаврилович · 135, 137, 300
Чехов Антон Павлович · 177
Чирков Аркадий Яковлевич · 116, 300

Ш

Шаляпин Фёдор Иванович · 151, 152, 186, 300
Шестаков Василий · 102, 300
Шестаков Иаков Васильевич, *священник* · 22, 28, 45, 278, 300-301
Шестаков Константин Александрович, *протоиерей* · 301
Шестаков Пётр Евгеньевич · 283
Шипиловский · 64, 190, 205
Ширман Григорий Игнатьевич · 102, 244, 301
Шитов · 116
Шишёв Александр Николаевич · 35, 39, 180, 181, 301-302
Шишонко Василий Никифорович · 57, 302
Шкляев Александр · 234, 235, 237
Шопенгауэр Артур · 68, 302
Штраус Давид · 144, 148, 302
Шуберт Франц Петер · 87

Щ

Щеглов Михаил Михайлович · 19, 21, 35, 44, 181, 302

Э

Эйзенштейн Сергей Михайлович · 171, 172

Ю

Юлиан Отступник · 144, 303

Юмин Александр Васильевич · 227-228, 236, 303

Юмин Константин Васильевич · 227, 236, 303

Юрьев Александр Николаевич · 74, 77, 126-131, 137, 143, 145, 167, 303

Юшков Борис Евгеньевич · 42

Я

Яковкин Александр · 228-229, 236, 303

Н

Н Иван Антонович · 205

Н Иван Иванович · 199-201

Н Иван Степанович · 204-205

Н Иосиф · 194, 196, 205-206, 213

Н Кондратий · 195, 206, 216, 217, 247

Н Михаил · 201-202, 247

Н Пётр (Петя) · 206-207, 208

Н Платон · 207, 247

Н Яков (Яша) · 87, 209-213, 247

Игнатъев В. А.
Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Часть I
Под ред. В. Г. Бояршинова.
ГКБУ «Государственный архив Пермского края».

Проектная группа:
Инициатор проекта: **И. В. Киреев**, кандидат исторических наук,
директор ГКБУ «Государственный архив Пермского края».
Куратор проекта: **А. В. Глушков**, кандидат исторических наук,
начальник научно-исследовательского отдела.
Руководитель проекта: **В. Г. Бояршинов**, зам. начальника отдела
использования архивных документов и научно-справочного аппарата.
Участник проекта: **Е. В. Матвеев**, начальник лаборатории информационных
технологий и обеспечения сохранности архивных документов.

Рецензенты:
М. Г. Нечаев, кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственного управления и истории Пермского национального
исследовательского политехнического университета;
А. В. Шилов, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней
и новой истории России Пермского государственного национального
исследовательского университета.

Дизайн и вёрстка: Эльвина Цандекова.
Дизайн обложки: Эльвина Цандекова.
Корректоры: Ирина Прокудина, Наталья Семукова.

Подписано в печать 2017 г.
Печать офсетная. Формат .
Усл. печ. л. . Гарнитура .
Тираж . Заказ № .

ООО «Траектория»
614068, Пермь, ул. Екатерининская, 117 · trajectory@bk.ru · Тел. 8 (342) 257-61-26.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

